НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ

РЕМИЗОВ В СВОИХ ПИСЬМАХ



РЕМИЗОВ
В СВОИХ ПИСЬМАХ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

СКАЗКИ

Иллюстрации Н. Гончаровой

Париж 1950

ГЛОБУСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Иллюстрации Ф. Рожанковскаго

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Рисунки Ремизова

Париж 1959

ЗОЛОТОЙ ДАР

Рисунки Ю. Анненкова

Париж 1964



Париж 1936 г.

НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ

РЕМИЗОВ В СВОИХ ПИСЬМАХ

ПАРИЖ
1977

Приношу благодарность Наталье Викторовне Резниковой, Александру Яковлевичу Полонскому, Глебу Владимировичу Чихову и Данилу Андреевичу Соложеву за предоставленные мне рисунки.

Ремизов-живая лаборатория
русского языка
Максим Горький

Ремизов был человеком
весело огорченным
В. Шкловский

Алексей Михайлович Ремизов родился в Москве 27 июня 1877 года в купеческой семье. Дед его был из крепостных, мать чуткая, начитанная женщина передала сыну любовь к книге, музыке и фантастическому миру.

В 1897 году Ремизов был арестован на студенческой сходке и провел в тюрьме и ссылке шесть лет (Пенза, Устьсысольск, Вологда). С 1903 года Ремизов в Херсоне, Одессе, Киеве – под запрещением «столиц». После революции 1905 года Алексей Михайлович в Петербурге, где началась его настоящая литературная работа.

После шестнадцати лет в Петербурге, он в 1921 году уезжает в Берлин, где остается около двух лет, потом Париж до самой своей смерти.

«Тут и заканчиваю свою жизнь» не раз говорил Алексей Михайлович. «Долгий мой век, и вот в Париже я прожил дольше чем в Москве».

Алексей Михайлович скончался 27 ноября 1957 года. Ему было восемьдесят лет.

С Ремизовым меня связывала большая и нежная дружба. В 1959 году, через два года после его смерти вышла моя книга «Алексей Ремизов». Я не пыталась создать литературный портрет и не касалась его произведений. Не пришло еще время, когда Ремизов получит общее признание, как 'один из крупнейших русских писателей двадцатого века.

Я как бы говорила: я читала его книги, разговаривала с ним, последние годы его жизни прошли на моих глазах; в этом я и вижу оправдание моей работы.

Сейчас мне удается издать часть его писем ко мне. У меня их больше семисот. Печатая избранные письма, я хочу закрепить представление о его повседневной жизни, как он относился к людям, как сам о себе судил.

Он жил на границе между сном и явью. Часто в его письмах явь переходит в сон. Но голова его никогда не кружилась. Сны его необычайны по своей точности: они не содержат нарочитой выдумки. Сны живут в яви, как рыбы в воде бегущей с горы.

К чудесному сказочному были открыты его глаза. Всю свою жизнь он отдал слову. Он знал, что словом можно убить, но и поднять. Он умел поднимать и воскрешать словом. Он воскрешал слова.

Для большинства читателей Ремизов – «незнакомец». Что бы познакомить их с ним, для лучшего понимания этого сложного, глубокого, «весело огорченного человека» привожу предисловие к моей первой книге «Алексей Ремизов» – вышедшая в Париже в 1959 году:

«Эта книга о Ремизове написана мной по его давнему желанию. Я не успела окончить ее при жизни Алексея Михайловича, но очень многое в ней записано с его слов, а отчасти и просмотрено им. Он не вмешивался в мою работу, но иногда указывал, о чем еще рассказать или что отметить. Ремизов считал, что современники – в особенности русские – плохо его понимают, относятся к нему без достаточного внимания и без любви, и говорил мне, что, может быть, моя книга поможет изменить это хотя бы в будущем. 9 сентября 1956 года он пишет: «Верю в вашу книгу, она покажет любопытному дорогу – заглянуть в мою душу. О чем я думал и чем жил».

То, что я «не принимала» его до конца, он знал и говорил: «Для биографа так лучше, а то возьмет и замаслит!» Мне это помогло быть независимой. Ведь я и прежде часто с ним не соглашалась. Начав книгу, я с Алексеем Михайловичем не раз спорила, но потом бросила – время для наших бесед было считано! Я только говорила: – об этом не напишу! – он соглашался. «Раз так чувствуете – не надо».

– Например, о вашем кикиморном начале не напишу. Когда вы пишете, это одно, Алексей Михайлович, а если я буду – получится смешно!

«Но ведь они добрые – кикиморы, в них нет никакого злого начала, от них идет моя путаница и неразбериха, от них же мои шутки и безобразия». – «Все это может быть и так, но пишите сами». На этом и кончалось.

Не знаю, насколько удалось мне оправдать его надежду и доверие. В мой последний приезд, летом 1957 г., он думал написать предисловие к книге: «А вдруг как не дождусь!» Потом мы сообща решили, что это не нужно. Но остался черновик проекта.

«Предлагаемая книга – передача моих мыслей и суждений, исполнено правдиво, с любовью. Какое надо терпение и верный слух! Часы, проведенные за разговорами – не забава, а испытание».

Я знала Ремизова с 1940 года, но в наших встречах всегда были большие промежутки. Где же мне было по-настоящему узнать его? Думаю, однако, что если бы я и провела с Алексеем Михайловичем всю жизнь, то и тогда должна была бы признаться, что его не знаю. Сложный это был человек, много в себе затаивший, противоречивый, и с каждым годом, кажется мне, все более мучившийся своими противоречиями. Да и писатель ведь был он сложный: одних прельщал, даже очаровывал, других – как например Бунина, да и только ли Бунина? – отталкивал.

В книге своей я старалась как можно меньше говорить о своем личном отношении к творчеству Ремизова и к его

странностям и причудам. Может быть, эта книга была бы живее, если бы – как не раз бывало при наших долгих беседах – я стала возражать Алексею Михайловичу, спорить с ним или в некоторых случаях развивать, дополнять его суждения мыслями других писателей, с которыми мне приходилось встречаться, – мыслями, порой шедшими вразрез с его собственными. Сначала я так и хотела поступить, но потом решила собрать и записать все, что я о Ремизове помнила, все, что от него слышала и о нем узнала, без каких-либо комментариев. Если удастся и хватит сил, попробую в будущем написать такие «комментарии». Материала для них у меня наберется достаточно. Книга эта была бы не столько портрет Ремизова, сколько попытка собрать все данные для выяснения его значения в нашей литературе, его влияния, его пристрастий, – и что скрывать? – тех доводов, которые выдвигались так часто и с такой настойчивостью против него. Я только что назвала Бунина. Было бы до крайности интересно и важно определить, что именно заставляло Бунина чуть ли не полностью отрицать за Ремизовым значение, отвергать его прежде всего психологически, не говоря уж о расхождении стилистическом.

Бунин считал и не раз об этом говорил, что утверждение Ремизова, будто все мы теперь пишем испорченным русским языком, неверно. Мнимую «порчу» Бунин называл упорядочением, очищением, окончательным установлением. А попытки Ремизова писать так, как писали до Петра или уловить разговорный «живой» склад речи того времени, считал неосуществимыми, а главное, ненужными. Было еще и другое. Ремизов вел свою родословную от Гоголя. Гоголя Бунин недолюбливал и не только Ремизову, но и мне не раз говорил, что Гоголь «лубок». Смущало Бунина и то, что было в Гоголе уклончивого, хитрого и двоящегося. Он признавал, конечно, великое дарование Гоголя, но считал, что основное свойство русской литературы – правдивость,

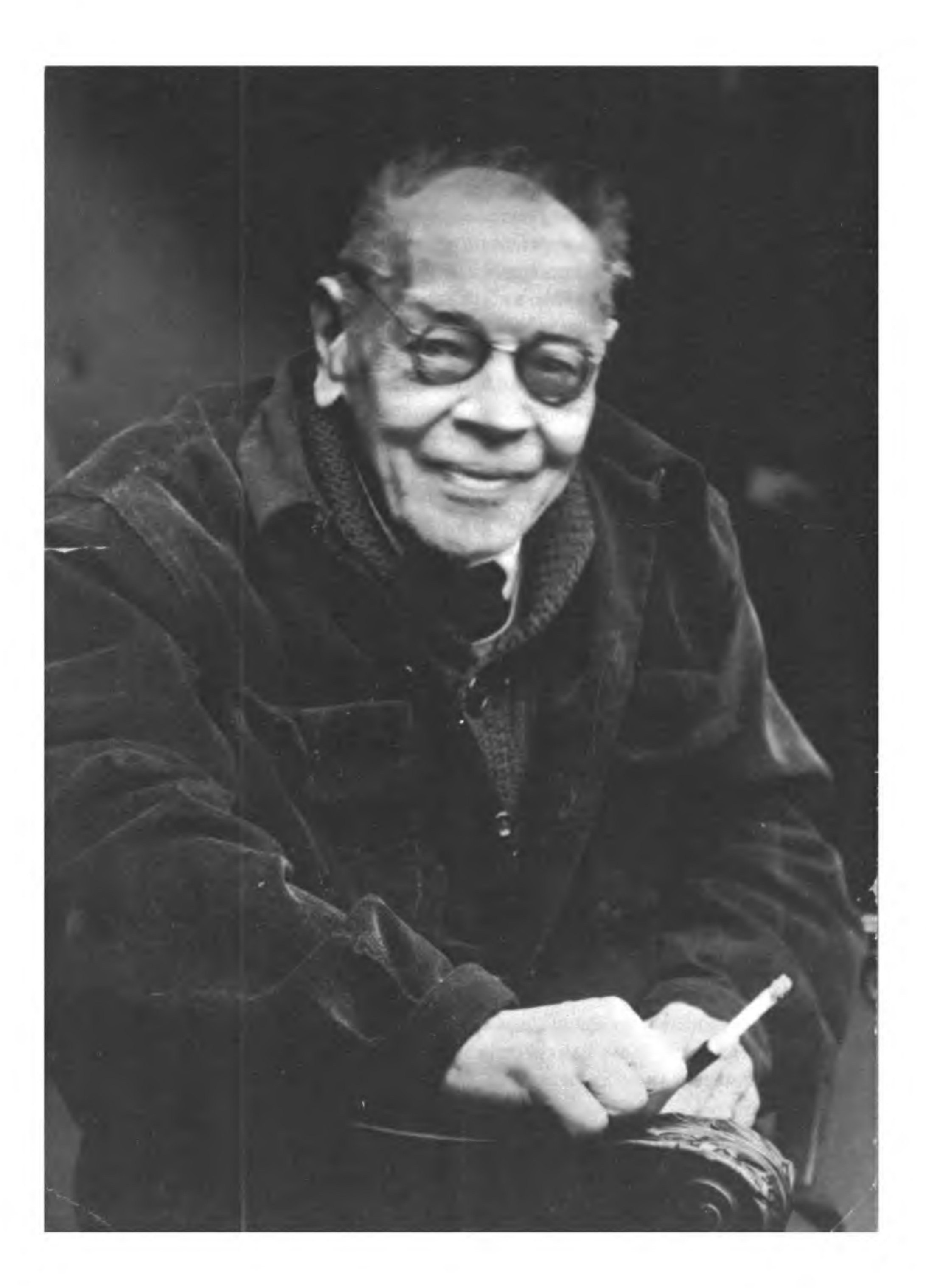
и что научил ее этому не Гоголь, а Пушкин и Толстой.

Мне кажется, что всякому писателю есть тут над чем задуматься: кто был прав? кто заблуждался? – и решить вовсе не как отвлеченный, историко-литературный спор, а для себя лично, чтобы самому не заблудиться.

Действительно ли, как Ремизов постоянно жаловался, русские не понимают и не ценят его? Нет, это не совсем так! С издателями и редакторами, в самом деле, отношения складывались у него трудные и подчас неприятные. Но в то же время вокруг Алексея Михайловича всегда была тесно сплоченная группа почитателей и литераторов, считавших его замечательным художником, прислушивавшихся к каждому его слову. Было к нему и со стороны иностранцев, преимущественно французов, больше внимания, чем к какому-либо другому современному русскому писателю. Это его радовало, но вместе с тем было причиной постоянных терзаний: вот французы его приняли, «признание на верхах», его принимают «во французском святилище», а свои тыкают – «не так пишу! постоянный мордоворот». Как во всем, и тут у Ремизова, конечно, была известная доля преувеличения. Но что он так чувствовал, это несомненно. И свидетельство этому – его письма.

Хочу еще сказать, что близкое знакомство с Ремизовым я считаю одной из самых больших удач в моей жизни. Даже, может быть, одной из самых больших радостей! Я любила Алексея Михайловича, преклонялась перед его подвижническим отношением к слову. И свою книгу я посвящаю памяти Алексея Михайловича с великой благодарностью за все, что он мне дал, и за его чудесную дружбу».

Н.К.



Наталье Владимировне
Кодрянской

Мой последний камушек
и
магнит

7 X 1948
Paris

Почему я все повторяю «мой последний»? Что-то чует во мне: не с-проста. А за «последним» проходит мысль: этот камушек будет мне спутником – мой крест.

Ничего у меня не осталось – я перевернул всю комнату, смотрел, шаря во все углы, с ножом к щелям, – ничего.

И вдруг один единственный этот камушек ТЕРОЗА – камень царей – забвение незабываемой горькой памяти-противоядие змеиному яду.

Этот камушек пусть ляжет. в основу книги. Ваша книга мой спутник. Этот камушек по древнему обычаю моя живая жертва в основание вашего сказочного сруба.

В камушке кровь – моя кровь.

Все что дышет и ростет, все на крови. Кровь – дух жизни и скрепа жизней.

А. Ремизов
13-16 VII
1948
Paris

МАГНИТ

А еще не рассказал я вам о моих детских пристрастиях и как попал мне в руки этот исторический магнит. Это в первый мой гимназический год. (1884-1885)

*

Я был самый младший не только в приготовительном классе, а и во всей Московской IV-ой гимназии. Мне было семь лет.

В ту пору в гимназии чаще всего поминалось имя: «Алексей Александрович Шахматов».

Год, как окончил он IV-ую гимназию, и еще гимназистом – восьмикласником прогремел на всю ученую Москву: на защите магистерской диссертации Ал. Ив. Соболевского, Изследование в области русской грамматики (1882) выступил оппонентом вслед за Тихомировым, Фортунатовым и Дювернуа; возражения его были так убедительны, Ячич напечатал их в своем Архиве (Beitrage zur Russischen Gramatik, B VII).

А я, безымянный, из всех гимназистов обращал на себя внимание и был на виду. Почему-то дался всем мой «нос чайником», как потом метко назовет Кодрянская. Меня не дразнили, и только почему-то всем хотелось непременно потрогать меня за нос.

Я не отбрыкивался: я не чувствовал грубости, со мной обращались очень ласково. Конечно, пальцы всякие, но не щипцы же, а хотя-бы и щипцы: щипцами сахар берут.

Так жил я защипанный и заласканный. Если бы кто обидел меня, что и допустить трудно, вся гимназия заступилась бы, я уверен.

*
* *

В классе я мог бы занять место на первой скамейке с первыми учениками и тихими. А я выбрал к стенке – последнюю скамейку, где по обычаю рассаживались второгодники и самые озорные и «отпетые», последние ученики. Среди них я сразу почувствал, что я на своем месте, хотя сам я не задирал и не лез в драку, а ответы мои с места всегда без подсказа, будто с первой скамейки сказано. А что нынче летом я написал рассказ – мой первый путанный рассказ «Убийца» – для всех было тайной.

По моему малолетству, учителя меня не тормошили, спрашивали бережно, ученической лихорадки я не испытывал, да не в чем было и «ловить» меня и не на чем «сбивать» – любимая удочка учителей окажется все равно, не по рыбе: все мне давалось легко, и головоломное для других, ничего мудрёного.

У меня много было незанятого времени вне задач, диктанта и уроков – и с первых же гимназических дней я начинаю никому не заметную мою затаенную жизнь.

*
* *

Я как помню себя, вспоминаю – оно не покинуло меня и до сих пор – живое, трепетное, вдруг охватывающее чувство моей «отверженности», и что я один. И в такой кручинный час я особенно вглядывался, и слушаю, проникая за доступные слуху звуки.

На уроках чистописания с первого взгляда привлекли меня столбики мела, разложенные у доски: они глядели на меня как-то странно – как на знакомого, «забыл фамилию» – я различал их синие жилки изнутри вверх до голубых дымящихся усиков. Сначала я только всматривался, как шевелятся – дышут, и тоже что-то припоминая; потом тихонько потрогал, а потом – откусил. И мне понравилось. И уж никакого завтрака уминать в ранце не надо: на большой перемене будет мне не «Журавлиная» чайная колбаса с нашего гастрономического и бакалейного камушка, а чистый природный мел.

Мел – никакого запаху. А ведь даже снег, белый, как мел, а каким от него морозом!

И эта свежесть снежного дыхания особенно приятна: снег я всегда ем, собирая пальцем с низких карнизов по дороге в гимназию.

А что если с мелом соединить запах «снимки»?

Эта мысль пришла мне на уроке рисования, когда я оттушевал геометрическую фигуру, как теперь понимаю, моего «четвертого измерения».

«Снимка» вбирает в рисунке с оттушевки пучковые точки. Я был убежден, что все дело в ее необыкновенно «чувствительном» запахе. Растянув, сжимаю «снимку» пока не взблестнет на ее скипидарном брюшке пузырек и с треском лопнет. А как приятно пахло: это было что-то смоляное, дышать легко.

Пальцами в снимке отламывал я мел. И такой хвойный мел по вкусу только и сравнить можно с любимым яблочным «воздушным» пирогом или с заплесневшим черным «солдатским» хлебом.

«Снимка» и мел не выходили у меня из рук. Но мне и еще чего-то хотелось. Как человек невольно потянется прикоснуться, желая другого, так я прислушивался. В шорохе я различал шопот, в шопотах шепотинку. Мне нужна была музыка.

В перышки я не играл: пером опрокинуть на спину другое перо – хитрость не велика! Легкое меня никогда не притягивало: что можно сразу, мне было скучно. Должно быть, я любил работу. Но звон перьев мне понравился. И укрепив на парте, я чуть касался пальцем острия – и перышки играли, я мог весь час, ничего не замечая, слушать стальную музыку – этот просеребренный «голубой скорлат». А учитель с глушинкой не замечал.

Как полна была моя жизнь! Глаза, уши, нос, язык – все насыщено: бело-голубое-мел и рябиново-зеленое-«снимка», колыбались сетью серебряных нитей – перышки.

*
* *

На большой перемене, насытившись мелом, надышавшись «снимкой», я завел мою перечудную музыку. Но не успел я развесить уши, как сосед мой Павлушка Воскресенский – «Пугало», не касаясь лапой, а только слегка проведя, поднял мои музыкальные перышки на воздух. Я его за руку – пальцы у меня крепкие – и вижу: в его мягких пальцах подкова, а на подкове безсильно повисли мои перышки.



Л. О. Пастернакъ. Портретъ А. М. Ремизова

Это была красная подковка, но без шипов – «не лошадиная, почему-то подымалось и верно, лошадка!» Но какая разница лошачьей от лошадиной я не знал, как не догадывался, откуда в подкове такая притягательная сила?

Павлушка открыл мне секрет подковы.

«И вовсе не лошачья, – сказал он – а магнит». И тут же на железках мне была показана сила и власть магнита.

«Магнит жрет железо!»

Вот что я узнал от Павлушки, но почему «жрет», он ничего не мог ответить, кроме безответного, и самого точного: «так». Ведь и люблю не почему, а так.

На завтрак нас сгоняли, в раздевальню под шинели. Перемена кончилась, возвращались в класс.

И всех занял Павлушкин магнит: смотреть, как магнит «жрет железо». Только о магните и крику.

Как мне захотелось: если б у меня был свой магнит!»

«Меня «Козел» оставил на час после уроков (Козел учитель арифметики), не уходи, сказал Павлушка, – будет у тебя магнит».

*

*   *

В классе на стене за нашей спиной шкапчик. В этот шкапчик прятался после уроков классный журнал и чернила и все, что отбиралось от учеников постороннее – целое собрание игрушек за много лет. Хранился в шкапчике и магнит, отобранный десять лет тому назад у Шахматова.

Павлуша – глаза в льняной сетке, а глазастый, давно выглядел в шкапчике магнит: красная подковка между желтой обезьянкой и лиловым слоном. Этот Шахматов магнит предназначался мне.

«Чудо природы» – под таким названием жил в памяти Московской IV-ой гимназии Шахматов. Все мы знали от восьмого до приготовительного: золотыми буквами с черной доски в золотой, золотыми лаврами украшенной раме смотрит на нас всякий день это имя. Но ни я, ни Павлушка, ничего не знали, почему Шахматов стал вдруг Шахматовым – «Чудо природы» не знали и самое главное, что магнит между обезьянкой и слоном «*исторический*».

Павлушку, действительно, в тот день «Козел» оставил на час после уроков – обычное для Павлушки наказание. Я спрятался под парту. А когда раздевальня обнажила свои ребра – вешалки, а классные распахнутые окна занялись проветриванием, и во всей гимназии из начальства один только дежурный надзиратель «Филин», перебирая штрафные бальники, скучал в учительской, я вылез из своей засады.

Павлушка, не замечая меня, о чем-то думал – точно решает в уме сложную задачу на цепное правило – льняная голова его торчала соломенным пугалом. Вдруг появился Санька Кивокурцев.

Санька товарищ Павлушки, первокласник – «Живущий», его часто оставляли «без обеда». И весь обеденный час, голодный, он шлялся шакалом по классам, где отсиживались такие, как Павлушка.

Весь на косточках, просвечивая зоркими пилками, Санька проворно высмотрел и вынюхал все пустые парты и с жадным полубатоном подсел к Павлушке. И глотками, как птица, принялся за коврижку.

От Павлушки я узнал, что Санька жрет живых лягушек. Летом они ходят за лягушками в Косино: там, где больше богомольцев у самого святого колодца зеленые гнезда. Но что в одиночку воруют только воришки, у них «шайка» и я должен поступить в их «шайку».

«У тебя, я это сразу заметил, разбойничьи глаза, – сказал Павлушка – тебя можно принять, без испытания железом».

«И огнем!» одобрил Санька.

«Шайка» состояла из Павлушки и Саньки, я был третий. Мое имя никогда не упоминалось и в «шайке» я остался «Алексей».

Кривыми гвоздиками и «плоскозубцами» – в первый раз я услышал это название и на всю жизнь поверил – шкапчик был очень просто открыт, как потом «шитокрыто» закроется.

Я был меньше Павлушки и меньше Костяного Саньки, достать мне до шкапчика нечего думать, разве что на ходулях.

На закорках у Павлушки, как на ходулях, носом в шкапчик – я протянул руку. И к моему смущению в моих «разбойничьих» глазах лиловый слон задавил желтую обезьянку – ничего не вижу. Но тут мои глазатые пальцы, юля, притянули к себе магнит и красная подковка очутилась в моих руках. Ее я сейчас же сунул к себе в карман, чтобы потом заняться дома на свободе.

И как-ни-в-чем-не-бывало я сел на свое место ждать дежурного надзирателя: «Филин» отпустит домой наказанного Павлушку и меня за одно.

Коротая наказательный час, Павлушка и Санька посвятили меня в тайну нашей «шайки», где все должно делаться «за-одно», безо всякого принуждения и попреков – ни в чем друг друга не укорять и не дразнить.

Павлушка Воскресенский, сын запойного дьякона от Ильи Пророка, обещался под клятвой – «провалиться мне на месте», что выплюнет причастие и зашьет себе в рукав.

Сенька Кивокурцев, сын известного на Воронцовом поле доктора по детским болезням, обещался –«провалиться мне на месте» – достать у отца яды, не спутает: яды узнаются на язык: сладкий, а щиплет».

Моя очередь: за клятвой «провалиться мне на месте» моим обещанием будет это самое, исшедшее из горечи, что заполняло мою душу, и моя вера в непобедимое могущество магнита.

Летом погиб Егорка, фабричный мальчик, единственный мой товарищ, кому открыто было тайное зрение моих, пускай «разбойничьих», не по-человечески смотревших подстриженных глаз, единственный, который верил всем моим сказам – моему непохожему миру моей сказачной были. Гордого презрительного «не понимаю» и на самые запутанные неправдошные мои рассказы я от него никогда не слышал. На моих глазах Егорка попал в маховое колесо и, подхваченный под потолок, был сплющен, и задохся.

Этим магнитом, – сказал я и потрогал, не вынимая из кармана, – я доберусь, я притяну к себе маховое колесо и пущу в работу все, какие есть, станки, как я хочу и задумаю. Этим магнитом... я буду сам, как маховое колесо, вся Москва застучит и-стоп!»

«Филин» во время остановил маховой пыл. Час наказания прошел: «ступайте по домам» кончился его скучающий час.

«Филин» торопился, ему было не до меня и он не спросил: как это я, безнаказный, а попал среди наказанных.

*
* *

С первого урока стоял крик. Раззадоренные Павлушкиным магнитом, все чувствовали себя притянутыми



А.М. Ремизов 1911

Бронза

Скульптура А.С. Голубкиной

Госуд. Русский Музей

этим магнитом и безпомощно болтались на нем, как мои пёрышки. Уроки никто не приготовил и ранцы не выпотрошены.

Говорилось самое несообразное, все было в моем духе: магнит, нажравшись железа, превратился в волшебный алатырь-камень и засверкала сказочная магнитная гора: сучи рукава, полезай на небо – все можно!

Учитель Иван Иванович Виноградов, он же и классный наставник, затеял вместо урока разъяснить естественные свойства магнита и таким образом рассеять басни, забившие «пустую голову», как он выражался, приготовишек.

Иван Иванович не мог бы припомнить, когда и у кого он отобрал слона и обезьянку, но он твердо знает что магнит Шахматова, «чуда природы» – реликвия.

Еще вчера после уроков пряча в шкапчик классный журнал и чернила, он видел магнит «собственными глазами» между обезьянкой и слоном – этот исторический магнит и почтительно ему улыбнулся и мысленно пожурил детские проказы великого человека, впрочем, не оставшиеся безнаказно, как и следовало с педагогической точки зрения. Он перерыл весь шкапчик, – да, там была настоящая игрушечная лавка, все что хотите, все, о чем мечтает еще не забитая уроками «пустая», а значит, «свежая» голова живого человека. Но только никакого магнита среди игрушек не попадалось.

Искомый магнит лежал у меня в кармане.

В горячах обвинение пало на весь класс, не исключая первых учеников и самых прилежных и тихих-забитых: «магнит исчез!»

После уроков весь класс был задержан. Допрашивал инспектор, пугая директором-директор IV-ой гимна-

зии Новоселов, на которого даже смотреть не смели! Потом всех обыскали.

Магнит не нашли.

А у Кутузова – первый ученик отобрали:

Заряженный отравленными пулями, настоящий семиствольный револьвер и подержанную сумку с бездымными патронами.

Все это узнал я потом уж от Павлушки: ведь, меня не только не обыскали и не допрашивали, меня даже не задержали после уроков. И я унес с собой магнит, как свое и всегда мое.

И помню, меня нисколько не удивило, что только одного меня так легко отпустили.

Да иначе и не могло быть: всем существом, от корней моего сердца, я чувствовал мое право на этот магнит. И сила этого моего неписанного исподнего права, нарушающего самый дух и смысл видимого всем «законного права», моя правовая убежденность и отвела от меня подозрение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Механика давно отошла от меня. Живет лишь в памяти и не гаснет в глазах блестящей машиной, и пахнет маслом. Магнит отшвырнул бы меня, так всё существо мое перевернулось. О маховом колесе я не мечтаю.

«Но душа человека?»

«Душа человека потемки. И где и как найти в ней железо, чтобы, коснувшись, притянуть к себе нераздельно?»

И я задумался.

Ну буду говорить проще, без залётов не мне притягивать к себе человеческие души.

Спрашиваю себя: что это: магнит отобранный однажды у Шахматова, переходит ко мне через безнаказанное преступление», как скажут судья?

Вы правы, но я не чувствую себя преступником, да меня не в чем не обвиняли и потому так прямо спрашиваю: что означает этот «законно» перешедший мне от Шахматова магнит?

Шахматов всю свою жизнь притягивал слова и, размещая рядами, искал закон сочетания речевых звуков. Я всю мою жизнь притягиваю слова, чтобы на свой лад строить звучащие, воздушные, с бьющимся живым сердцем мои словестные ряды.

Сила Грамматика и Сила Музыканта таятся в этой красной подковке, не подъемной ни лошади ни лошаку.

А душа человека? До конца? И разве я могу похвалиться, что в моей жизни я притянул к себе человеческую душу и выразил во всех ее звучащих переменах?

Разделение между людьми – человека от человека не победимо и никаким магнитом не возьмешь – и моя мечта забава?

Но моя живучая непокорность?

И пусть судьба отнимет мое сердце и ум, пусть что ни делает со мной, а я ей в том не молчу.

И вот это – черным заволакивающее мне душу, оно всегда со мной.

18-21 VII 1948

Рис. 17



6 XI 1945

Дорогая Наталья Владимировна!

Сегодня я вас видел во сне так жарко; на вас сверкающее морское платье, но есть и красные (рубиновые) камушки, все запутанно, и все кружится и уж не на земле, а над. Я выходил на немного, вызывали по налогу. А вéрнулся, сумерки: в кукушкиной холодно. Часто я ничего не ем, а только пью кофий (не хочется

торчать на кухне. Поставил кипяток. И тут принесли от вас, я так и понял, что это Вы. Спасибо. Жду Ваших разсказов. Я не видал ни Н. Рус. Слова, ни «Новаго Журнала». Просил у Бунина через Бахрака (такой есть тихий человек) Бунин обещал, но кто-то у него схватил и мне не попало. Я хотел купить этот №, кажется 10-ый, но в «Доме Книги» нет. Я никуда не выхожу и редко кого видаю. Каждую субботу бывают французы. Я вам пришлю книжку Sentiers vers l'invisible. Старые разсказы. Я спрошу как послать.

Не знаю сколько часов, буду продолжать сказочное: «В сырых туманах».

Еще раз спасибо за память.

А. Ремизов

Кланяюсь Исааку Веньяминовичу

29-30 XI 1945

Дорогая Наталья Владимировна!

Не знаю вашего адреса. Хочу сказать вам, что за эти годы беды и боли, часто вспоминали вас обоих. И в последние дни жизни Серафима Павловна спрашивала меня о вас: «где»? И я всегда говорил, что верю, и это будет – вы вспомните, как мы вспоминали вас в жуть и пропад и в боль.

Я только слышал, но ничего не читал вашего. Кто-то мне сказал, что и в «Новоселье» и в «Новом журнале». Если можно пришлите, я вам все подчеркну. Три года я не писал; после смерти Серафимы Павловны, живя в затворе, я снова начал – без этого я жить не могу, Вы знаете. А помните, мечтали о сборнике, где будет ваша сказка и мое сказочное? Часы не ходят, пружинка, одна кукушка, а кукушка все по своему, и уж несколько дней живу без времени, а сейчас ночь-хоть бы какой петух запел!

А. Ремизов

31 XII 1945

Дорогая Наталья Владимировна, Спасибо. Вторую посылку получил. Не написал сразу от холода и темноты. Без отопления и часто без света. Если бы вы были тут, вы как нибудь достали: нет у меня тетрадей и купить нельзя, нет спичек – и купить нельзя, зажигалка испортилась.

Сегодня туман, ничего не вижу. Пишу куроляпкой. Так я и не достал Н.Ж. с вашим разсказом. Буду ждать: когда приедете в Париж, вы мне все дадите и я при вас буду читать.

А. Ремизов

27 I 1946

Дорогая Наталья Владимировна!

Спасибо. И опять догадался – ваше. Всегда что-нибудь положите «выдающееся». А я был уверен, что вы скоро приедете, и посылка была неожиданная. Упаковщики или сердились друг на друга или на меня: два раза обрезал палец.

Так ваше и не пришлось взглянуть. В «Новоселье» это из моей интермедии к сказанию в 2х частях.

1) В розовом блеске

2) За зеленой оградой

а для передышки интермедия, и еще из нея послал в «Новоселье». Приходится по кускам.

О вас распрашивала Сухомлина.

Спасибо
А. Ремизов

30 I 1946

Дорогая Наталья Владимировна!

Пишу во тьме (электрич. прерывают) хоть еще и трех нет. Нашла туча: молния и гром прогремел а я думал о весне.

Вчера получил от вас и чулки и костюм. Спасибо.

Корплю над «русским ладом» хочу объяснить, в чем дело. Может, удастся напечатать. Предполагается альманах «Подорожник».

Ведь, дело не в словах, а в порядке слов, в синтаксисе. Отчего «русское» непереводимо на иностранное. Пишите как у вас сказывается.

Если бы вы были тут, в этом «Подорожнике» дать бы ваше. А вот и туча ушла. Промочило. Солнце. Поставлю чайник и за ваш чай.

А. Ремизов

3 II 1946

Дорогая Наталья Владимировна!
Спасибо – Спасибо – Спасибо!

Вчера получил медовую посылку. От того ли что началась весна, я как во сне. В темные часы снится, а днем распутывается. Дважды видел вас: во второй – спокойно, а в первый – бурно. И складываю и раскладываю слова. Сейчас пишу о Сведенборге – о легендарном, – связан с моей первой памятью.

Все таки к холоду можно привыкнуть а это очень важно. Я отдал мои глаза земле, а жду солнца. Вот и подите! Только мало часов мне писать.

А. Ремизов



18 II 1946

Дорогая Наталья Владимировна!

Свечную посылку получил. Спасибо. Хоть теперь стали давать электричество, но мне угрожают в марте неделю сидеть без света – вот я буду ваши свечи жечь. В потьмах очень скучно.

Совсем надрываю себе глаза. Отдал переписать на машине, а разобрать не могу, и все-таки разобрал. Называется «В сырых туманах». Предполагал во «Встречи» отдать, но будут ли эти «Встречи» № 3 не знаю. Вот если бы сделать сказочный сборник туда бы подошло. Но кроме вас я никого не знаю, кто бы писал еще сказки. Все пишут о каких то шоффёрах и подозрительных дамах.

Да, я получил свидетельство от доктора на право вызывать из комиссариата такси. Когда будет тепло поеду на кладбище. А пока в «кукушкиной». Редко выхожу на волю. Боюсь переходить улицу.

Спасибо за вашу память и заботу

А. Ремизов

2 IV 1946

Дорогая Наталья Владимировна!

Вы написали карандашем, трудно разобрать. У меня есть американские ботинки (выдали осенью здесь), но они и слону не в подъем. (По русски 43 – такой лодочный, чб. три пары чулок поместилось). Обводить мне очень трудно, а рисовать – выйдет след из сна. Но вы не безпокоитесь, Бог с ними, с ботинками, мне ведь надо легкие, а это трудно достать.

Камушков нет для зажигалки. С.Ю.Прегель купила зажигалку – не разрешают посылать. А всегда мне нужна конечно бумага: Я переписываю, как вы знаете, без конца. Папирос. А когда Вы приедете, надо достать шампанского (очень трудно) – но то и хорошо, что трудно.

Вы мне принесете все вами напечатанное. Великий Муфтий (И.А. Бунин) так мне и не дал Нов. Жур. Забыл и саккеларий (Б.К. Зайцев).

Великий Муфтий хвалил Вас (но не сказки). А я – за сказки. Это такая редкость. Тут кроме Вас, есть еще, но по-немецки, (хотя автор русский) и больше никого. Сказки – это традиция германская и, как у меня, Монгольская.

Никакой Муфтий, Никакой Благочинный (Шмелев) сказок не пишут: это закрыто для их глаз.

Одна трудность, надо деньги, чтобы издать сборник. Только сказки.

Жду Вас
А. Ремизов

6 VIII 1946

Дорогой Ежичек

Все разъехались, один Бахрак торчит, но и тот о Блоке пишет, пропал. Надо заказным послать «Дикий горошек», один не дойду до почты. Зайдет Наяда, попрошу ее. Мое горе, что я безпомощный и всегда должен просить и ждать.

Спрашивайте везде Гоффманна в русских, я уверен есть. Вам надо отлететь туда. И вернуться к дню, но – как под дождик попасть. Мне обещали всё, что найдется в Париже.

«Горошек» поправил. Что-то безпокоит меня Маревна. Я выписываю другие лесные имена: Гульнар, Унтанда а лесной царевич: Урман, Кочур. Билибинских нарядов не надо. Сравнения – «как синька» измызганы, надо другое: синий, синее лунных теней.

Сейчас тепло, не отрываясь пишу весь день у стола. О Блоке написал – 25 лет со смерти.

Надо кончить о «декаденте» и займусь уборкой. 24 июня вышла и идет моя любимая осень – надо встретить, а паутины развелось, полны углы.

Рубисовой еще нету. Напишу. Кланяюсь Исе.

А. Ремизов

7 VIII 1946

Дорогой Ежичек

Думаю, сегодня передам послать на ваши горы. Боюсь, если все отдам. Известите, когда получите. Храню у себя две рукописи: по ним – Вам в науку, как надо исправлять: слушать слова и строить: и фразы и весь разсказ. Все это легко передать словами в-голос, моим. Будет лучше не посылать, а когда вернетесь стану вам сказывать.

Копытчик (С.К. Маковский) затевает «Встречи» № 3 под другим видом: альманах. Туда войдет только сказочное и «сонное». Конечно Вы будете.

Кончил о Блоке литию. Два дня снятся слова, а в глазах паутина не серебряная, а угловая.

Кланяюсь Исе. Часы на 5 минут назад. Окно открыто всю ночь. Кукушка не кукует. Просил Акулу достать мне ежевики (варенье) только надо переварить, чтобы густо. Скоро Медовый Спас, потом Яблочный, потом Ореховый. И настанет осень.

А. Ремизов

Душа знает больше нашего сознания, только надо найти слуховой путь, слышать ее голос.

Слово сказанное – не то что писанное; писанное – не то, что печатное.

Моя душа, обжигаясь, плачет тяжелыми слезами. Огонь и влага. Я заметил, только в таком состоянии у меня возникает желание слова. В «Мышкиной дудочке» я привожу пример высокого дыхания у Достоевского. Достоевский не словесник, как Гоголь; напоенность слова не в словах, а в ритме. «И никогда потом» – и.т.д. Тут жгучесть переходит в слезы: душа плачет крупными слезами.

«Вечный муж»

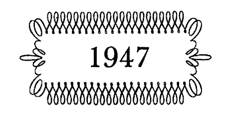
Кроме такого «схватило за сердце» есть еще источник напоенности слова: это «веселость духа», радость жизни, несмотря ни на что. И про это я знаю.

«Веселость духа» – это свет и цвет. Без этого света человек-чурка (сухарь, брюзга). Мера жизни – огонь и горе. А венец жизни – веселость духа, улыбка.

О «веселости духа» – в «Мышкиной дудочке».

Искусство может сказать о человеке больше, чем всякий о себе.

Улица Буало



19 III 1947

Дорогая моя Бубуня – Подсолнушек!

Опять я никак не мог уйти в сон! Попробовал читать «Индуские сказания», да с-дуру взялся за предисловие и завязнул: скучища. Больше не буду. Письма (1921-1939) кончил: 176. Остаются на отдельных листах сделать краткие объяснения. Светло, но свежо. И я опять по-зимнему, в Мазуровой, сибирским котом уши грею. А электрического радиатора, не трогаю: хочу выдержать. От того ли, что я себя отпихивал, желая остаться с простыми легкими мыслями:

«как колышется поле» или, «как шумят тополя», я незаметно для себя покинул Rue Boileau, «Кукушкину», все мои книги и рукописи с помощью М.Н. Лебедевой, переменились именами. Мое теперешнее такое безразличное, стертое, а, может, только кличка, пустой звук. А вон этот ходит черненький французик Monsieur Pierre – Алексей Михайлович. Он так и выговаривает, по-иностранному, мышиным хвостиком растягивая: «Ми-хай-ло-вич». И все это произошло в осеннем саду перед пустой каменной вазой для цветов. Я встретил моего брата. Он проходит не замечая меня, нестоющего внимания. И я возвращаюсь к той клумбе с пустой вазой, а тот А.М. набегался по дорожкам и уж там мелькает, заполняя собой горизонт. И я начинаю себя убеждать, что это только сон, но выйти из сада не могу: я как влип перед пустой вазой. И некого позвать. А вышел я без всякой помощи вдруг. И протянул руку закурить. За окном кричали дети – 1/2 9-го идут в школу – их крик меня и освободил. Есть толкование: «За тридевять земель, в тридесятом царстве». И оно подходит к Вашим сказкам. Есть царство медвежье, мышье, воронье; есть, стало быть и Ваше ежиное. Там люди не живут. Вы проникаете в это царство и рассказываете, как живут-поживают колючие-бодатые-усатые. А Ваши «философские» сказки из царства «мыслей».

В ваших царствах люди не родятся, а «попадают». Об этом надо в предисловие помянуть. Запишите себе для памяти. Мне горе – и это всегда было – со мной играют вещи: прячутся и водят, как в «жмурки». Сколько времени я трачу, чтобы отыскивать надежно спрятанное.

Из определений: кусающиеся двери; двери с зубами, дождь из горного хрусталя (если всего замочить, человек полетит); «волшебный песок» из кварца. Дочь

солнца замотала свои ало-шелковые волосы на серебрянный кол, расчесывает золотым гребнем. Итти не по звездам, а в сопровождении утренней звезды (зеленый сокол). Деревья под ветром шелестят песнями. Уточка – золотой хвостик. А это к сказке не относится: римские императоры пудрились Золотой пудрой...

А. Ремизов

12 IV 1947

Дорогая Наталья Владимировна

Всю неделю я ждал вас, сначала думал написать, а подумал, разскажу. Началось со среды на четверг: со 2 апреля на 3-ье. И каждый день вижу – я так отчетливо видел вашу комнату, которую никогда не видал, и все что лежит и стоит в ней. И четыре ночи я видел. И просыпался вдруг. Особенно последний сон: слышу отчетливо голос (я на кухне) и чувствую, что лицо у меня закутано – бинты. И я с остервенением начал срывать их с себя.

Голова горит. Сегодня кончаю чтение «Идиота». И с понедельника начну отдыхать. Срок мне неделя. Почти не сплю.

Я верю, верю, верю, что все пройдет и нога и лихорадка. Жду и буду ждать.

Алексей Ремизов

8 мая 1947

Дорогая Наталья Владимировна

Пишу вам на случай: панихида в субботу 10-го в 5 ч. 30 на Мишель-Анж, 65.

Резников уехал в Марсель, за мной приедет брат Сосинского-Комаров (это я его так переиначил и на всю жизнь) в 5 часов. В 6-ть все кончится.

Бабарихи затворятся на кухне блины печь. Если будет Тарасова, она пропоёт: татарскую и про темную ночь, и еще что она приготовила.

Всегда очень волнуюсь и тревожусь, как всегда.

Пока голову мне не сбрил Чижов, буду просить Исаака Вениаминовича снять: карточки нужны для воспроизведения (не голову, а снять фотографич.)

Алексей Ремизов

20 V 1947

Дорогая Наталья Владимировна!

Сейчас звонила Бабушка Чернова Верховой Бабушке: не могут сыскать Комарова (Сосинского) – по такой погоде не мудрено, все улетучились.

Прийдется отложить мою поездку до субботы. Вы понимаете всю мою безпомощность. Сейчас жду Solier и Бахрака. Если бы я был похож на человека, мне не надо бы было безпокоится, а вдруг да Бахрак не придет.

Вчера все думал о словах Достоевского. На другом листке выписываю. (Это вчера поздно ночью.) Мне хочется вас убедить, чтобы Вы-то не безпокоились.

Затопил радиатор, так мне холодно.

А. Ремизов

И со мной: березовый пень, ивовый куст, виловатая береза и высокий тополек (это из сегодняшного сна).

22 VI 1947

Дорогая Наталья Владимировна

Очень Вас чувствую: вашу душу и ваше сердце, всю.

Все сделаю, сейчас увижу Нину Григорьевну. На субботу 28 июня в 6.30 у нас на Michel Ange перед всенощной закажет панихиду и чтобы небольшой хор.

Вы придете с Исааком Вениаминовичем ко мне в 5 часов и мы поедем вместе. Служба минут 20 и назад вы меня довезете.

(В этой церкви каждый год панихида о Серафиме Павловне и Наташе.)

Нина Григорьевна увидавшись со священиком, позвонит вам. А я тотчас напишу вам.

А. Ремизов

Приходите, когда вам угодно. Спасибо за деньги и вам и Исааку Вениаминовичу.

Как бы горячо написала вам Серафима Павловна, а я видите, какой я бедный, но вы верите – это тоже от моей словестности: слежу за каждым словом и всё мне кажется не то, и набегающие слова гаснут. Я знаю, самое тяжелое, когда в непоправимое говоришь, а можно б было поправить, если б…

Эти дураки не хотят печатать заключительную главу моих «страд» о материнском благословении и где я разсказываю, как мучился не тем, что произошло – тут судьба, не́ от меня, – а тем, что не так произошло, что я мог бы не так сделать, но не сделал.

23 VI 1947

Дорогая Наталья Владимировна,

Более мрачного воскресенья, чем вчера, давно уже не было. Сидел один Вадим Андреев и все безпокоился: захворал его сын.

Только в 10 часов пришла Сосинская с матерью. И Нина Григорьевна, которой на кухне я передал ваше письмо и объяснил, как и что надо делать, чтобы она сделала панихиду.

И больше никого. Тарасова захворала. Оля Андреева осталась дома глядеть за сыном.

Сидел на кухне. Сосинская сделала блины. А я все искал карточку продовольственную: куда-то Лира положила, так и не нашел.

Сиповского ч. I вып. I (Былины) мне вернули. И я передам вам. А вып. II, который у вас, отложите. Это потом. Очень трудно. (На экзаменах проваливаются.)

Сейчас буду продолжать Розовых лягушек – подходит к концу. А вечером буду составлять указатель к «Взвихренной Руси».

Завтра 24-ое предстоит нашествие: если бы никто не пришел!

Что делать, неизбежно! А на меня очень сердятся, – пока не надоест, – да скоро все разъедутся и я не буду ни с кем объясняться.

Принесите что-нибудь для переписки – Горской.

А. Ремизов

24 VI 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна

Сегодня Ивана Купала здесь во Франции и Бретани. В Купальскую ночь сон замечать надо. И я задумал, и вижу, как превращаюсь в цветы – целая грядка и потом в зверков – лапчатые пушистые. И тут станок – как это делается.

Вчера кончил Розовых лягушек. Но надо еще раз переписать. Бумагу не забудьте белая и черная. Боюсь сегодняшнего дня: и замучают меня суетой. Хорошо еще, что теплое утро.

Как мало надо человеку: теплое утро!

А. Ремизов

25 VI 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна!

Это Серафима Павловна умела словами разговаривать, а я 45 лет печатаюсь и непосредственно не могу, а всё «сочиняю».

Послушайте меня, тихо примите ваше горе: только, нет, не только конечно, но это верное: горем растет душа.

Я знаю, как это «сердце не отпускает» и может быть, верные, а не звучат слова. Мне все хочется что-то сказать вам и успокоить вашу душу.

А зачем это надо, чтобы росла душа – цвет души? Да Бог с ними с этими цветами. Так непременно скажется, выбъется из живого сердца. И тут одно – какая-то безсловестная сила, желание помочь и в ней ответ на безответное.

Заходила Нина Григорьевна из церкви: записала на субботу 28 VI в 5 1/2.

Жду Вас и Исаака Вениаминовича. Приезжайте к 5-ти или еще раньше, как хотите: я покажу дорогу: 65 Rue Michel Ange.

Чижов принес аппарат: 8 пластинок.

Когда будет возможность, буду просить снять.

А. Ремизов

30 VI 1947

Моя любимая, моя дорогая внучка
Наталья Владимировна

Запомните: «Живая Жизнь», ею и нужно суд судить – это мой ответ эмиграции и только такая жизнь снимает горе или от ее веяния горе погружается глубоко в поддоное сердца, чтобы светить. Наше зрение, – поле и острота зрения, – пусть орла, но перед светом сердца крот.

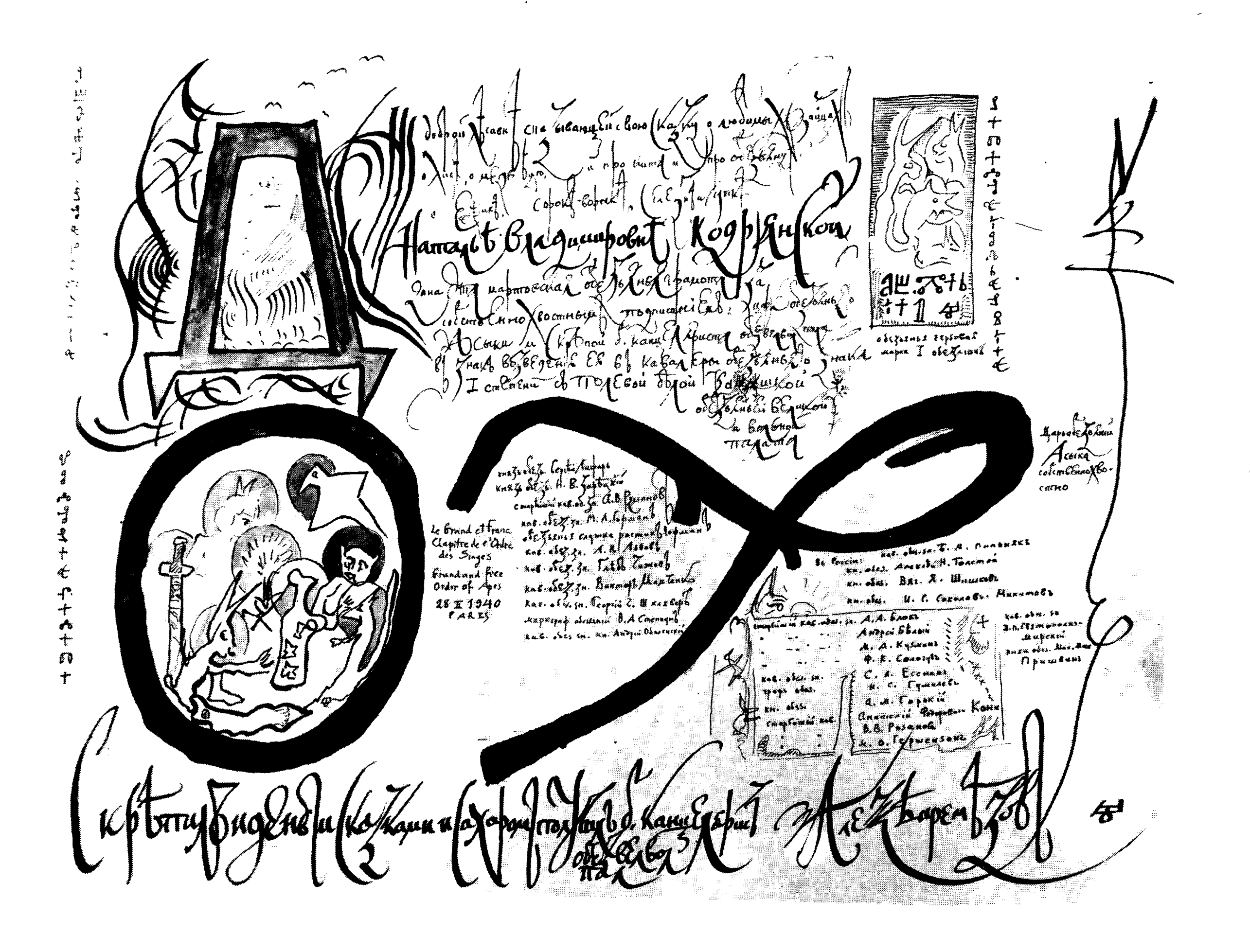
Почему – то у нас не выходит никаких праздников, вы заметили? И мое 70-и летие под цыганское Тарасовой чем кончилось?

Исаака Вениаминовича прошу 2 пластинки изобразить меня и увековечить чайничный нос. Это будет 6-го в воскресенье – а по старому стилю 25 июня канун Ивана Купала.

А когда вы вернетесь, будет и Слоним – он митрофорный кавалер обезвелпала – вот давайте тогда отпразднуем 40 летие ОБЕЗВЕЛПАЛА 1907 г.

В Нов. Рус. Слове вам печататься «можно» – это Слоним говорит. А Адамович пускай тоже надпишет мне свою книгу: надо надписывать, не задумываясь, как, только не думая рисуется. Одних знаний – одной логики мало, надо именно тот свет сердца – его цвет в словах, красках линиях и звуках.

А. Ремизов



Le Grand et Franc Chapitre de l'Ordre des Singes
Grand and Free Order of Apes
28 X 1940
PARIS
А. А. Блокъ
Андрей Белый
М. А. Кузминъ
Ф. К. Сологубъ
С. А. Есенинъ
Н. С. Гумилевъ
А. М. Горькій
В. В. Розановъ
М. О. Гершензонъ

4 Июля 1947

Дорогая моя кукуня
Наталья Владимировна!

Все хорошее в жизни никогда не пройдет; если же его нет, то никогда и не будет. А об этом не горюйте: мысли не приходят, пускай себе погуляют, им тоже сиднем-то сидеть, они не я, не хочется, а фантазия, она взблестнет, а сейчас – «никому не говорите», она делает себе массаж подводный и молится водяному духу. Высшее достижение духа: покой, а обезьянье – неспокойное. Но жизнь именно и есть подвижность, любопытство.

Привезите из Швецарии тетрадей. Сегодня тишина, слышу, как стрижи вьются, у той вот стены – она всегда перед глазами, а никакой Бахрак не торчит.

Недавно прочитал: наша земля стоит на двух китах и с ними лягушка. И я родился июнь под знаком лягушки (по нашему «рака»). Моя любимая, моя дорогая внучка, тысячи лет люди думают и никто толком ничего не знает.

А. Ремизов

9 VII 1947

Моя дорогая, моя любимая внучка
Наталья Владимировна

Tchijoff m'a emmené enregistrer ma voix – на дверях на белом читайте. Было без 10-и шесть и с этого часа начались мои мыторства. Со мной все не по человечески, и это оттого, что сам я ушел из этого челове-

ческого со всеми его понятиями, правилами и законами.

По дороге лопнула шина, пришлось остановиться. И что же оказалось, шина лопнула не у нас, а у перегонявшаго такси. А каждая секунда на счету. Назначено в 6 1/4. Нет, не опоздали. И оказалось, Maugé перепутал, не дослышал в телефон, – не в 6 1/4, а в 6 3/4 назначено мне. Что было делать – Чижовское такси работает до 7-и, а после 7-и может угодить в коммиссариат. А Сувчинскому к 8-и надо поспеть в театр новая постановка, о которой он должен писать – (Opéra comique).

Все это меня ужасно взволновало. И представьте себе, все прошло хорошо: и голос и глаза. И довезли Сувчинского до Opéra comique и по дороге купили копченую колбасу (очень хотело́сь есть) и в коммиссариат не попали.

Стало быть, и человеческое, помучив меня, отдало мне все, что дается только самым удачливым – самым человеческим. Пластинку можно заказать. Club d'Essai – не частное, а государственное учреждение. Пластинка назначается в библиотеку голосов «избранных» современников. Из русских только мой голос...

А ночь я все-таки не спал.

А. Ремизов

17 VII 1947

Моя дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна,

Горжусь вашим заечным раем: пошлю в большом конверте, он очень сделан хорошо, полон сказочности, поэзии и слова.

Чтобы не прерывать работу, я отдал Китаянке мое о сказке и мое предисловие к снам. Варшавский был в понедельник с Бродским и Бахраком. Передал мне папиросы, 1000 frs и № 14.

Спасибо.

В пятницу вечером я ждал, я думал, что на прощание Исаак Вениаминович возьмет меня «воздухом подышать» (с августа 1939 дышу любимым табаком) и на звонок всколыхнулся: но это были не вы, а В. Муфтий, а за ним Тэффи и Пантелеймонов.

Муфтий: «С монаршей милостью!» я его успокоил: меня зачислят в классики, но это только (так надо думать) после моей смерти, а он зачислен. Тэффи с упреком: невнимателен к ней. На кухне (в обезьянем притоне) они пили водку и закусывали копченой колбасой. Поздно разошлись. Мирно.

Как зовут Александрову. Мне надо ее поблагодарить. Только слово «проходец» обозначает совсем не то, что она думает. От проход – проходец (уменьшительное), а надо от проходил – проходилец; кормилец – от кормил, сиделец – от сидел.

Но, как и все, кроме Marcel Arland, забывают мою «Посолонь».

Моя пятая язва, Стратилатов – провинция, откуда вышел Замятин («Уездное») только одна тысячная моего.

Читаю Гуля. Нельзя по-русски – «отсутствовал из дому», а надо – «в доме». Написано хорошо, но скучно, п.ч. нет ни поэзии, ни сказочности, ни слова. Для меня интересно, но, конечно, не ново, Sensibilité nouvelle – никакого.

Продолжаю Кочевника, Козье болото, – Блины – В номерах – В стойле – В курятник – Ход в окошко – За занавеской. Мне как-то все надоело: не звучит, хотя в душе различаю песню.

От Прегель получил письмо: она приедет, Спрашивает о Вас. Пишу ей, что никого – все уехали или уезжают, или уедут, Торчит один Бахрак, которого мне очень жалко. Ему хочется уехать. И Лира Можэ на отъезде. И Оля, и Наташа, а Сосинская в Америку.

Посылаю карточку. Другую – в воскресенье принесет Мамченко. На этой я – старой теткой с табаком, или тут предсказатель: полузакрыт тенью. А снимки Marc Bernard'a не вышли. Видел горячейший сон: Натусю, когда ей было 5 лет, когда она жила в моем мире и я писал «Посолонь». Видел, как она от меня уходит – (оно так и было), но я ее окликнул твердо и силой моего голоса вернул. И проснулся.

Чижов, наконец, меня обрил. И сделалась невралгия: не могу повернуть голову; воспаление (или раздражение) какого-то нерва.

Отдыхайте. Надо переписать Медвежью школу. Для французского, конечно, для детского с нравоучением, но для русского – нужно-ли?

Я боюсь прописей. Прописи отпугивают. Когда говорят: «надо трудиться», всегда хочется ничего не делать. Но это я так чувствовал в детстве.

Очень на меня все сердятся и здешние, и американские.

А. Ремизов

20 VII 1947

Дорогая моя, моя любимая внучка
Наталья Владимировна

Тихое воскресенье. Никакого шума и только жуть: против меня с 3-х до 6-ти сидел Одарченко (Бормосов), редактор Ориона (Ларивона) и все мне рассказывал – рассказывал – рассказывал свои журнальные (Орионовы) предположения, закончившиеся: «я и он?» «Никогда». И я его повел на кухню (обезьяний притон) поить последним чаем. Там он читал стихи.

Вы понимаете, если бы я редактировал сборник, сколько было бы обид. И никогда я не был редактором. Безпощаден я к себе, но и другим не спущу. А в субботу с 2-х часов до 11-ти меня томили. Только утро сегодня: я продолжаю переписывать, отделывая: «Ход в окошко». А на душе неоконченный дополнительный указатель имен «Взвихренной Руси». Ни Оли (Андревой), ни Наташи Резниковой, ни Ариадны (Сосинской); а они мне помогали. С моими глазами отыскивать по книгам год рождения очень тяжело. Если я один, чаще сочиняю, приблизительно.

Сны литературные: чтобы передать интонацию рисую фигуры – эти фигуры будут дополнять буквы. Невралгия отпустила. И я по человечески смотрю на «птицу», над столом.

Вчера Н.Г. с Лирой варили костяной суп – кто-то в вашем мире им питается, не могу вспомнить. Не лягушки ли? Или это в жабьем царстве? Сейчас заметил, как у меня выпадают буквы: вместо «индейцы» – «идейцы», и я подумал: может быть это использовать, ведь получается другой образ.

Письмо вам – вместо прогулки. И только одно меня пугает, когда перехожу через улицу.

А. Ремизов

25 VII 1947

Дорогая моя, любимая внучка
Наталья Владимировна

Переписывая, приучитесь делать «красные строчки». Помните, я говорил, как выразить интонацию? Я думаю, в какой-то мере, или отчасти, это невыразимое словами можно передать графически: расположением строчек.

Утро меня не испугало: счет за электричество (май-июнь) всего 300 frs, а я ждал тысячу. Если бы вы знали, как я скучаю без цветов. Персики, я их беру всякий раз, опустив письмо. У нашей очкастой, но ни персики, ни сливы не заменят. У вас, д.б., не так тепло как в Париже. Но я благословляю. Только почти не сплю. Пробуждают ночные уличные крики или под песню вдруг просыпаюсь. Сны с опозданием: я все опаздываю, не успеваю. Буду переписывать: «Постоялую простоквашу». До сих пор я не могу свыкнуться, размышляя о своих делах: как-то мне очень трудно сжиться: я с мясом, с болью очень памятливый на слова, а последнее время, не то, что отрицается слово, но еще чувствительнее, «слову не придают значения». Все это я на счет Maugé и других. Завтра, ведь, последний день: в понедельник они едут и надолго.

Жду, придет Pierre David, редактор Licorne, а (это журнал, стоит 2000) и Mме Tezenas до осени, одна из издательниц этого lux'а. Но боюсь, что и этот Давид уехал, а я дураком его жду.

Сказку не переписываю. Для вас, может, полезно, взгляну, что я исправляю, читая в слух. Непременно надо, написав, читать себе вслух.

Моя дорогая любимая, моя единственная внучка, по правде вам скажу, никто так не чувствует этот

странный сказочный мир – из писателей. Я только в вас встретил. Надо его развивать, пробуждая в себе. Нарушение нашей «реальности» это музыка. Любопытно взглянуть, как вы смотрите под музыку.

А. Ремизов

28 VII 1947

Моя любимая, моя дорогая внучка
Наталья Владимировна,

О книге: м.б. ограничиться обложкой Рожанковского? Делать книгу исключительно для детей невозможно. Пусть будет так: для детей отберут воспитатели. Из моей «Посолони» – безо всякого умысла для детей – брали некоторые сказки – было и отдельное издание, только несколько сказок.

В книге вы должны быть представлены с вашими **думами**, почему и нужно, начав с ежа, кончить Россией.

А если Рожанковский заляпает страницы живописными зверями, он закроет вас («Père Castor» – это детский отдел в издательстве Фломмарион).

И какая это благодать Божья, когда тепло! Боюсь, когда вы вернетесь в Париж, все тепло уйдет. Подумайте, сколько народу его разбирает! И Слоним, и Сухомлин, и Варшавский. Один торчит Бахрак.

Гляжу в Новоселье, отрываясь. Новоселье Мамченко прислал. Начал Варшавского.

Вот вам для примера: рисую, глядя на тибетское гаданье: ворона на ворону мало похоже, но это духовно, правдивее всяких ворон анималистов. Я думаю, что все «натуральное» искусство это декаданс человеческого зрения (вырождение).

Конечно, надо мастерство натуры, чб. разглядеть не это-оболочку, а то глубокое, что единственно что живет.

На субботу назначил: придет художник Исаев, хоть я и предупреждаю, что я полуслепой: будет мне мука: «обиженного не обижай, сердитого не серди». Хорошо говорить, а как будет на деле. Посылаю вам карточку «аббата», иллюстрация к вашему определению: «нос чайником». Это с аппарата Чижова. Какая тайна живого света, редко поддающаяся глазу «аппарата». Ведь мы смотрим, друг на друга наводя наш природный каждому аппарат (живой), на карточке выходит «аббат».

А. Ремизов

29 VII 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна,

Еще два письма (30 и 31-го) и кончаются мои утренние переходы на ту сторону: опустить в ящик. От жары здесь одуревают. Я только ослабел и ничего не могу есть, покупаю персики (с тайной мыслью научиться персидскому). Но без «Эмира» не научусь. Но скоро все это пройдет. И опять за «шкурки»: сейчас я снял все и положил в «Плякар» на видное место, моли развлекаться. (Нужно же и моли что-нибудь есть).

Горе-источник, оживляющий сухие силы. И горе – путь по дорогам не полевым и лесным, а небесным.

«И неужто человек, оставляющий земную жизнь, разлучается с нами живыми?» (Это из «Мышкиной дудочки», которую любит Сувчинский). Память только и может жить в горящем (от «горя»). Безгорьный человек – жуткое существо.

Написал сегодня на-черно «В лакейской» но это скорее мост к рассказу. Я записываю, как я затеял организацию пензенских рабочих и как люди не плохие, а только «слабые» выдали меня. Я потом приписал все это моей «неспособности» к таким делам. И что же, оказывается? В деле Серафимы Павловны, там люди опытные, не мне чета, и безпощадные, а та же самая история: тоже не плохой (я с ним встретился), а, по робости всех выдал. Этот «рассказ» мой скорее размышление.

Представьте себе мое счастье, я нашел бумагу – я забыл, хранится с оккупации и, думаю, хватит на Достоевского.

Как мне много, много еще нужно сделать! Я тоже встаю теперь в 7, а спать – в 1 ночи. Сговорился с Мамченко: после 15-го он вернется и сделает мне 12 массажей.

А. Ремизов

31 VII 1947

Моя любимоя, моя дорогая внучка
Наталья Владимировна!

Сегодня утром, озираясь, зайцем переходил дорогу к ящику. Все письма я опускаю сам, да и некого просить. Нина Григорьевна, если зайдет, то вечером измученная, а другие «бабарихи», все уехали. Да так и лучше, сколько бывало случаев: дашь, а он в кармане носит, пока не схватится. (через неделю).

Завтра не пойду опускать – завтра пойду и даже дважды перейду опасные переходы: вызывают насчет налога. (Надо мной гроза.) Это конечно могла бы сделать Лира, но она до середины сентября в Juan les-Pins.


ШАЛЯПИНЪ
ПОЕТЪ
22-23
I
1941

Переписываю в «Лакейской...».

... я чувствую и понимаю Ваши ночные слезы. Собирать по нитке разорванную нить и связывать узелками. С утратой матери человек начинает новую жизнь – начинать жизнь без боли *нельзя*.

Ваши слезы это боль воспоминания и боль вашего рождения. И вы берегите эти слезы. Я об этом много думал.

...Моя дорогая, моя любимая внучка, на горах дышите глубже. Глубже и молитесь горному духу.

А. Ремизов

I VIII 1947

Дорогая моя, любимая моя внучка
Наталья Владимировна,

С утра в походе: перешел три улицы благополучно. И заплатил налог 3.968 frs, теперь уже нечего безпокоиться до 1-го августа 1948 г. У Унбегаун занял (или она мне одолжила) 4000 frs. Она знает что я отдам из фунтов (14L), их держит Шаривари и не отдает мне, «потому что трудно разменять». Без Maugé я, конечно, не получу. Доел печенку и картошку. Получил, наконец, «Новоселье», отрываясь, прочитал Ставрова. Переписал «В лакейской». Начну «В подвале». О Новосельи теперь будут отзывы – будет упражняться Бахрак. Хочу его навести на ум: отмечать чисто литературное – хорошее и безсильное, с указанием как бы это можно было поправить. Мысли все перемыслены и литературная критика разбирает и оценивает одеяния мысли, как они выражаются.

Слышал вчера что Бунин уезжает но куда, не знаю. Когда вы вернетесь тут еще будет пустыня, только


BERLIN
1922
МЕТЕЛЬ-ПОЗЕМЕЛИЦА ЗАКУРЕЛИЛА
А. РЕМИЗОВЪ УПЫРЬ
ПОСОЛОНЬ

к концу месяца будут показываться. Завтра русский Ильин день (20 VII), вы покидаете озеро. Увидите ли вы оленя, он утром 20 VII (2 VIII) будет пить и купаться в последний раз: кончилось лето. «После Ильина дня купаться нельзя».

Письмо от Прегель: 30 июля, на s/s America, едет Ребусова (Рубисова). Сегодня на «Морском тигре» должны были уехать Сосинские. И что же вы думаете: вечером, на маленький звонок, я отворяю дверь и не могу поверить: Сосинские! Я думал, приведение. Она прошла в кухню и разложила ветчину. Я все еще не верю и не решаюсь попробовать и вижу – она ест. Тут только я понял – она, потому что приведения не едят. Оказывается, с «Тигра» их ссадили. На палубу наперлись провожатые: Комаров и все родственники, – так их, не стесняясь, вышибали. Дело не в Сосинской, а в бабушке Черновой: только через три недели выяснится. А вы представляете: перед отъездом все они отдали – и чай, и сахар, и кофе, и все упаковали. А, ведь, дети, надо все устроить, разложиться. Как во сне. Вот она и пришла передохнуть. И вымыла мне окно. И немного «указатель» сделали, осталось 100 стр. Вот вам, моя любимая, моя дорогая внучка, из жизни, не сочиненное.

А. Ремизов

2 VIII 1947

Моя дорогая, моя любимая внучка
Наталья Владимировна,

Так ярко видел сегодня вас во сне: вы появились вдруг неожиданно. Я спрашиваю: «а где же Ися»? И вы говорите: пошел вам покупать кофе на 1000 frs.

И вижу идет – не Ися, а Брейнер. Ну, думаю, сейчас пойдет разговор и кофею я не дождусь. И проснулся. Вообще, кофе у меня есть, «мексиканский», нет чаю и нет папирос.

Это хорошо, что приезжает Ребусова. Вам сейчас надо общение именно с такими, чтобы было и призрачно (эльф) и загадочно (ребус). Вам не надо быть с грубыми людьми, рвачами. И что Софья Юльевна будет тут, тоже хорошо. А сейчас горы; тихие гномы, цверги. От них только добро. Днём они из своих пещерок не выходят, а ночью им воля.

Странное явление: откуда-то взялся и весь вечер караулит меня сверчок. Я искал его и не могу найти: переходит из комнаты в комнату, а сейчас в коридоре. Залетел в окно или кто-нибудь принёс.

Сегодня были и Бахрак, и Исаев (художник, д.б. хорошо рисует), и Софиев, и Никитин, и Солнцев (Вы его однажды видели, археолог) и учительница С.Ю. Штерн, и Н. Гр. Занесли?

Был при последнем издыхании и вот получил, наконец, из Сов. Патр. за «Кочевника» 1380 frs (а за «Наташу» ничего не заплатили), п.ч. это вроде некролога. Получил посылку от С.Ю., теперь у меня есть и чай, и кофе, и какие-то леденцы, и варенье, и 2 пачки папирос. И я вспомнил ваши посылки, я всегда узнавал их: всегда в них было что-нибудь неожиданное и чудное. А сверчок всё своё высвистывает.

Дал денег Н.Г. и она сделала на два дня котлеты. А Бахрак ходил за вином по моей карточке. И персиков купил. Я богатый. Сверчок в книгах. Я его отчетливо слышу. Начерно написал «В подвале» и не кончил, (для «Подвала» мне необходимо прочесть письма Авдотьи Петровны Елагиной, я жил по соседству с её правнуком).

Как-то вы устроились в горах? У нас попрежнему пекло. Буду ждать письма от моей любимой, от моей дорогой внучки.

А. Ремизов

4 VIII 1947

Дорогая моя, любимая внучка
Наталья Владимировна,

Вчера днём кто-то робко постучал. А это оказался повар из рус. ресторана. Служил он на Rue Boileau в оккупацию, а с конца 1944 на Rue Poussin у грузин.

В оккупацию мне бесплатно выдавали суп, а по праздникам с косточками, а иногда повар бултыхнет котлету тайком от хозяев. Повара зовут Иван Иваныч, а как фаммилия я не знаю, человек одинокий, терпеливый, ему 56 лет, религиозный, читает Апокаллипсис. Попал он в эмиграцию при эвакуации солдат. Он только «русский», без всяких политических рассуждений. В последний раз я его видел 15 августа 1944 года. Я пришел с кувшином (когда-то молоко покупал) за супом и он, стесняясь, сказал мне, что больше не велено давать. Так как я один и мне ничего не надо («надо» всегда соединяется у меня – за других боюсь говорить – с кем-то), я поблагодарил хозяев за все годы, поблагодарил и повара, что стоял над его душой, и тихо вышел на улицу с пустой посудой.

Это был день освобождения, с крыш стреляли. Но я шёл, как всегда: мне было всё равно. Но не просто было во мне, при всей моей покорности судьбе. И вот, через три года, повар робко постучал: узнаю ли его и помню ли? Все эти годы он обо мне думал. «Вы забитый человек – сказал он – вам и жить осталось



Bd. MURAT
EXELMANS
VOLKSSUPPE
ZURÜCK!
WEG!

5 лет» (1952 г.). Он боялся придти, но, прочитав «Розовых лягушек» осмелился. И пришёл он, чтобы привести меня к себе на кухню и накормить телятиной с картошкой. Я отказался: когда-нибудь, я знаю, он живёт здесь на углу Pierre Gerain в самом старом отеле, прежде почта была, около «бешеных баб» – торговки такие, фруктовые.

Он дал мне 200 frs (он получал 5000 франков), 4 пакета сигарет и большую коробку спичек. И я подумал, душа этого безпечального повара я самый и есть.

Ваши последние сказки философско-психологические. В «Сливах»: преступление – «непоправимое» – раскаяние и чудо смирения (у неё), жертвы, и воли (у льва). Как же не углублять, сказывая о таких сказочно – «живых» темах?

Панчатантра, где первые сказки о зверях собрал Бидпей (Bidpay) на санскритском языке при: 1) царе Добтелим «индейском». 2) В 570 году, при царе персидском Ануширваке, персидский доктор Барзуиш (не мусульманин) перевёл на пельви (персидский). 3) В 770 году мусульманин-араб Абдалла-бен-Альмокаффа на арабский перевёл: Книга Калилла и Димна. Перевёл на греческий Эзоп (6 век по Р.Х.).
На французкий La Fontaine (1621-1695).
На русский Ив. А. Крылов (1768-1844).

Вы продолжаете эту звериную линию от Панчатантры.

А. Ремизов

5 VIII 1947

Обоих вас видел во сне, моя дорогая,
моя любимая внучка Наталья Владимировна,

В большой тревоге, особенно Ися. Я хочу вам помочь и чувствую, что только мешаю, но всё-таки не отхожу.

После вчерашнего весенне-дождливого вечера осенние облака моя любимая пора: «осень, осенины, синие вечéры».

Сверчок вчера покинул меня: слышу его через улицу в гараже. Все разъехались. T.S.F. отдыхает, потому и слышно, с каким удовольствием заливается. Вот и дождались: дождик. И я опять в Кротковой шкурке. И мне темно. Сначала была жара и меня не повезли к докторше (Бронштейн); теперь, когда пойдут дожди, предлог сидеть дома. А я и рад: все эти капли, всё это ерунда.

Уборку комнаты из-за жары не делали: одна Н.Г. не может, а Наташа месяц как не показывается.

И абажур висит всё в том же насыщенном пылью углу. И когда набиваются в мою «кукушкину», я тихонечко палкой его трогаю и все чихают безпричинно.

Начёрно кончил «В Пугачёвской клетке». Это не рассказ в таком рассказном смысле, это глава из моего «Кочёвья» документальная и мои догадки о своей «двусмысленной» судьбе.

И снова всё сияет на воле. Но окно закрыто. Буду себе делать кофе. Приходила Н.Г. Купила печенье – навалился и на завтра оставил, и ел ваши персики. Надписал Н.Г. конверт письмо вам писать. Кое-что прибрал в комнате, уж очень всё навалено и моль летает.

Вот вам из жизни. Всегда жалею потерянного времени. А знаю, что иначе нельзя. Что-то у вас происхо-

дит? Молитесь горному духу. Послали ли «Голубую лошадку» в Н.Р. Слово. По печатному виднее и легче будет исправлять. Да, заходила Унбегаун, рассказала мне, как у неё в субботу были Бунин и Теффи. Бунин никуда не уезжает. Мне бы только кончить «Кочевника» и напишу к альбому «Идиота» для моей любимой дорогой внучки.

А. Ремизов

7 VIII 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна,

Успел пройти до дождя опустить письмо. Меня это пугает: как дальше, когда пойдут дожди? Скоро и попросить будет некого. Всё думаю, как вам избыть, ничего не забывая, обуявшую тоску. Серафима Павловна не любила писать. Но как произошла «Оля»? (3-ю часть вы не читали, она по-русски не издана, будет по-французски). Чтобы выйти из чёрной тоски, она стала записывать для себя, ничего не сочиняя. Надо было «сорвать сердце». Я это заметил. И уж стал просить записать что-нибудь из того что сию минуту изводит. Литературная форма – это вопрос дела и не обязательно. Если бы меня не было, не было бы и книги «Оля». Но без записок и «Оли» бы не вышло.

«Литературное» – в углублении и связи, в догадках и разрешении. Часто, очень часто бывают угрызения, то, чего вернуть нельзя. Но избыть можно, вобрать в себя, вдохнуть и развеять в своей же душе. Ведь только огорчения утончают, если, конечно, есть что острить. Я представляю себе (но принять не могу) как запивают от горя. Ничего не надо заглушать

(это по-моему), а «окристализовать». Заглушать, значит погасить сердце, погасить глаза, погасить голос. Я люблю пожары и понимаю пожарных, но (для себя) в пожарные поступать не собирался.

Сверчок не пропал, а устроился в гараже. Вчера поздно вечером я растворил окно и обрадовался, слышу, заливается. Теперь вечера тихие. Один сверчок – музыка...

О «Бабушке Ивановой» не кончил.

Почему – то все повторяется из моей «Ивицы»: «Опустелый дом, Воет ветер. Знаю, только я останусь и не уйти мне. И из лунной дыми белыми глазами: «Не уйдешь.»

Или потому, что вспоминаю о наговоренной пластинке и надо напомнить в Club d'Essai сделать. Или – и сам не знаю, какое это «или» – или оттого, что мало сегодня сделал, а так много-много-много надо еще сделать до «прощайте». «Темная ночь». Весь наш дом, как вымер. Над столом около птицы, я повесил «Дамоклов меч».

Моя дорогая любимая внучка, набирайтесь горным воздухом. Не все же буря!

А. Ремизов

8 VIII 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна,

Вот это и есть жизнь толчея, внезапность, щелчки, удары по голове. Все человеческие рассчеты вздор, обманутая надежда, неожиданная утрата, все вверх тормашками, и на перекор всякому благоразумию и здравому смыслу; не поправить, не собрать, начинать сначала – что и как начинать?! ?! ?! Постучите в

любую дверь, в любой дом – везде одно и тоже. И остается принять жизнь как она есть. Но это не значит сдаваться, а как раз наоборот, и это тоже жизнь – идти напролом.

В этом игра жизни, по Достоевскому – «Скверный анекдот», «дьяволов водевиль», а по Данте «Божественная комедия», а по моему: рост – мы, как деревья, разрастаемся или гибнем под бурей или озорством судьбы.

Сегодня я почему-то думал о летающих цветах – все эти бабочки, жуки, стрекозы, зеленые и красные мухи – крылатые цветы. И о «слове» думал: слово в человеческом голосе, оно может быть такой силой, что камни превратятся в пыль.

Кроме тетрадей, если найдется простой черешневый мундштук (а то все ищу), а этот как-нибудь прицеплю на лампу. Пишу на «Курьих ножках» – так называю свое у бабушки Ивановой (моя двенадцатая комната в Пензе).

Думаю о ваших тревогах – о неизбежном, я знаю как детей жалко.

Я верю в вашу сказочность и всегда радуюсь, когда падет вам на душу из того небывалого мира. И за это я искренно выделяю вас из всех, и когда хвалю, вправду, а не для слова. И хотел бы, конечно, для своей любимой и дорогой внучки покоя – если можно, тихости.

А. Ремизов


Ѣдетъ-ѣдетъ да пощупаетъ: тутъ ли она!

9 VIII 1947

Дорогая моя, любимая внучка
Наталья Владимировна,

Натусю видел во сне. И вспоминаю. О ней в «Посолони» сказка «Мака», только очень процензурованная – со связанными крыльями писал: «того нельзя, другое неудобно». Когда она жила с нами, моя была полная воля, да и бабушки с тётками я встревался. Но потом всё кончилось: были годы ужасные, когда она меня стеснялась – все мои слова, всё моё не подходило к тому что она слышала от любимых тёток, беззаветно полюбивших её. И не это я вспоминаю, а те вечера, когда я с ней разговаривал, Бог знает о чём. Стало-быть можно загнать сказочность так глубоко, до потери слуха.

Вот и вам, когда советовали писать рассказы, хотели заглушить, а у вас – в 1000-й раз повторяю – есть редчайший дар именно к сказочности. Работа заключается в «вписываном» – переписывая с соблюдением красных строчек, не спеша, отчётливо. Слова тянут слово, мысль цепляется за мысль, взблескивает образ.

Уборку комнат решил отложить до сентября: надо натереть пол. Я попробовал сам, как это делал прежде – голова кружится; в «Строители Сольнессы» (у Ибсена драма) я больше не гожусь. А сегодня был один, продаёт мастику, чулки и коньяк, и есть полотёр. Да так и лучше, в прошлом году я намучился, взявшись «собственными руками». Вот вам из жизни.

«На курьих ножках» кончаю. Опять тепло, но шкурки (3) снимать не решаюсь.

Кот может быть и Василий Иваныч, и Василий Ерофеич (в Ерофеиче больше курлыка).

«На курьих ножках» кончил.

Болит голова, думаю, от напряжения и от людей, много было сегодня. Все люди хорошие, но второпях, все, стало-быть, надобно спешить.

Емельянов с Чижовым сняли абажур, вычистили и повесили, все на моих глазах и перед носом. Наташа собрала белье и, торопясь, запаковала книги в Амстердам, а я, спеша, надписывал. Это я одному ученому голландцу, изучающему русские легенды. Емельянов же наладил абажур для другой лампы. Чижов собирал себе бутылки. Наташа искала мыло, но Лира все забрала и только осталось пол-мыла. Нина Григорьевна жарила котлеты. Никитин рассказывал о Панчатантре (перевод с франц.). Рассказывают два шакала о зверях. Оказывается, есть персидские павлиньи сказки; и есть попугайные – монгольские. Да сидел еще Гавличек (чех). И это с 6-ти вечера, а сейчас 12. Стало быть, 6 часов непрерывно. Это вам тоже из жизни.

И вот у меня болит голова и хочется пить. Тишина. И сверчок не чваракает. Еще час буду читать и тихонько уйду в мир моих сказочных снов – любимых и моей дорогой любимой внучкой.

А. Ремизов

10 VIII 1947

Дорогая моя любимая внучка
Наталья Владимировна

Какой сегодня чудесный день. Тепло, пасмурно, дождик, тишина и я совсем один. Написал в-черне свое 13-ое из Пензенского Кочевья – «В модной мастерской», последняя моя квартира в Пензе, откуда меня взяли гнать по этапу через 5 тюрем в Устьсы-

сольск. Потом я сегодня читал о Ясной Поляне, какая она теперь, и затеял написать на-черно 3 сказки в тетрадку, которая называется «как научиться писать»; написал о святом ламе, превратившемся в рогатого и клыкатого. Все это я вам покажу.

Выпил кофею и задумал – как вечер пройдет тихо и в тишине, я буду продолжать – напишу к картинкам Достоевского, к Идиоту. И все разрушилось: пришли Оболенские молчаливые, – да это, пожалуй стоит говорливых. Молчание «выкачивает». Придется раньше лечь. Если бы сейчас были сливы или персики, я бы набросился. Но сегодня воскресенье и завтра все закрыто.

А во сне мне снились звери, – лань, тигр и еще какие-то пушистые, стоят в ряд, как нарисованы, тихие.

Тихий сон, тихий день, взбаламученный вечер. А на столе тихие подсолнухи, и на огонь влетают пепельные бабочки. Это мои мысли. Я слышу, как стучит осень. Ветровы сестры вышли из летних закутов. Думаю о вашей книге. Книга нужна не из честолюбия, а как вехи, чтобы идти дальше. Но начать надо с лунной тени, с детского.

Всякое написанное – пройденное. Как трудно делать выбор из своего. Но я вижу книгу моей любимой и дорогой внучки.

А. Ремизов

11 VIII 1947

Дорогая любимая моя внучка,
Наталья Владимировна,

Прошел я через огонь скорбей, à travers le feu des douleurs, так и книга моя называется. И горечь, и огорчение близки моему сердцу. Вы это знаете.

И я заметил, все надо принять не отбрыкиваясь, но и не поддаваясь. Надо научиться как-то побеждать, крепко держась за жизнь.

Вам сейчас надо тишину. И она придет. Я знаю, всякое прикосновение сейчас больно. Вас чем-нибудь надо обрадовать или сами себя удачей обрадуете.

Слова никакого значения.

Разсуждайте: как, почему, за что или «без за что», как было бы, если бы, или «как будет, если». Мыслию много можно разъяснить себе.

Весь день один. Кончил последний рассказ из Кочевника – 13-ый: «В модной мастерской». Конечно, если удастся напечатать, перед печатью еще раз перепишу.

Тихий теплый вечер. Открыто окно и только часы с воли.

Моя дорогая, моя любимая внучка, как я желаю вам вдруг проснуться и перегорюнившим сердцем всеми глазами посмотреть на живой мир.

А. Ремизов

12 VIII 1947

Дорогая моя, любимая внучка
Наталья Владимировна,

Опять засияло солнце, но с осенним козырьком. Глазам не больно. Только я поднялся в полусне, д.б. от напряжения и непрывычной работы. Но иначе нельзя было. Сегодня я собирался, не для печати, рассказать чудную сказку; и получилось письмо от Paulhan'a; Barbara Church затевает заключительный «Mesures» памяти Henri Church'a. Отказываться не

могу по совести. «Mesures» – э т о вершины французского искусства (книги выходили до войны 1939 г. – и всякий год мое, для русских самое вздорное, там печатали: начерно переводила Серафима Павловна, а отделывал сюрреалист Gilbert Lély). Henri был молчаливый, изведавший всю премудрость, а Barbara – живая, писала стихи по немецки. Последнее наше свидание в день полученных известий из Киева о гибели Натуси.

И так болит голова и режущие мысли, как павлиньи перья.

Перед разъездом сегодня условлено: явятся все Черновы с бабушкой и меня повезут на кладбище: именины Серафимы Павловны. Попробую посадить тот розовый куст, всю зиму берег. Все это будут делать – сажать Резников, Комаров.

Примите жизнь, как она есть, «Огорчения» – это лестница. Повторяю, загляните в любой дом и если только вглядитесь, вы увидите все, а это все пронизано бедой, тревогой.

Сегодня мне приснилась Унбегаун в черном и подала мне букет красных роз. Буду сейчас себе картофельный суп делать не потому, что хочу, а по «инстинкту» надо. Видел и вас в суете. Я спрашиваю: «да надо ли вам писать письма?» «Да, да». Но больше я не успел спросить ни о чем. Очень устал, хотя голова прошла. Потом одолели разговорами, хоть я продолжал писать.

Возили на кладбище. Там сажали цветы. Бабушка Чернова за водой ходила, а Н. Гр. с горшками. Одна «Мужественная на водах», а другая «мужественная на лопатке», а Комаров землю ворошил. А я рассказывал всякие небылицы. С.П. любила слушать и улыбалась. Вас обоих она полюбила. В начале оккупации она написала вам обоим письмо, полное и отчаяния, и

любви. Я опускал это письмо, зная, что вы его никогда не получите. Черновика не было. Все равно вы мне поверите. Так мало кому в те времена можно было написать.

Шутливую сказку я все-таки сегодня кончу. Едва разбираю написанное. После кладбища, по обычаю, ели блины (блинчики). Но я ужасно устал. Комаров из сигарных окурков набивал мне папиросы.

Внучка моя дорогая и любимая, вот и на кладбище я увидел столько жизни, незакатной жизни: деревья, цветы и мои рассказы, и мне казалось: невольные соседи – могилы не лежат «безчувственно», а прислушиваются и приглядываются.

А. Ремизов

14 VIII 1947

Дорогая моя – моя любимая внучка!
Наталья Владимировна,

Вот сегодня то, что в календаре означается beau temps. И до чего все привыкли, меня все спрашивают: «Как ваша внучка?» Остается только формально утвердить грамотой – такой обязьяней грамоты ни у кого еще не было. Хотя вы и стараетесь ходить по мерке – я помню как еще при Серафиме Павловне вы принесли нам 5 кило сахару, и как недавно трижды заходили: чай – сахар – сухарики – в существе вашем много «игрушечного» из мира сказок.

Это я к тому, как оправдать ваше звание Обезвелпала – моей внучкой. Я, ведь, всю жизнь хотел походить на человека и старался им быть, но мало чего выходило и, часто, к огорчению моему. И всякий раз, когда меня судят люди, мне становится жутко: не знаю, что и отвечать.

Нет, нет вы не можете постареть. Помудреть – да. А стареют, когда вырывается с мясом. А мудрость – в утончении глаза, в чувствительности сердца и понимании. Музыка для вас будет ближе, боль ярче, «разсуждения» глубже.

Насчет мунштука неважно, какой попал – и хорошо. Важнее тетради.

А это хорошо, что вы с людьми. Забота о ком-то развивает чувство к живому миру. А только через живое растет человек.

А. Ремизов

15 VIII 1947

Дорогая любимая внучка,

Приходил Бахрак, возставший из мертвых, принес за лягушек 1140 frs. И сейчас же: за самой лучшей колбасой и за ветчиной. Вернулся, купил вино, но больше ничего, все закрыто. Ну, ничего, выпью кофею. У меня есть и сахар, и чай, и кофей.

Читал ему о Church'е, он должен переводить. Sollier нет. Кого-нибудь спросит. Начал о Демонах: Л. Андреев и Брюсов. Это глава после «лягушек». Не «разогнался». Идет медленно. А, кроме того, искал карту Москвы и, за жару, мой посеянный черный галстук. И не нашел. Ну ничего, вспомню улицу, а «без галстука» легче. Сегодня уже не то: утром был мороз, первый мороз – как в Устьсысольске.

Труд и забота о других, это самой жизнью выработалось – вынести свою трудную жизнь. Самое гибельное для человека – легкость. При равновесии – что цветок без воды. Никогда не жалейте о днях, которые прожиты, а не пропархнуты. Вот вы и Ися, какой провели месяц, а, поверьте мне, Вы несравненно богаче меня, проведшего этот месяц за столом беззаботно.

К си́дню сила не приходит, а к натрудившемуся сила придет. Какие горькие я вспоминаю минуты: всегда – или проспал, или поленился и, чтобы не смотреть, закрыл глаза. И это мой постоянный упрек себе: недеятельность. Теперь я полуслепой, вне жизни, теперь только при теплой погоде вечером, забываясь, я мечтаю, как много я могу и сделаю. Мне оттого и неловко перед людьми, что я принимаю, а отдать не могу.

Вот, по спешке и неверию моему людям, оболгал человека: не в 7-ь, а в 10 пришел-таки, бумагу принес, а табак не принес. Теперь и на Ваше бумаги хватит. А опоздал он потому, зашел домой, чтобы умыться и в чистом виде показаться мне.

Дорогая, любимая внучка, вот вам урок – по моей ошибке – не спешите. Да не мне это говорить Вам.

А. Ремизов

17 VIII 1947

Дорогая моя любимая внучка! Было вчера предсказание, что после грозовых значительно понизится температура, и кто вчера поехал из Парижа вон, всякий взял с собой, если не шубу, то все что под руку попало, ваточное. Несчастные поверили: сегодня – такой зной и ветер не дыхнет – жарища адова.

Кончил переписывать гиппопотамов или бегемотов, а завтра, уже быстро, перепишу еще раз. Когда шел опускать письмо, думал: не надо отгребаться от жизни с ее мечтой и болью. Все не зря. Вчера Вадим Андреев: не пишет с 5-го июля (с тех пор, как захворал его сын) и теперь боится, что надо будет «разгоняться». Писать «разгоняясь» очень трудно. Я знаю. Но эти месяцы

молчания и раздумия – разве они пропали? Я уверен, глаза его теперь, как 9-ь прежних глаз – страшно другое: легкость, беззаботность, это тоже было б для меня, что сон без сновидений. Сегодня воскресенье: приходил Мамченко и с ним Диомед Монашев из «Советского патриота». Опять безконечный разговор, чтобы один раз мне выступать со чтением. Вообще-то я мог бы, но и намучаются же со мной: ведь мне надо свет! В Club d'Essai Чижов, стоя, держал около моего носа «чайником» лампочку. Набили мне папирос: хватит до среды, а во вторник я получу деньги. И обещают во вторник принести бумаги: стянут из какой-то типографии, хвастают, что бумага «американская» с линейками. Отделывал альбом к «Идиоту»: приходится некоторые рисунки переклеивать. Об этом я вас спрошу: м.б. мне уж поздно выходить на люди – мне все кажется – что я дам из своего, чтобы не задуматься, зачем? Конечно я могу читать из Гоголя, в последний раз я читал в 1938 году. И я подумал: а что если бы Вы прочитали что-нибудь мое: у вас голос ближе всех к моему и интонация. Только я делаю сердцем, а Вы природой. Дорогая моя, любимая внучка, я слышу как Вы читаете. У вас, даже такое как Китаянка, безцветно для нее прозвучало совсем, как тихие летние цветы, всегда вспоминает. Она тоже куда-то уехала, я дал ей, чтобы не переписывать, мои цитаты к снам из Достоевского по форме.

А. Ремизов

20 VIII 1947

Дорогая моя, любимая внучка,

Вода залила мой поверхностный сон. Вчера произошла катострофа: хлынула вода в ванной. Со слепу я не заметил, слышу – шумит и думаю: соседи затеяли купаться. И весь день они купаются; по жаре, что ж, все можно. И только в 12 ч. ночи перед сном, пошел в ванну и тут только увидел, что происходит. С трепетом (не уверенный) закрыл воду. Но заснуть не мог, я все прислушивался, слышал, как от скучных соседей грызется мышка, а в гараже вернувшаяся в наш дом (живет у Унбегаун) дама рассчитывалась с шофером мелочью – и повторялось за мышкой: merci, merci, merci. Утром изловил нашего Василиска (нелегко такую породу ловить) и заявил: когда придет водопроводчик, трудно сказать, а пока вода будет закрыта.

Две вещи обо мне никак не могут понять: мои 15 диоптрий (слепота) и гипертрофию моих чувствительных нервов. Я бы себя определил: слепой и воспаленный. И вот, всякая мелочь, как и слово, сказанное только, как замечание, мимоходом, вырастают для меня в катастрофу. И как трудно мне освободиться и спокойно продолжать работу.

Место печали нас больше привлекает, чем место радости – думая о музыке, о русских и католических службах на Страстной неделе.

А. Ремизов

21 VIII 1947

Дорогая моя, «волчиная» внучка
Наталья Владимировна

Я думаю – в искусстве – каждый из нас кому-то мешает. И тут дело не в уме и не в душе: посмотрите Бунин, нежнейшая душа и умница, а ему все мешают, и он всех кроет и куда его нежность скрывается в эти крышки. Теффи, ее он не трогает, он «пилит» в глаза Пантелемонова, «на кухне», в Обезьяньем притоне он «пилит» меня, Горького и Достоевского. Это Бунин – традиция русской литературы. (без «темных аллей») в последнем № 17 L'arche (26) 1 Paul Léautaud в своем Journal Littéraire 1946 расписывает такие подробности, понятно, почему французам «Мужики» не интересны, (этими темами занимаются попюлисты а, «Темные аллеи» – ребяческий лепет). А что же вы хотите от других… Конечно каждый из них друг другу мешает и вы, моя любимая внучка, и я волк. Дорогая моя внучка, я так далек от них, великих и малых, и в России был и тут, меня не трогает никакая крышка, меня удивляет одиночное доброе слово. И что страшно, я волк, но когда я говорю с каждым отдельно, мне каждого бывает жалко и я никогда не точу зубы. Да при мне очень-то и не распускаются. Меня кроме всего боятся. Я верю человеку и человеческие измышления (сплетни) для меня пустое слово. Теперь злободневное – как я получил 500,000 и скрываю. Задумал собрать все рисунки к Идиоту. Это будет для моей единственной и любимой внучки, чтобы училась.

А. Ремизов

Хорошо тоже в поле цветы собирать. Ведь это звезды.

8 IX 1947

Дорогая моя, любимая внучка,

Поздравляю вас с вашим днем ангела!

Наталья по старому стилью 26-го, по новому 8-го. Этот день мне особенно памятен: именины Натуси. И я всегда придумывал, чем бы ее порадовать. И часто, как это бывает в жизни, мои подарки не только ее не забавляли, а сердили. В особенности, когда она отходила от моего мира.

«Опять – скажет – ты, Алалей, мне ерунду какую-то». Я все понимал и с горечью отходил.

Вам я приготовил подарок умственный – альбом к. Достоевскому.

Когда-нибудь, если сумею, я расскажу вам о сложной конструкции «Мышкиной дудочки».

Сувчинский музыкант, для него легко было читать, как партитуру. Я называю интермедией, а это самая настоящая трагедия.

Есть Гофмановское: «у каждого из нас завелся в голове кот». Явление его только у нас; только у нас и мышка (из 54 квартир). И только у нас поселилась – и я один это чувствую – и, вскакивая ночами, сталкиваюсь с ней в коридоре.

И все это в круге всякого рода влюбленности, мечты и воспоминаний. Непременно мне надо было Opéra, балет, стихи. А главное, для литературы – словестная конструкция: построение фраз. А критика пусть по поверхности: имена – да от этих имен через – и очень короткий срок – ничего кроме букв.

Есть перевод без последней главы (это мой долг Зяблику). Из французов кое-кто знают, у них нет русского отношения. Попробую показать,(предупреж-

дал о переводе), Сюзанне Сока; проверить испанское чутье. (Все ждал, что напечатает С.Ю., но, кажется, она привезет мне рукопись).

А. Ремизов

9 IX 1947

Дорогая моя, любимая внучка,

Нашли ли вы мое сердце, которое вложил я в Достоевского: I II III IV–альбомы. V (маленький). В альбом вложена карточка с ключем – январь 1940, елка. И для вашего альбома Монгольское. А в другом свертке: конфеты, чернослив, портсигар Андрея Белого с объяснением.

Я подумал: вы сама видите, как я далеко ушел от простой сказочности и не осталось никакой выдумки.

Если затеется балет с Нат. С. Гончаровой, мне одному не справиться. Давайте сделаем опыт: я вас представлю, как мою ученицу с редчайшим даром сказки. И на собрании вы приглядитесь и прислушаетесь. Я не знаю, кого выберут музыкантом. Из разговора с Сазоновой мне кажется, будто привлечен и Сувчинский. Надо набрать как можно больше «сказочных элементов» (сказочных превращений, имен, оборотов), а для этого надо читать материалы и выписывать себе.

Попробовал исправить «В вагоне». Если взять из стихов: «Как мне страшно уходить во тьму, ждать всю жизнь и не дождаться встречи, и остаться ночью одному». Я вам покажу.

Как мне помогает музыка: она не напархивает, а взвихряет. А «крылом закрыла» нельзя сказать, п.ч. «закрыть» от «крыла».

А. Ремизов

О мышкином сердце жду.


ЗАЦВѢТУТЪ ТОГДА ОКНА МОРОЗНЫМИ ЦВѢТАМИ ЗАМЕТЕТЪ ПУТЬ ПРИ
СТЫМЪ СНѢГОМЪ
LES VERRES SE COUVRIRONT DE FLEURS DE GIVRE
DIE FENSTER WERDEN MIT FROSTBLUMMEN BEDECKT
МОРОЗНЫЕ ЦВѢТЫ
A REMIZOV LA TRAGÉDIE DE IUDA
BERLIN
1922
МОРОЗНЫЕ ЦВѢТЫ А. РЕМИЗОВЪ ТРАГЕДIЯ О IУДѢ УНКРАДА

15 IX 1947

Дорогая моя, любимая внучка, подсолнушек!

Очень волновался, вышел за 10 минут, чтобы ровно в 12 быть в отеле, повар предупреждал, чтобы ровно в 12. На нашей церкви (Eglise d'Auteuil) было 12, я вошел в отель (самый старый в Auteuil, когда-то была почта). И сразу растерялся: полно «бешеных баб» (все знакомые торговки). Я – к хозяину. «Шеф Jean – говорю – назначил в 12, Rémusat». Хозяин, полоща стаканы, зачем-то вытер руки. «Jean – сказал он – вернется как всегда, вечером в 11»

«Но он мне назначил в 12, равно 12».

«В 11, не раньше!» уже, не глядя, сказал хозяин и повернулся продолжать мыть стаканы.

«Скажите, Rémusat был».

«Rém usat , Rém usat » – но это уже вопили бешеные бабы и чья-то задняя нога потянула, втягивая меня к себе за стол.

Я выдрался к двери. «Прощайте!» – я сказал с облегченным сердцем. Повар обещал телятину с фритами. Ну, где мне было бы попасть вилкой при такой бабьей тесноте? И я пошел тихонько домой. С Rue Pierre Gérain до Boileau 5 минут. Я шел все 10.

Я вдруг вспомнил, как в прошлом году повар настаивая придти ровно в 12, сказал мне: «Живи вы в России, Вы были бы миллионером и меня на порог не пустили». И когда я сказал, что при всяких миллионах он мог бы ко мне придти, он безнадежно ответил: «Да швейцар и к двери не допустил бы». И вот случилось совсем наоборот: я пришел и меня пустили, чтобы показать выход: приглашавший меня просто взял и ушел из дому: или уходи по добру по здорову,

или жди его до 11 ночи. Дома, вместо телятины, я сварил две картошки и съел с солью, мне показалось очень вкусно.

А. Ремизов

21/8 сент. 1947
(Москва 1902)

Дорогой Исаак Вениаминович,

Кланяюсь Вам за Серафиму Павловну. Она всегда радовалась, когда Вы заходили к нам. Она и тогда, ведь, была больна. Особенно, помните, когда Вы отвезли нашего Подсолнушка в Швейцарию (уже очень напугался «алертами» – по русски «всполохами».) Вечерами мы сидели в «Кукушкиной» и я читал Гоголя. Она всегда называла Вас ласково: Ися. И потом, в годы нашего пропада, вдруг вспомнит и неизменно, с сердечной теплотой, произнесет Ваше имя.

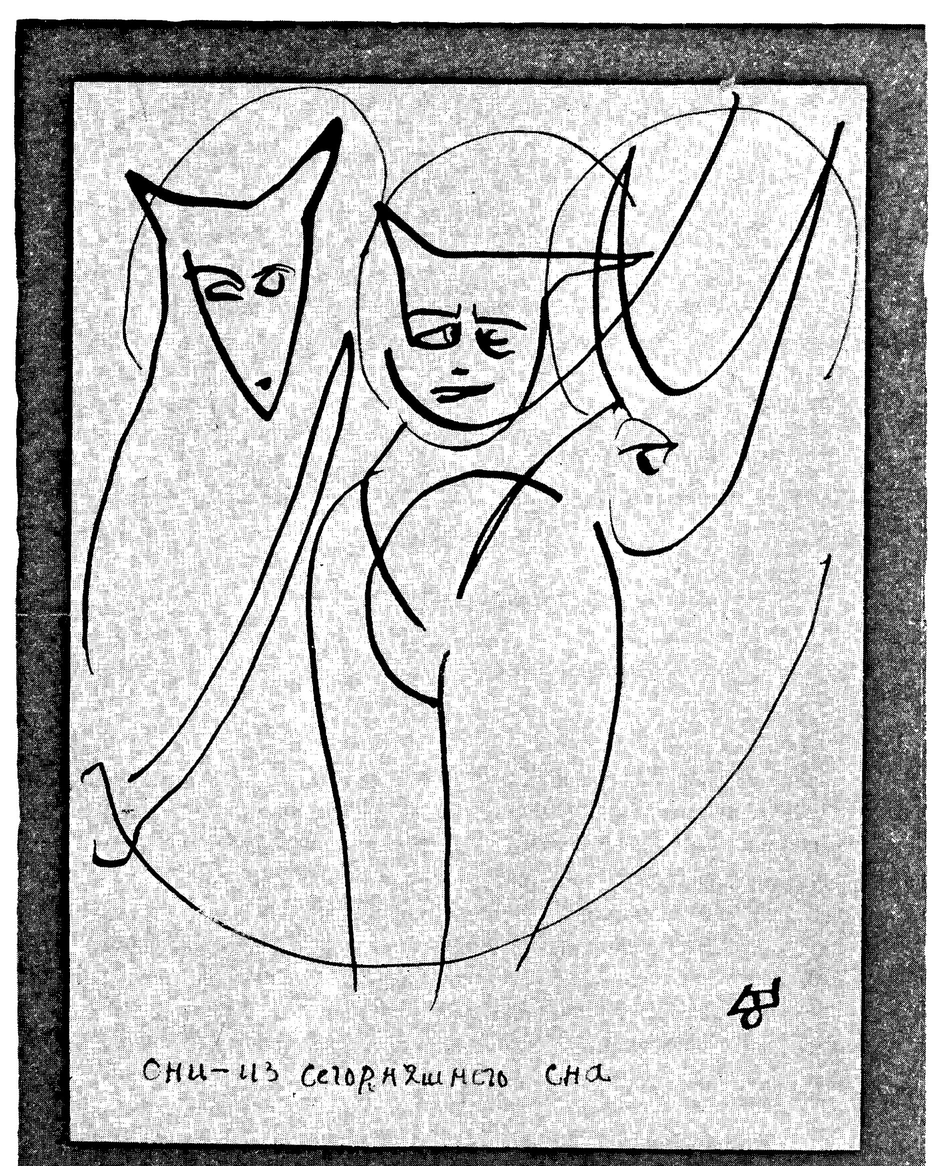
После смерти Серафимы Павловны (13 мая 1943 г.) я все отдал тем, кто ее любил и кого она любила. У меня остались только книги, она их собирала здесь, заграницей, – в Петербурге случайно все пропало. Это все мои с первой моей книги (1907 «Посолонь».) Не хватает 3-х. С 1907 г. = 69 (С 1931 года меня не издают по русски.) И сколько-то (31) переведенных на англ. франц. немец.

Все это я хочу передать в Ваш дом – моей любимой внучке «Подсолнушку». Это единственное собрание будет памятью о Серафиме Павловне. На книгах я везде сделаю надпись «передачи». Я знаю, с какой бережливостью будут эти книги храниться у Вас.

Слушаю всегда свой голос и с легким сердцем пишу вам. Резниковы вернутся в среду 24-го и кто-нибудь зайдет ко мне и я передам 10.000 frs внести за могилку.

Вы меня очень тронули Вашим вниманием.

Алексей Ремизов


они – из сегодняшнего сна

10 XI 1947

Дорогой Исаак Вениаминович,

На Ваше рождение посылаю Вам мой голос (к моему огорчению, сам я не узнаю, так резко: не мое).

Когда-нибудь, в такой же ноябрьский вечер, когда я буду только тенью под Вашим окном, вы, наслушавшись «Темной ночи», поставите и эти пластинки.

Хотелось бы мне, с моим голосом чтобы вошел в Ваш дом только мир и тихость: ведь, я передаю Пушкина и Гоголя.

Алексей Ремизов

Без мысли нет книги, но книги пишутся не мыслями, а словами и судятся критиками (литературными оценщиками). Их излюбленное выражение: «Коряво, но есть мысли» означает: «Не умеет писать». И еще есть выражение: «но талантливо». Если перевести на язык другого ремесла – ну хоть опять скажу о часах: «часы не верно ходят, но посмотрите – как талантливо». В любом ремесле требуется мастерство – как в искусстве, в живописи, в музыке – а почему то в словесном ремесле: валяй, как Бог на душу положит.



1948

20 II 1948
Пятница

Дорогая моя Бубуня!

Вас видел и Исю; Вы в голубом. А кто-то, проходя замечает «и чулки».

Выхожу на кухню, прислушиваюсь, как ветер поет, но это в сумерки. Лампа в 60 так ярко осветила и что-то не слыхать. А я люблю слушать его песни, – его песни отзвук – и земли не будет, а Он останется, то, что было до создания мира и будет, когда все разрушится.

Об этом я не раз заговаривал («На воздушном океане»), но еще легко и просто не выразил.

20-го II 1925 г. был такой же холод в Париже. Жгу радиатор без милосердия. И не могу согреться. Натёр пол. Комната блестит, как лысина у «Фараона». И совсем потерял голос.

Отвечаю Pierre'у Pascal'ю, а он переспрашивает.

Он занимался XVI и XVII веком, написал книгу о Аввакуме и перевел «Житие», – да у нас жгли без затей, ничего с инквизицией, лишали причастия, а просто «чробы впредь не повадно было воровать» («воровать» – переступать).

И еще – к судьбе русской литературы – Аввакума, заговорившего на природном русском языке сожгли и в то же самое время возвеличили до звания первого писателя Симеона Полоцкого: писал вирши на «невозможном» языке, искажая русский лад, русские ударения.

С этого Симеона Полоцкого (XVII в) и пошло все литературное разорение, увенчанное Великим Муфтием.

Наше ухо привыкло к искажению, мы и думать-то иначе не можем. И стало нам все наше исконно-русское резко для уха или смешно.

Только-только отдышался. (Натирать пол, кажется легко, а считается тяжелой работой, да.)

Бабка Ковалевская рисует Лифаря, даже во сне, и учит Комарова (Сосинского) натюр-морты рисовать. Просит научить, как выразить «У лисы бал» (по русски) и Le violoneux (по французски). По русски я готов, а по французски самому наперед, научусь, покажу.

Попросил ее купить 10 ш. яиц и 2 пакета папирос. И бросить письмо Комарову (о дисках) и Горской (переписать «Под колоколами») забыл спросить как вы думаете; и в глазах у меня черно.

И вдруг я услышал как с протянутой мне теплой рукой все колокола вздохнули этим человеческим вздохом и т.д.

Закурил и продолжал переписывать 1925 г.

В сумерках La Nonne-vierge-martyre. Тут я залез на стол и осветилась кухня. Съел 4 «Давыдовы» котлеты на комаровом масле и пил кофий – 2 звездные чашки с вашим сахарным песком. И La Nonne оживилась, все рассказывала, как с вами прощалась, что сказал Исаак Вениаминович. Купила она еще кило (ло-ло) апельсин. А котлеты и на завтра и на воскресенье, если завтра не придет Maugé с Лирой.

Читал, как всякий день, грамоту. Дошел до 1556 г. Ивана Грозного. Читаю в-слух и вникать и для произношения.

Только ничего не подклеивал, время ушло, за то – блестит и на стене серебро и на полу лоск.

А думал о «примитивах». Задача не легкая: надо такие же примитивные (наивные) слова. «Наивные» это совсем не стертые. Очень я отравлен книгами.

Еще думал о Астарте-Луне. Образ величайшей тайны всей нашей жизни под властью Солнца. «Мечта», ведь это тень. «Сказочность», ведь, это ж призрак.

А как бы солнечный человек рассказал о луне? Да, пожалуй, никак.

В заключение съел апельсин.

Дорогая моя Бубуня, дорогой Исаак Вениаминович, кланяюсь вам, что меня не оставляете и за все ваше внимание и за все ваши заботы и за всю вашу память.

А. Ремизов без хвостов, но с закорючкой.

23 II 1948
Понедельник

Дорогая моя Бубуня!

...Продолжаю переписывать, по 1925 г. снегу нет. Подклеивал немного. А сейчас за чтение: каждый вечер по грамоте XVI в. читаю вслух под кукушку. Так только и можно войти и перенять лад речи. Но надо всякий день упорно.

Проверьте ваши чувства. Можно ли возвращаться на старые места? Я помню свои чувства, когда приезжал в Москву, и ходил по старым местам, но главное встречаясь с людьми, с которыми был связан.

У меня было тяжелое чувство. Я понимаю теперь: я рос, обгонял их, а они оставались теми же. И для меня это была проба: «поумнел» я или «поглупел»?

Сегодня уж никаких апельсинов и только жду завтрешнего дня. И «Башкирских сказок»: не найду ли чего – чего не читал.

Речка Ле́ле́вка, Галица, Паунка.

От «чары»: пронизанное чарами пространство – Чарома.

«Он вышел, весь охваченный чаромой». Это для примитива.

Хорошо иметь при себе щучью или воронью косточку, а будете в Калифорнии, достаньте львиный коготь – все будет удаваться.

Меня сегодня расчленили: я получил 2 экземпляра новой газеты A présent – оба 7 Rue Boileau, один – A. Remizoff а другой A. Remi Zoff.

Надо всякий день что-нибудь узнавать, а сегодня мне не повезло. Может быть, сейчас – в документах.

Другие персидские невидалки: «глинянный нос» меня мало трогают, это любопытно для «кладоискателей».

Всякое утро на вас обоих бросаю кости и всякий раз вычитываю «удачу».

А. Ремизов

24 II 1948
вторник

Дорогая моя Бубуня!

Что я подумал – это вам будет очень полезно: замечайте (а если можно, записывайте) всякое ваше sensibilité nouvelle внешние, внутренние, косые, прямые, положительные и отрицательные – (как вчера у меня, когда верховая Бабка объявила мне, что не достает на письме марок и вдруг первые мои два письма не дойдут до вас) – встречи, слова, мысли.

Замечать – записывать – отточить наблюдательность. Я при моем – ищу в книгах и редко в жизни. Когда я выйду на волю, я себе и не представляю, но всякий раз, хотя бы через улицу, я на стороже. А если нет ничего, единственное утешение: «ну, завтра».

«Акула» принесла 6 пирожков. Два сейчас же с кофеем, а 4 на кухню, «доедать субботнее». У Акулы под правым глазом красный подтёк от плиты. А приходила она справиться: «правда это, что такой закон вышел, никто «никого выгонять не можешь»? (из квартиры). Она продает «рисунок Родэна» – не Родэн рисовал а его рисовали, так и вышел «рисунок Родэна».

Говорят, дадут большие деньги.

Я ей посоветовал обратиться к «копытчику» (С.К. Маковскому). Она его знает: огурцы покупал.

Из новостей нашей громкой улицы: «Тоненькая шейка» (рядом с Итальянцем) хлеб без тикеток больше не продает: 5 дней сидела за фальшивые.

А вчера у Вельтер на именинах «Надюша» (из «Мышкиной дудочки») за чаем читала по-французски стихи (перевод «Конька горбунка» Ершова), ее сосед Паскаль ничего не понял: такой бойкий и вызывающий выговор.

А вы сейчас в Нью-Иорке: не «Надюша» и не Акула перед вами – сколько вы можете и насмотреться и наслушаться и заметить.

Говорю с вами, как с малым дитём.

Завтра, говорят, тепло будет и весь снег уйдет. Я об этом и не думал бы – я люблю снег – но жду 27-28 II – мне скажут сколько у меня набежало за морозы – мой электрический конь.

Если у кого много котов в доме, можно сказать: «котвá» – «котвý развели» или «сколько у них котвы́».

Заключение в башню, запрет света и касаться земли – «одиночка» «для накопления магических сил» – в одной сказке заключенную царскую дочь кормят только мозгами, которые имеют какое-то магическое значение.

Ваша Королева – Ворониха, живя в башне, наверное питалась мозгами.

А. Ремизов

Дорогой Исаак Вениаминович,

Обрадовали меня вашей «Америкой» а то я совсем загрустил, затих и замерз.

Я сижу с открытым окном. «Кукушкина» ярко освещена. И я знаю, и в коридоре и на кухне светло. В мое открытое окно – весна! И я вижу, как подымается

гора из весенних теплых туч и летит – вот рушит она и все зальет. И это вовсе не страшно, но душевный подъем так велик, видеть такое очень трудно и я, не оглядываясь, спешу в коридор, как однажды при бомбардировке. И меня будят. Открываю глаза: Бахрак и Бродский. «Надо торопиться»! Куда, не соображаю. «Дайте мне, говорю, хоть кофею выпить». Оказывается, мой вечер. У меня две книги. Обе в дорогих переплетах. «В лесах» Печерского, а другую не помню название. А свое я не буду читать. И я вижу длинный зал и по бокам, с проходом по стене, высокие скамейки все места заняты. На крайней похоже на Лебедева, смотрит с упреком: «пора начинать». А вдоль другой стены на низеньких скамейках и тоже все места заняты. И я раздумываю: «что же мне читать? И надо из своего, хоть что-нибудь». Но где мои рукописи, не могу вспомнить. И тороплюсь к себе в свою комнату. А это подвал и все в железе и стол железный и я перебираю железки. Бродский кричит: «Скорее! Последнее мэтро!» И кинулся в железки и пропал.

Чувствуете, какая это изводящая ерунда. Проснулся – все губы растрескались. И первое к окну: на подоконике снегу нет, стало быть тепло!

И вот ваша субботняя открытка – мой счастливый день.

А. Ремизов

5 III 1948
пятница

Дорогая моя Бубуня!

Вот говорят: «сон золотой». А я побывал в таких местах, где и в-правду, все золотое или в золото наряженое. Я попал на поле: золотые колосья и только низко, как щеткой золотой покрыта земля.

«Что ты? ... – я испугался: взял ее за руку, но она не слушает меня, – Натуся!»

Она вся золотая, как это поле, а в руках у нее грабли, на сброде косы, проведет и срежет, и зерна прямо на землю – крупчатые солнца.

А стоит какая-то, подперлась ручкой и смотрит – какая печаль в глазах. Я понимаю, это не полоса. И я жду, вот она скажет:

«Ребенку забава, а мои не евши».

А она нагнулась и полную горсть к глазам себе и отшвырнула. «Поганое», – сказала она.

И я увидел, да это вовсе не зерно, а солома. И слышу запев – глубокий и страдный – нерусская песня.

Я скорее Наташе – «пойдем отсюда» – думаю, «сейчас придут или эта позовет» – и повел ее.

И тут же среди поля аудитория с высокой кафедрой. И никого нет. Одни мы. Притаились.

И вдруг вижу: вся в стальном – отблеск кос – вы входите на кафедру.

И откуда такая песня – слова цыганские, это я различаю – но какая боль и торжество – голос и льется и светит.

Видите ли вы нас или не видите, «на яву ли это или только снится», но я различаю: «семь». И эта цифра «семь» повторяется в упор. Я проснулся под песню.

А на утро – что-то было и потом – эту половину сна помню, а другую, не поддается. Что-то, кажется мне, литературное. Как сапожники видят сапоги, портные полыты, я вижу исписанные тетради, и сам писал, а разобрать ничего не могу.

Наконец, пришел Сувчинский. О музыке и полногласии. Вот вам пример: мне всегда хочется сказать не «ключ», а «колюч».

Это чисто русское ь – за Е, ъ – за О } внутри слов.

И еще говорили: о издательском разорении – печальная судьба его музыкальных, а моих «навыворот» книг. И как бывает: «отвращение к жизни» и одновременно «страх смерти». Я это могу понять, но мне никогда не почувствовать. И что самое пронзительное в музыке – курячий крик.

Из вчерашнего: «Даша никогда не выйдет из «Союза», она не такая». А я всегда это знал, что не такая, а знаю я ее с Петербурга.

Только о птичке – серебряная, золотой хохолок если за ней итти, доведет до волшебной лешей избушки. А в пещеру, откуда ход на столпяную поднебесную гору – прóсек в небо надо по жуку итти саможуду, а в этой пещере железные когти сами наденутся на руки и на ноги, а без когтей гора неприступна.

А. Ремизов

Если бы я не боялся переходить улицу, письма доходили б до вас в-раз. А то просишь, и забывают: не свое ведь.

13 III 1948
Суббота

Дорогая моя Бубуня,

Вы говорите: вот и месяц прошел, а я говорю – какой месяц, всего несколько часов: Циммерман еще не распрягся и 20-е не наступило. И тут вижу какой-то топочет – верно, это тот, что распоряжается «Часами жизни»; глаза у него, как у коня, медные. Я походя случайно дотронулся до него, и почувствовал и очень удивился: я понял, что это медведь. Хочу вам сказать о медведе, – а сижу над большой рукописью, согнулся – у меня козьи рога и весь я шерстяной. Я должен

в трех строчках выразить и эти три строчки написаны, но меня смущает, что каждая начинается с буквы «С».

И я проснулся от усилия: поправить я ничего не мог. И с ужасом увидел, что 11-ый час. Вот вам и блины! На ночь кончил Башкирские, ничего нового. Но и то хорошо, что я «Дея» узнал. Когда-то верили, что овладеть зверем можно, съев от него кусочек. Я перевожу это на слово. Я глазами вглотнул Д - Е - Я. И он тут-как-тут: на дне колодца и висит скрипка и мягчатся за спиной крылья.

Мой «скриплик» («Le violoneux») учит зверей, птиц и жуков, а «Дея» никого не учит, он живет в музыке. Как его имя зазвучало!

Наконец посылка от С.Ю. я ей напишу. И извещение от Комарова что «диски» он послал и прилагает 400 frs – все, что на мою долю от продажи в Париже, и жалуется, что никто не покупает. А я понимаю: зачем? «Нам звуков не надо!»

С 5-ти Jean Desternes и до 8 1/2.

Выбегал на кухню, чтобы сказать Лире: как и что. Н.Г. должно быть, захворала, ни в пятницу, ни сегодня ее нет. Впустил Эмира помогать выражаться. Desternes остался доволен. Сохраню Lombat. Начал я с «безобразия», что было трудно перевести. «Без – образия» природы, «без – образие» сна и моего в литературной жизни. Мне кажется, он все понял. И «улыбку», и «оскал». И «лесенку», светящуюся «улыбкой» и «лесенку» скорби.

Он оживился; после свидания с Artaud за 4 дня до смерти, мое раскрытое окно и солнце и слова были весенним веем.

Апельсины исчезли, только яблоки «Канда́». Асти на 10 фр. подорожало. Какой чудесный весенний салат без песку. Дал Лире 120 фр., в четверг принесет мне

(это уже мне, не Никитину) «Индейские легенды». А «Дея» это персидский «Див», «Мухояровый» – красный.

Никаких Бахраков. И одна Верховая.

Но урок сегодня пропал – все затолчено французким...

А. Ремизов

20 III 1948
суббота

Дорогая моя Бубуня!

Сегодня месяц, как вы покинули Париж. Для разнообразия одно морское ваше путешествие память неизгладимая, о чем читал я только в «житиях» и знаю по легендам о Николе, и вот из вашего описания.

Как и в день вашего от'езда, на воле не весело. И так, говорят, будет до Пасхи (здешней, 28 III).

Я только в окно заглянул. Туман. Но завтрашнее. – Вербное – чувствуется. Вчера в доме было затишье, всегда предпраздничное и только у меня свет. Делаю сейчас механическую работу: подклеиваю, вклеиваю, считаю и высчитываю. Это внешнее ремесло, о котором кто книги читают, не догадываются. А сколько отнимает времени, и досада: «ничего не делаю – не пишу».

На ночь читал из книги о индусских сказаний. Перевод на смехотворном языке. Но переводчик думал блеснуть. Сказания древния, по которым прошлась не одна рука: работали и брамины и святые, постигшие все тайны, и педагоги с указаниями на всякий отдельный случай.

И все в медленном, но движущемся, «коловращении». Этим об'ясняю мою сегодняшнюю ночь без всяких событий.

В «живой жизни» трудно представить такую тишину как в моей комнате... Никаких «кукушек», никаких шагов. Ровный земляного цвета ковер; зеленая лампа. Окон нет, а стеклянная дверь и там ходят безшумно и, как тени, безтельно. Передо мною сидит человек – глаза в меня. Ни одного слова, только смотрит да не просто, как это в жизни, а тройным взглядом. И я читаю, как в книге по строчкам. И незаметно для себя вхожу в него. И не могу остановиться – я проник за строчки. А он не может не смотреть на меня, потому что я моим тройным взглядом втягиваю его в себя.

Оторвал будильник, но я долго держу зажженную спичку закурить, никак не могу очнуться.

Сегодня меня затолкают. Удасться ли продолжать на ночь от индусской премудрости.

А вчера читал о царе Душманте, о царице Сакунтала, дочери коршуна (сакунта) и царевиче Бхарата.

(На самом деле Сакунтала была дочь нимфы Менаки, а отец ее царь Вишвамытза). По именам можете судить, что это за разсказы. Но я люблю все, что не «реально». Описания из «реальной» жизни для меня, как картофельная кожура. Или как упражнения в писательском ремесле. Читал я по французски отчетливое описание ночного Лондона и так меня потянуло к неправдашному, но чем то для меня живее этого «реального», к царю Вишвамире.

Я сам грешу этим «реальным» грехом – от своей бедности, но вам «Норны» отмерили богатый дар – воображение.

Desterns читал, что написал с моих слов о юморе и смехе. Сделал две поправки, чтобы вбить: смех Гоголя «инфернальный» (юмор с пу́гом); смех Достоевского – «каторжный».

Но для этого много пришлось об'яснять, откуда. Разошлись к полночи. Я не устал, но урока своего не выполнил.



Барсакуньи сказки. 1934 г.

Эмир не пришел и никаких арабских и персидских об'яснений. Так и остается загадкой: торлоп каптур.

Был и Мамченко до. Об'яснял ему русское полногласие: Теперь скажут – коровий двор, а в XVI в. «коровенный».

Уговорился с Desterns'ом – одно меня смущает, что он по Гоголю «viril», в чем душа держится – повез меня на такси к Paulhan'у распутывать «Les yeux tondus». Solier кончил исправление перевода, а Maugé, наобещав Зяблику, отказывается от издания.

Путаницы столько, и как поступить мудрее, спросить не у кого. А на свое практическое «наитие» не расчитываю, хоть и кончил я коммерческое училище.

А. Ремизов

24 III 1948
среда

Дорогая моя Бубуня!

В окно солнце, а в комнате зуб-на-зуб. Или зажигай радиатор или натирать пол. Перед солнцем стыдно, буду натирать пол. Сейчас для вас это непонятно, п.ч. не чувствительно, но представить себе все можно и не понимая и не чувствуя.

А от того что пол заблестит, будет еще холоднее и останется ждать ночи, с грелкой...

Написал Давыду Моисеевичу, прошу его попросить у Шенкмана 10 маркированных конвертов. Больше неловко.

Читал, что на электричество предполагается понижение. Без вас оробеваю. И только чай пью во-всю: есть.

После 15-го апреля (тэрм) выяснится, сколько у меня останется. Температура влияет на сон: пониженная

расхолаживает память. Как ждали Осоргина, он и явился, тычется между столов, а сказать ничего не может, забыл. И все мы вышли, сели на подоконник и тоже молчим. Ночь-молчанка. И вспомнить то нечего.

Напишите какие отзывы о Вас? И что сказал Мансветов (о напечатанном в Новоселье) и ответил Рожанковский?

Не могу найти Johanesfeur: куда положил, рукописи пересмотрел на столе, нету. У меня есть рисунок «Zwerg», можно его в пустую (единственную) страницу в ваш новогодний альбом.

Если будет время, купите альбом, и пусть в нем напишут, пусть начнет С.Ю. Прегель. Будет у вас американская память. А потом и здесь, в Париже сделаем. Начнет В. Муфтий. Лет через 50 как это будет интересно.

На ночь читал легенду о царе Ушинаре: пожалел голубя и не хотел выдать ястребу. А это был не ястреб, а Индра (Бог небес) и голубь не голубь, а Бог огня. Ястреб потребовал от царя дать взамен голубя от своего тела вес равный телу голубя. Царь отрезал от себя кусок, но голубь перетянул. Он добавил – мало. Еще – и все мало, до голубя не достает. Тогда царь Ушинарас сам стал на весы к своим отрезанным кускам. И стрелка остановилась.

(Ушинарас – воплощение Будды).

И увидел, что это за ястреб и кто этот голубь.

Ко мне не может относиться: «увлекаюсь»: Я даю оценку, как ломбардный оценщик, у меня перед глазами история литературы или как говорят «перспектива». Смешно читать критику БЕЗ ПЕРСПЕКТИВЫ. И для них подходит: «увлекается». Гингер расхваливает Присманову, Присманова Яновского, Яновский Варшавского и т.д. И все они убеждены, что до них или с них начинается литература.

Пример безперспективной критики-легкомудрие Пискунка. Я никогда не «ругал» Пришвина. Это недоразумение. Может быть, я неясно выразился.

Пришвин одаренный воображением «поддался» (это не ругань) и захотел по ученому описать жизнь дерева. И все хорошо, разделил дерево на три этажа, и тут точно, но тут ожил в нем сказочник и на верхушку дерева он посадил самую маленькую птичку.

А. Ремизов

28 III 1948
воскресение

Дорогая моя Бубуня!

После субботы я всегда опустошенный. Ведь ничего не делается по-человечески. В тысячный раз я повторяю, как надо сделать. В ответ мык (согласен). Я верю, но где-то знаю, что и в следующую субботу мне придется повторять те же слова.

Вечером я могу разглядеть человека, но печатное и рукописи темно. И я сам начинаю путать. А живого человека возле нет. Потому мои французские дела и ни с места.

Я люблю детей, но с них нельзя спрашивать и приходится все время следить: что-нибудь непременно скувырнется и полетит на пол. Если бы это были ангелы или демоны, я бы не уставал так.

И во сне, посмотрите, на всем печать: усталость. По эполетам – длинные золотые – офицер с лицом барона Дризена (редькой) (Петербургский театральный цензор) серое, как солдатское сукно, взгляд через силу, ноги обрублены, но без костылей и руки свободны, и движется на своих обрубках.

У меня много серебра и я хочу подать милостыню. Шарюсь, а не могу найти. И мы проходим мимо. И далеко отошли, а я все вижу, как движется он на своих обрубках и какой это через силу усталый от безчувственной (не вызывающей сочувствия) мольбы взгляд. По дороге тянутся фургоны: везут зверей и с ними ошельмованных фокусников, попавшихся шулеров, искалеченных акробатов. И я засматриваю в каждое окно. Зверей мне жалко: они тоже раненые, как эти пойманные с хлыстами, поддельными саблями и крапленными картами.

На год она согласна. Она тараторит, наша «жертва», у нее противный голос, для ее ушей музыкальный. Комната хорошая, высокая светлая. По середине длинная узкая лодка. Да дело не в лодке, а нет дверей из комнаты. И я безпокоюсь: целый год такой жизни – безвыходно.

Наконец, получил «Новоселье».

Мне все ваше нравится. По печатному вижу (вернее слышу) отчетливее. Но... всего теплее «Сливы и Груши» и «Лапу льву». У меня 2 экземпляра. Из одного я вынул ваше, как отдельный оттиск и исправляю.

А. Ремизов

7 IV 1948 25/III
Среда

Дорогая моя Бубуня-Кукуня и Лесуня!

В Москве всегда выпускали на волю птицу. На Трубе (Трубная площадь) нарочно заготовлены клетки, выбирай любую. Птицы дальше Рождественского монастыря не залетят и к вечеру попадут назад в клетку. Замечают погоду: какая на Благовещение, такую жди и на Пасху.

Поднялся я спозаранку и к окошку: неужто тепло и днем будет солнце?

От разговоров и оттого, что взволновался (не от разговоров) и долго читал индусскую пространную повесть, ночь промчалась.

Куда спешил и зачем, не знаю. Только боюсь опоздать. Я куда-то примостился и меня помчало. Лошади это или крылья, не могу разобрать. Быстрота головокружительная, по сторонам-тянется все сливая, одна сплошная серая полоса.

Думаю: «если я на эту станцию не попаду, то, не задерживаясь, на другую». А кто-то говорит, что поезд сейчас придет: «вышел». А я не хочу и минуты ждать: мне сейчас, сейчас, сейчас. И я помчался на ту станцию, откуда «вышел». Еще поспею, думаю, ведь это так говорится «вышел». И приезжаю. «Полустанок», крохотный каменный, белый вокзал и ни души: поезд только-только что ушел, и все разошлись, и не у кого спросить.

Вчера Карский приходил: не напишу ли я о Бердяеве для «Троянского Коня», есть журнал. Я когда-то в 1902-и году написал некролог Бердяеву – такой был обычай всякому отъезжающему из Вологды я подносил, прощаясь, некролог. (Мое первое литературное без-образие). В некрологе рассказывали «смешныя вещи». А теперь – через 46 лет – почему имя Бердяева громко? Да потому, что все эти годы до последняго месяца марта он говорил «банальные вещи» популярное изложение (как Сартр, Camus). И это банальное по-русски таким истертым словом и в таком заношенном обороте, не за что ухватиться.

Нет, ничего не могу написать. Никакого «без-образия» ни в мысли, ни в слове, все до-нельзя прилично, на середину, эту приглаженную читательницу, которая и ест и спит, все во время и в меру.

46 лет назад (проводы) «Золотой Якорь» – Grand Hôtel вологодский «шикарный», избалованный судьбой, Николай Александрович, шампанское. И через 46 лет сплошных удач, без царапин, все по-маслу, 12 огромных попов (и откуда такие взялись, вот уж ничего общаго с вашим «попиком» Русской земли. И все 12-ь как на подбор, без слуха дерут чудеснейшие «надгробное» и все врозь. Наступает торжественная минута и так и этак, и уж ругаются, не влезает, хоть что хочешь: могила узка или гроб не по могиле. Кто-то с дуру: «Да подберитесь чуточку» – «Да некуда»!!!

Вы чувствуете, ведь это скверный анекдот: как же мне писать, когда перед глазами, мною невиденная, но как-то увиденная последняя минута.

А. Ремизов

24 IV 1948
суббота

Дорогая моя Бубуня-Кукуня!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Последний Шенкмановский конверт, последнее письмо. А хорошо ли это, что я вам писал? Вернетесь, придете в «кукушкину», а рассказывать мне будет вам нечего и сочинить ничего нельзя, по письмам догадаетесь, что «сочиняю».

Сегодня Вербная Суббота, какая весенняя память, какие ожидания когда-то, после Пасхи экзамены, а там гуляй. Я всегда думал, как много я прочитаю за лето. И теперь я жду книг: обещают к лету. Я как – то не могу представить остановки жизни. И чувствую себя, подлинно «заживо погребенным». Я так много хочу и столько мне еще любопытного в трех живых мирах. И не понимаю я Муфтия, когда он мне сказал: «зачем нам с вами что-нибудь изучать»? Вчера я над словами

мучился – я заметил, чтобы разобрать мелкое, надо левой рукой козырек себе к глазам наставить – Нашел смешное слово: «фуфлыга». Сам Эмир не знает, что это значит.

Вчера приходила Трубецкая. Забрала часть книг, ждет ответа из Кэмбриджа. А деньги только в июне, когда приедет в Париж Mr. Hill. Ну июнь не за горами, только бы понадобилось все то, что она выбрала.

На пароходе, может быть, перепишете Канадские сны? Пишите КРУПНЕЕ И ПОЛЯ ОСТАВЛЯЙТЕ И ЧЕРНЕЕ ЧЕРНИЛАМИ!

Вот вам на путь Рафли 5-5-1.

Прииде Господь к жене самаряныне, прося от нея пити воды. И рече: «Жена! аще бы ведала дар мой, дала бы воду живу!» И возрадовася жена Господню просвещению, великому дару.

– Тако и ты, человече, возрадуешися орудию своему: аще о болезни – здрав будеши, и в дому твоем здраво, а недруг сам тебя боится.

А. Ремизов

30 VII 1948

Люди Звезды

Днем в лугах – сколько встретим знакомых цветов. Мы изменились, неизменны их краски, –

цветы мои полевые звезды!

Ночью – к небу: небесное поле, родина полевых цветов –

сколько с вами я передумал!

Будем тихо глядеть на звезды, слушать. Не цветом земли, небо цветет звуком. В мерцании звезды ты различаешь голос?

Сказывают люди: родится человек на земле и в тот же миг ангел-хранитель повесит ему звезду на небе.

К звезде серебряным гвоздиком нить, видишь, лучом спускается на землю и проникает к сердцу, моя нить жизни.

А твоя? (мой зайчик убегайчик) – как еще молод и ярок твой луч!

По звездам – людей на земле. Люди – звезды. Свет ярче – полный голос – крепкая жизнь. Вон упала звезда. Чья-то оборвалась жизнь. А там – новая блестит.

Будем тихо глядеть на звезды, слушать. Руками показывать не надо-наш счет не для звезд.

Своя звезда для каждого тайна. Вот ты считаешь звезды, а вдруг набредешь на свою? Коснешься – нить недотрога и под твоими пальцами твоя звезда погаснет.

Будь мудрой. Не пытай судьбу: что предопределено и назначено, скрыто от глаз. Ключ к звездной загадке – к судьбе звезды-человека – не на земле, не у вас – цветы мои, полевые звезды.

А. Ремизов

9 VIII 1948
понедельник

Дорогой мой Зайчик-убегайчик!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Ну, никого. Единственная за всю неделю, в пятницу, С.Ю. «Скучаете»? говорит. И я ответил: «Так, вы и представить себе не можете»! А сам подумал: «и на том свете, какая там чернота, ведь не всякий исживет на земле жизнь».

Я показал вашу пастеровскую открытку. Она очень смеялась. Но за чаем успокоилась. С 10-и, вечером, в госпитальном саду кричит филин: голова кота, уши, только усов нет, никогда не улыбнется, уверен, что лучше голоса ни у кого и хорошо знает, что все птицы его боятся.

Rue Boileau: в стене «ящур», а через улицу филин. И это не мое воображение, воображаю, какое впечатление этот ночной крик на больных в госпитале.

И я из окна говорю в ночь: «От меня ничего не зависит». А и в самом деле, вот от С.Ю. зависит, примет она мое название «Шурум-бурум» или скажет, нет, а от меня – от меня нет ничего в мире, что бы зависило.

(С этого я хочу начать разговор Стефанита и Ихнелата. Помните, я хотел рассказать вам по дороге в Булонский лес).

Еще не решено, но, кажется, С.Ю. остановится на типографии Березняка.

От Рожанковского письмо 4 VIII получил 7 VIII. Одновременно высылает рисунок. Но печатать нельзя *до его извещения*. В случае отказа его издателя, рисунком можно воспользоваться только в 1951-м году.

Письмо сохраняю и Вам покажу. И рисунок будет у меня – до вашего возвращения и без вашего первого глаза *никому*.

Какие события за ваш отъезд? Всякий день гроза и мало автомобилей, мне легко переходить улицу, встретили и угостили иранского шаха – Мегамет Реза Палави, похож на Maugé. Вчера в шахову честь такой фейерверк устроили, я уж подумал, не спуститься ли в «абри».

Всякий день и всякую ночь вас вспоминаю. И слушаюсь: пью крепкий чай, ем черный хлеб с маслом и по утрам выхожу на волю. Все магазины заперты до конца августа.

Отдыхайте, высыпайтесь, и увидите – как хорошо в Париже – в виноградном Париже в сентябрь.

Тут полагается: «кланяется вам – да никого, кроме меня во всем доме: все уехали.

Дорогой Исаак Вениаминович и дорогой мой Зайчик Убегайчик!

А. Ремизов

10 VIII 1948

Дорогой мой Зайчик-Убегайчик!

Только что утром опустил вам письмо в Beau-Séjour. Отчет за неделю. Предупредите в гостинице переслать.

Я зная, что сегодня будет письмо и медлил. Но не утром, как обычно, а в 4е стукнула консьержка в дверь.

Рожанковский картинки еще не получил. Послано заказным.

Я все мечтаю, как за неделю в тишине Вы кончите, ведь не много осталось взглянуть, и к 1-му сентябрю все будет готово.

Все эти дни и сегодня отделываю написанное с раздумьем. Не спешу. А с 9-и мучаюсь над книгой Мочульского о Достоевском: из упорства, а может, что и встречу – не бросаю. Но какой сыпучий песок! «Песок» это значит, никак не повторить – пробрался, этим и кончается. «Полунощники» – сатира. Про себя читаешь скучно. Но *разыграть голосом начало* – очень смешно. Но Лесков писал для конца, он в то время был толстовцем.

Много сегодня мне снилось. Розовый сон. Помню его живо – именно, цветы. А шампанское без меня выпили. Но я это принял спокойно. Сейчас явится Е.В., она это письмо опустит. Корки временно отдаю Е.В.: медведю довольно – целый мешок.

В черновиках нашел: Вам писал после вашего отъезда в феврале 1940 – несколько строчек, впишу их в альбом. (Письмо было от Н.Г. вам).

Дорогой мой Зайчик Убегайчик! Дорогой Исаак Вениаминович!

Любуйтесь на синие горы. И скорее возвращайтесь, а то, боюсь, всю теплую погоду разберут.

Холодновато, шкурки надел, но окно-настежь.

А. Ремизов

10 XI 1948

Дорогой Исаак Вениаминович,

Поздравляю Вас. Рождение не именины: в мир приходят только раз, а именины справляют по календарю. Не снег, мёрзлая земля или осенняя мгла, как здесь, сейчас, ваша первая встреча и след ее на всю жизнь – кроткая печаль в глазах. Я уверен, вы найдете отклик в Чайковском.

Жду 15-го: обещают затопить, а пока жгу электричество. Подам прошение с докторским свидетельством о возрасте и лягушачьей температуре. Думаю нет выхода: пробовал, а вышло плохо, знобит. После 15-го жду вас: и масло есть, а на кухню пройти опасно.

Всемилостивейшей Госпоже Наталье Владимировне кланяюсь и поздравляю.

Алексей Ремизов

2 XII 1948

Моя птичка певунья
а если хотите – и перелетная
Всемилостивейшая Госпожа
Наталья Владимировна!

Кто-то сказал: зачем поминать свое рождение, какое это счастье? И я сказал: я счастлив, что родился и живу на земле. Мое счастье пронизано горечью, но без горечи, как без соли, равнодушие и только.

Вы меня порадовали в канун вашего рожденья «Театром для детей». Терпеливо жду того дня, когда вы отдадите книгу «Сказок» в набор. Это будет мой счастливый день. Из литературной «внучки» вы перейдете в тот же день в «дочь». Тем более это верно и хорошо: моя Натуся ровестница ваша.

Мечтал вам подарить много, но не успел кончить к вашему дню. Посылаю:

1) «Pflanzenmärchen» базельского мудреца Usteri. Эти сказки цветов вызовут у вас память о тех цветах, какие только Вы знаете. А читать надо, не спеша, сказку за сказкой.

2) «La parade des animaux» Франка В. Лан, в этой книге о жизни зверей, как ее ученый человек видит.
3) Гончарова, Обломов. Вы читали в десять лет, перечитайте. Написано хорошо. В русской искусственной книжной речи Гончаров на первом месте.
4) Хотел послать «Кристабель» Кольриджа, да не знаю, как пишется по английски и очень трудно в словаре найти. (Узнаю, передам).

Я вам очень благодарен за все замечания. У вас выходит непосредственно «Наитием», и всегда очень метко. А мне другой раз достаточно полслова.

Стефанита и Ихнилата кончил. Медвежьи две сцены: заковывает, потом расковывает сделал не в тексте, а дал его слова «Хору».

Исаака Вениаминовича поздравляю с счастливым днем вашего рождения.

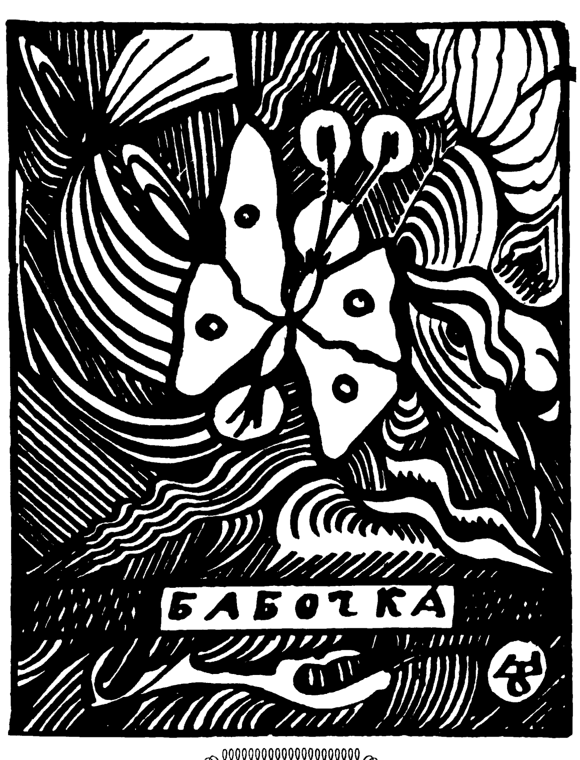
Алексей Ремизов

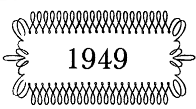
Все, что я видел в жизни – в среде человеческой – меня царапало. Но и в аду, куда бросила меня судьба, моим глазам отрылся свет человеческий. В моей книге о Николе угоднике – в ней собрана вся доброта, какие увидели мои глаза, или чего я пожелал в жизни.

Мир человеческий. Сюда относятся «Крестовые сестры», Плачужная Канава». Со щемящей болью смотрю я на человеческий мир. Беда жизни. Мое с детства: хочу быть последним, готов принять всю муку бед. Об этом в «Подстриженных глазах».

Я не знаю за собой злобы и никогда не мог понять когда говорят: злой. Я никак не мог бы влезть в шкуру злого. Злоба – костяк, не согнешь, не проломишь. На доброе есть определение – улыбка.

Надо верить человеку, а не слуху о человеке.





22 I 1949

Птичка моя Перелётная
Голосунья

«Диалог задавленного человека» не выходит из памяти. Жаль, стерли, не повторишь.

Человек не имеет права ходить среди людей. Ну, сами посудите, как можно занимать квартиру, а не ютится где-нибудь под мостом, с теми моими дохо-

дами, какие чудесным образом получил я за прошлый год. (Издание легенд по голландски.)

В голосе звучало и все мое прошлое. И желание оправдаться, что вот торчу еще на белом свете.

Мне было жутко слушать.

А какой у вас наполненный чистым звуком весенний голос.

Чб. не забыть: не разрывайте конструкцию рассказа, надо выделять важные действия, ставя под звездочки.

А. Ремизов

9 II 1949

Птичка моя певунья
Наталья Владимировна,

Мучаюсь над «Учителем музыки». Все это автобиография, как и «Les yeux tondus». Книга, д.б., очень скучная, только для меня подымаются мелочи жизни. И для этого-то надо было занимать место на земле? Из последних глаз поправляю свои ошибки. И какая-то черная боль (Ихнелата) вскипает. Будет всего один экземпляр. Пока все «Идиллия», но конец – «Письмо Достоевскому» полное отчаяния (написано в 1933 году) весной на Пасху.

В «Учителе музыки» я делаю всякие опыты со словом. (Все это возможно, только владея языком.) Я хочу непременно показать вам. Например: постройте фразу «одним духом» без остановки – 1/2 страницы без точки. Одно меня пугает: моя мелочная автобиография скучная вещь. Жду вас обоих.

А. Ремизов


1940

10 II 1949

Птичка моя, певунья
Наталья Владимировна,

Какое было бы счастье, если бы поднявшись, вы приехали и я проверил бы Оглавление к Сказкам.

Звери, когда жили с людьми, именовались по-другому. Напр. олень – «сохатый». А волк (взгляните у Даля) – «зверь»? Свинья – «вепрь».

Все сижу над «Учителем музыки», проверил сто страниц. Трудно это будет сделать, п.ч. скучно. Но как бы я хотел, чтобы Вы прочитали эту «Идиллию». В ней только раз прорывается Ихнелат, а все Стефанит. Это мечта о радости жизни из кипучей горечи жизни. Моя автобиография. Пока не подыметесь, Н.Г. будет мне сообщать о Вас.

За папиросы, за цветок, спасибо.В бутылку поставлю. А как мне хочется выпить.

А. Ремизов

11 II 1949

Дорогая моя кисуня-мяуня, птичка певчая
Наталья Владимировна!

Загадал на вас на Рафлях. Слушайте:

Вручено тебе, человече, и поля твоя насытят тя туня, и дом твой разбогатеет, красная пустыня жилò будет и раздолии холми препояшутся, и удолья умножат пшеницею, воззовут и воспоют. Тако и ты, человече, что еси думал и гадал, все тебе с радостью совершится, только молись Богу; добро в деле твоем будет, и от болезни востанешь.

3 – 2 – 1

«Ихнелата» отдаю в переписку. Подгрудный и шибалицу зачеркнул «Подгрудный» – чревной, я употребляю в Соломонии. А другое, что вам на ухо «не хорошо», исправлю в переписанном. Вчера Н.Г. в восторге от вашей «Деревянной палки» рассказывала мне о вас. Меня всегда радует, когда я слышу и чувствую понимание вашего особенного дара. Жду с нетерпением – вы привезете последнее для проверки и вместе сделаем оглавление.

И – в набор. Мой счастливейший день!

Жду вас обоих. Захватите латинскую книгу показать Эмиру – Никитину для определения.

А. Ремизов

17 II 1949

Моя пытунья певчая птичка,
Наталья Владимировна!

«Пытунья» – от «допытываться», а не «отбрыкиваться». Посмотрите в словаре, откуда происходит слово «ругать» (я знаю «руга» – вознаграждение, но как из «руги» получилось «порицать»?)

Я в литературе никого не ругаю. Я не читатель, который пробегает строчки глазами. А у меня и глаз, и губы, и ухо: переговаривая, слушаю, следя. А кроме того «перспектива» – память кто и как выражался до нас. Для большинства «слово» только знак – в воздухе, на воде, на песке – можно стереть и сдунуть. Для меня – живое. Таким я родился. Словом меня можно поднять, но и убить.

Надо посмотреть в словарь «сморщенный?» Какие даны примеры? Для сравнения надо брать самое отдаленное, а, стало быть, и неожиданное, но возможное, п.ч. все в мире связано.

А. Ремизов

3 III 1949

Моя озябшая певунья
Наталья Владимировна,

Не могу много писать Вам – Нина Григорьевна торопит. Жду Вас. Как Вы не понимаете, что на каждую Вашу сказку я, как на цветок, гляжу. И все спрашиваю себя: за что мне послан такой дар – своего у меня ничего не осталось, пустое место. Как вы всегда меня оживляете вашим нарядным словом. Почему-то не могу остановиться, все во мне поет.

А. Ремизов

24 III 1949

Птичка моя певунья
Наталья Владимировна!

На Вашу цензуру. Вечером вчера подумал и написал: я искренно желаю счастье Д.М. Если понятно выражено у меня, прочтите ему – вы знаете и мой голос, и мою интонацию – и передайте.

Весь день за Грудцыным. Пишу конец, самое чудо. Думал передать вам в руки, прочитав. Не дождался.

А какая весна, смотрю через стекло: блестит и сияет. Открыто окно «и в комнату шум ворвался».

А. Ремизов

27 марта 1949

Птичка моя певунья
Наталья Владимировна

Вот вам грамота, теперь вы и цензор, и князь обезьяний. Царь обезьяний Асыка собственнохвостно подписал грамоту 25 марта, когда выпускали птичку.

Против Асыки не пойдешь, передаю грамоту. А я хотел дать ее вам в день, когда отдадите в набор вашу книгу Сказок – осталась бы память о рождении ваших сказок. Но я боюсь, что всякие случайности отодвинут этот день в безконечность.

А. Ремизов

19 IV 1949

Моя птичка залетная
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Всегда думаю о вас... Да и как же иначе: вы мне самые близкие. И если бы вы навсегда уехали, подумалось – мир для меня опустел бы. Пользуйтесь теплом, отдыхайте. Вернетесь – и за работу. В день вашего отъезда кончил 3-ью редакцию «Грудцына». На четвертую нет тетрадей (надо 2 в 60 стр. – размер рукописи). Писать на здешних – расплывается. И решил для отдыха: подберу рассказы для моей посмертной книги Шурум-Бурум. Так неделя и прошла. И опять я не сплю: и во сне, как днем исправляя.

Никого, все уехали отдыхать. Молчание и непрерывность. В литературе, как на рояли. А молчание собирает мысли.

Никитин приходил читать «Римские деяния». За чтением рисую «конструкции». Солнце благодать, но слепит и надо очень крепкий рисунок, чтобы разобрать.

...Вышла моя голландская книжка «Легенды о Николе». Это та книга, за к-ую прошлым летом я получил 150 гульденов – 11.000. Циммерман возил в Банк. Авторских 2 экз. Один пойдет в ваш архив, другой оставлю себе показывать(хвастаться) Бахракам. Книга богатая. Но мое имя, как можно, смято, даже вместо обычно Alexeï или Alexis одно «А». Меня предупреждал переводчик: в Голландии русских не любят и русских книг не покупают. И надо было образ Николы посадить на обложку – камуфляж.

Это письмо передает Ева-Хава (нашу праматерь Еву переводят «жизнь», а на самом деле «Хава» – «змея» ; когда я это узнал, я подумал: искушение змея яблоками не было загадкой нашей Библии: свой своего угостил, не больше).

Окно открыто весь день, но на волю не выхожу: незачем.

А. Ремизов

20 IV 1949

Моя залетная птичка
Наталья Владимировна

Все прислушиваюсь: постучите. А два звонка: Исаак Вениаминович. И мы поедем в лес встречать весну. Продержится ли весна: вы вернетесь через две недели (4-го V), цветы отцветут, а листья запылятся и желтая трава совьется с каменной хряпающей дорогой: лето наступило.

Окно закрыто. Холодно. И снова шкурка на мне. Туман. Едва разбирал рукопись и путался в машинных

строчках. Я все еще на Шурум-буруме. Как мне вчера хотелось с Евой послать вам что-нибудь такое взглянуть или подержать. Делаю второй альбом ваших рисунков, у меня их три. Готовлю к приезду «О Авраме» (немецкие граматики непременно скажут «Об Авраме»).

Рожанковскому тогда еще написал благодарность.

Сегодня приходила Елизавета Христофоровна Кузнецова, родственница Галины Кузнецовой, ее двоюродная сестра. Она прочитала объявление в газетах о моем «Пляшущем демоне». У нее две дочери. Она пришла сговориться, *сколько я беру за урок танцев*? Ее дети очень способные, особенно старшая: Тутуся (это, должно быть, Антонина). Я ей дал адрес Лифаря. За Кузнецовой Ядвига Владиславовна Прескель, никакого отношения к Прегель. Принесла переписанные на машинке Басни.

Я ей сказал что она пишет не по русски. Она не обиделась, а очень удивилась. И я услышал знакомое вам, о André Gide, его отзыв о Прусте, что пишет не по французски, а между тем, Пруст-имя! О Толстом и Достоевском, о их ошибках и опять имя.

«Вы сами *баснописец* (fabeldichter), сказала она, Вы не можете не знать, все дело в том, чтобы подняться на второй этаж».

«На пятый, сказал я, по русски надо на пятый». И вдруг вспомнил, там живет Верховая Бабка, для которой эти басни, как Крылова, и Ядвига права. *Признание* Верховой, а стало быть по русски или по польски написано, не важно; важно признание.

Прощаясь, я сказал, что я только в Берлине числился в «Баснописцах», а в Париже я «учитель танцев». Она забрала рукопись, больше не придет. Я ей дал адрес Бахрака.

Неужто возвращается зима? Но вам тепло. И 15 дней горите на солнце.

Надо посмотреть у Даля откуда *«Лодарь»,* у Ушакова нет, Никитин знает, что не арабское и не турецкое.

А. Ремизов

21 IV 1949

Моя залетная птичка и перелетная
Наталья Владимировна!

За «Шурум-Бурум» подумал, что в этом имени стесняет? И вспомнил, как в Чернигове барышня «хорошего тону» вместо хвост говорила «фост». Я спросил почему «фост»? Она опустила глаза и ничего не ответила. А потом С.П. мне объяснила, что эта барышня сказать «хвост» считает неприлично. И «Шурум-бурум» под которым рассказы, для журнала с «фостами» прозвучит «хвостом».

В необычно поздний час пришла С.Ю. с яблоками, финиками и папиросами. Я навалился на яблоки без отдышки. А С.Ю. поил крепчайшим кофием. (Я никогда цикория, это от сверхкрепости он черный с горчинкой).

Рассказывала о Вас, как любит вас. И о Вашей книге. Как вернетесь, не откладывая, отдать в набор: она все сделает, во всем поможет. Одного она боится: едет в Париж Наумыч и с ним Ясен. Ясен не помешает, а Наумыч может затормозить на недели.

Тем, что она готова все сделать для Вас, расположила меня и я ей рассказывал о содержании «Шурум-Бурума» и когда соберутся все рассказы, я ей покажу: пусть берет на выбор, не поминая, что все они из «Шурум-Бурума».

Чтобы не упускать «Каракатицу», я ей отдаю свою мелочь! Но она тоже отдыхала. Вам кланяется и благодарит за память и внимание.

Обещал зайти Пантелеймонов, но «в последнюю минуту» уехал в Швейцарию отдыхать.

Взял я сегодня «Люди звезды». В прошлом году я вам показывал и вы мне сказали: «Будет!» И я начал снова: не могу успокоиться на вашем справедливом «будет, довольно». Хочу вам послать новую редакцию: основа народное поверье – «глядя на звезды, не надо показывать руками, считать, указывая». Может быть вы из этого что-нибудь сделаете. Это будет вам упражнение на отдыхе, лежа на солнце. Я перепишу и пошлю Вам.

Вернулось солнце и к вечеру тепло. При раскрытом окне мне слышно в разговор пересвистывает какая-то птичка. Сны мои вспышкой, разорвал и не склеить 1000 frs а вы ничего не зная, говорите, надо приберечь. Я молчу и д.б. глазами в сторону.

С.Ю. разрешила мне трудную задачу, как поступать. Если бы Вы тут были и Исаак Вениаминович разрешилось бы без С.Ю. Литературное дело, бабья истерика, а от меня требуют подпись под письмом в редакцию. Конечно, обидели человека, но можно ли отвечать таким, как Буров и Буровы.

А. Ремизов

22 IV 1949

Моя птичка залетная и перелетная
Наталья Владимировна!

Знаю как чиста ваша душа, оттого и глаз зорок к слову, цветам мысли. Не хочется мне бросать эти «Звезды», взгляните! И еще думаю: надо, поступая,

думать о другом или закоренеешь. Сейчас у меня задача, которую я должен разрешить, это не для себя.

Сколько бывает беды от глупости (пример: Мамченко и его с Лирой) не злой, а благожелательной, честной без лукавинки; еще беду взбедывает «наплевать»: «я хочу оправдаться и плевать мне на другого, через которого я оправдаюсь!» А тот другой непременно попадет в вину, но «я об этом не думаю».

С Бердяевской историей вчера разрешил: написать письмо сестре жены Бердяевой, она единственная оставшаяся в семье Бердяева, я понимаю ее огорчения.

Статью в *Возрождении № 2* непристойную о Бердяеве написал Менщиков под каким-то псевдонимом.

Этот Менщиков, сын известного журналиста из Нов. Врем. С отцом не был знаком, а сына встречал: веселый сумасшедший, словесное недержание, много знает, но все в каше слов и, как у всех неудачников мания величия.

Буров не сумасшедший, а Менщиков больной. На его ругань отклика не должно быть «с медицинской точки зрения», ни словестного ни плюнуть. Я бы ему дал валериановых конфет, и теплую ванну.

Поздно вечером в 10-ь после 12" Евангелий Бахрак: корректуру моей библиографии для книги. Лифари в Биарице отдыхают. Была у него Ядвига. Она написала около 1000 басен. В разговоре ссылалась на меня, что я сказал «вы правы» но ее «дело не в том, как писать, а все дело подняться на 5-ый этаж, получить признание, а от кого, не важно, лишь бы признание». Бахрак послал ее к Гингеру: пусть рассудит ее ремесло.

Опять с утра зима.

Переписываю для Исаака Вениаминовича «Повесть о Аврааме».

В «Шурум-Буруме» 33 рассказа. Самый большой «Эрмитажная редкость» 40 машинных страниц взял

Бахрах переписать: ему очень любопытно, в рассказе петербургский литературный быт, а время у него много, вся редакция на отдыхе разъехалась по «городам и весям», остались одни писчие шкварки (откуда это слово, у Ушакова нет.) (шкварки без каши).

А. Ремизов

23 IV 1949

Птичка моя подсолнушная
Наталья Владимировна!

Холодно мне невыносимо, а зажечь радиатор зазорно. Терплю, как дурак, потому что не знаю, зачем.

После Плащеницы (Великая Пятница) зашел Solier, принес мне русский оригинал «Les yeux tondus». А был он у Зяблика: 2 недели отдыхал, ничего не делал. И я подумал «вот культура, а не мое московское дикобразие «успеется». И еще неделю он отдыхал у Bisiaux. Обещал все для меня узнать и поговорить у Gallimard-a о авансе за «Les yeux tondus».

За Solier Солдат. Два месяца не приходила. Устроился на новом месте. А приходил он черный хлеб принес и сговориться окна мыть: у нее есть губка, мазнешь и заблестит стекло, в туман и ясный день не надо щуриться.

Опять поднялся в 7. Ничего страшного не видел, а проснулся от страха, со мной такое очень редко.

Текст «Авраама» переписал с картинками. Осталось: разграфить цветную обложку конструкцию. Будет готово к вашему возвращению.

Никитин читал из «Римских деяний». Пока ничего не тронуло (я использовал когда-то «Аполлона Тир-

ского» и « царя Аггея« из этих деяний). Бахрак принес переписанную «Эрмитажную редкость» – безнадежно, напечатать нигде нельзя; я этот рассказ включил в Шурум-Бурум.

Лира у матери. Н.Г. купила мне мяса, я поставил в «кокот» жарить. Все пойдут в церковь, а французы всё еще отдыхают, никого. Во вторник свадьба.

Лягу спокойно: мне всегда хочется что-нибудь для Вас и Исаака Вениаминовича сделать; боялся, не исполню текст, обложка проще, могу под чтение.

Как вернетесь, давайте все на книгу. И С.Ю. успокоится.

А. Ремизов

24 IV 1949

Птичка певунья-веснянка
Наталья Владимировна!

Сегодня первый день русской Пасхи. Заметил мой сон: видел себя – на мне все из серебра. Верно, это плохо. В сонниках серебро толкуется как слезы, огорчение. День прошел суетно: с утра звонки, первый Никитин – идет к пасхальной обедне. Часа два только и занимался. Тягостно, когда скучные. Пытался рисовать. Одна была удача: объяснил, что значит думать о другом. И бывает так, что не по злому сердцу, а просто не умеет человек думать. Легкомыслие идет от недуманья.

Мамченко принес для вас раскрашенное яйцо, сберегу. Принес и Чижов, а как вытаскивать стал, и кокнул, и весь его рисунок раздрапался.

Весь день окно открыто. А к вечеру гроза, не майская, и подуло. Закрыл. Понемногу возвращаются: сегодня

Верховая из Биарица: видела дважды Лифаря, театр битком. Забрала Ушакова, обещала вернуть, а мне как раз хотелось посмотреть точное определение «Шурум-бурум».

А как хорошо теперь на поле! Никогда я не видел «Чистое поле», а вот где-то «Сердцем» вспоминаю.

А. Ремизов

26 IV 1949

Моя лучевая весенняя птичка
Наталья Владимировна!

...А из какой кромешной тьмы у меня Грудцын и вообще все мое последнее. Если бы не ваши сказки, я обуглился бы, я со стороны смотрю, как в пропасть. Ваши сказки и были для меня единственный свет и цвет, цветы и солнце. И вчерашние прощальные слова С.Ю. – ее о Вашем, о Сказках, и как она хочет и все сделает, меня оживили.

Нехорошие сны мне снятся. Вот и сегодня, с каким трудом я достал у итальянца похожее на коврижку, ломоть положил в кастрюлю, поставил на спиртовку, вышел в другую комнату. Комната пустая, скучная, ни стола и без книг, обои ободраны, не засидишься, и я вернулся. В кастрюле вода выкипела, грязная, и спирт весь. И такое чувство: «нечем жить».

Я думаю, эти сны – хвосты от «Грудцына». И пройдут. После «Соломонии» я захворал: мне ночью слышался свист, кто-то меня вызывал в ночь. И теперь, вы заметили перед отъездом: на мне глубокая тень. Но надо еще раз переписать, и будет тепло (сейчас зажег радиатор). Ведь скоро май.

Подготовил бумагу для конструкции на переплете к Вашим рисункам № 2. Помешал Иван Павлыч, а пришел он, как приходил всегда на Пасху. Говорил мало, смотрел мои альбомы. Надо переснять Пушкинский, не весь, а сны – рисунки. Его возьмут на Пушкинскую выставку. А когда вернут, вы уедете отдыхать на лето. И заберет его Лифарь. Или не надо.

А. Ремизов

29 IV 1949

Моя птичка с теплого моря
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Видите, что стало с нашим солнцем – шапка на бекрень и пошел гулять в теплые страны.* А нам оставил дождик и для зябликов радиатор (Сегодня прошел электрический контролер: у меня 36 к. – на 600 frs только) и я затопил. Одевайтесь теплее и Ева о проматери пусть забудет – у нас совсем не рай, а как в первые дни грехопадения.

Вчера к ночи зашел Лифарь, закутан по зимнему. Вернулись оба с «отдыха» и не узнать было Парижа, думали, не туда попали. И только проверив билеты, поняли. А ведь оба непьющие.

Книга поступит в продажу 15 мая (С подстриженными глазами). Не хватило бумаги и сократили тираж. 75 экз. по 750 frs (Arches) 400 экз. – по 400 frs. Мне сулиили 50 экз. для раздачи, боюсь, больше 30 не

* Приложена вырезка из газеты – фотография затмения солнца – накануне.

дадут; как я ни объяснял, что книга единственное, что могу подарить. В «Русской Мысли» (газета) объявление поместили не на книжной странице, а с ресторанами и я очутился над «Партизанской бородой» и «Катюшей». Это объясняется тем, что мое имя исключенного из Союза писателей не может быть среди «писателей», а с грамофонами и расторанами пожалуйста, 1000 frs в углу на первом месте.

Утром натирал пол под съедобным столом. Я заметил, очень действует на голос и оставил углы до завтра.

Переписываю Грудцына. Но придется еще раз в тетрадь. Мне хочется, чтобы вы вашим взглядом прошлись – верю в его зоркость к моему. К вашему приезду всего не успею. Но, конечно, прежде всего надо ваше.

Загадка вам на дорогу: 652: хорошо, только веруйте, все будет по желанию.

«А недруга не бойся, он тебе боится».

А. Ремизов

4 VII 1949

Наталье Владимировне
Кодрянской

Эти две конструкции я делал по вашим весенним письмам с юга.

Я перевел ваши слова о цветах и солнце на мои краски.

У меня, у слепого и ободранного, ненасытная жажда красок. Краски для меня звучат.

Если бы я был музыкантом, я по краскам передал бы их мелодию.

Но я не музыкант и они поют во мне.

Алексей Ремизов

1 VIII 1949

Дорогой мой светлячок-гуслик
Наталья Владимировна!

Начинаю мой затвор молчальника. Какое свежее утро. По всем мысленным дорогам тихо взвихряет. Мои зори на этой глубине – глаза к природе душевных гор и лугов. Так пойдет моя жизнь на многие дни. Что-то будет: по прошлогоднему внешне суровость или размягчусь, успокоют ли меня разговоры с самим собой или ожесточат?

Я понял: злого во мне нет, но у меня есть обида. Обида не обидчивость (не предвзятость). Обида подстилка моей счастливой жизни; то, что называется «горькое счастье». Это чувство проходит через все «Подстриженные глаза». Обида не от людей – никто не виноват – меня никто не обижал, но, в моей судьбе, люди только механически выражали ее движение. У меня нет и злой зависти.

Эти разсуждения мои к моему «познай самого себя» – надпись в Дельфийском оракуле (храме). Есть привычка расценивать поступки человека по общей мерке, не задумываясь. Меня это особенно огорчает и я стараюсь к каждому подойти – мера его по его мере.

Не могу отойти от исправления «Les yeux tondus» и продолжаю во сне. В субботу возили к доктору и я взбудоражился: склероз и помутнение, безнадежно. Если бы можно было на лбу себе написать, чтобы не вызывать раздражение у самого благожелательного неверными движениями (вспоминаю как выйдя от Муфтия, тыкался в чужой автомобиль). Но если у меня отнять письмо и чтение, не могу я только наводить порядок в комнате!

Продолжаю самопознание: для себя я ничего не требую и никогда, но к себе, как и к другим, требователен.

Выхожу один я на дорогу

Такую записку выставлю на дверях от 6 до 1/2 7. Письма буду опускать на Молиторе, не переходя улицу.

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

3 VIII 1949

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна

Вчера, после дождя, вышел – и обходя, и попадая в лужи, четверть часа путлял по пустынной дороге. (Для вашей медведихи слово: путлять). Для самопознания – моя жадность. Чтобы успокоить глаза, решил читать, а как набросился на книгу, остановиться не могу: все бы зараз! Так, должно быть, и во всем. С прохладцем не могу.

Сегодня буду отделывать татарское. Свежо по осеннему, окно закрыл. А во сне снились мои конструкции и загон, забитый вещами, и рояль, и очутился на поле.

Продолжаю мое дельфийское: подозрительность, что тоже недоверие, и это при моей безграничной вере в человека, в его слово и прямоту. Источник мое шестое чувство: из самосохранения я стараюсь его не слушать, глушу. Люблю неподъемные тяжести, большие пространства, а судьбой (моя слепота) могу только в маленькой комнате чувствовать себя собой, и на пустяках робею: не выйдет, не исполню. Затеи великана, а силы карлика. Это итог: что я сделал? Взблеск мысли для меня чувствительнее природы, но природа, ведь, это краски, а без красок я не могу жить.



Человек не потемки, а неразбериха.

В искусстве точные определения, а в житейском все будет не то, но как же иначе выразиться, как только подгоняя под принятое и окостенело-понятное.

В России кошачий мех называется печелазовый (кошка лазает на печку), а собачий, стало быть лайалый. А это из XIII в. От «который» – которовать, котораться (браниться). Котòра – брань. Словом можно околдовать (с глуби) и оволховать (сверху).

А. Ремизов

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

4 VIII 1949

Дорогой мой святлячок гуслик
Наталья Владимировна,

И опять я скукòжился: две шкурки. Вчера, после дождя, все-таки вышел в вихрь. Еще нашел пустынную дорогу по пàлому листу: осень. Не могу остановиться – читаю. Ну, на следующей неделе возьмусь за уборку.

Отделывая «Золотое слово». Смотрю Пантелеймонова, его о Устьсысольске, который я хорошо знаю, мне скучно читать. Полет лебедей я знаю: трубят; где-то я написал, не помню. Меня поразил в лесу на Печоре цветной ковровый мох, и эта бархатная глубь его не тронула.

От слов узнал о овсах: сорта (золотой дождь, белая заря). По народной кличке Наталья – «Овсяница» (луговая), и есть птичка овсянка – перелетная, светло-рыжеватая из вьюрковых («вьюрк», вьюрок).

Вчера от резкой перемены остановились часы, так я и не знаю, когда лег. От всяких капель чувствую глаза и во сне изводящее, и надоедливое: хочу по-

править у себя, читаю и как будто выходит по другому, но, успокоившись, вдруг вижу: не то.

С жадностью что-то узнать, чего еще не знаешь, идет упорство, «несмотря ни на что». И тут никакой мудрости: не могу остановиться. Никогда не мог себе представить, что такое «лень» и никогда не сидел «без дела». Даже в тюрьме. А теперь я спрашиваю себя: что же из всего этого вышло? – во всяком случае, пирамиду не построил, ни семигранной, ни пятигранной (гробницу фараонов).

Ваша открытка от 3-VIII шла день, а мои письма до Шенкмана дойдут в два. Горы дадут вам тишину, впереди работа – ваша книга.

А. Ремизов

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу и благодарю за память.

6 VIII 1949

Дорогой мой святлячок гуслик
Наталья Владимировна,

Ковер с лестницы взяли в чистку, а не топают, значит и последние караульщики Парижа уехали. И вечерами не гудит лифт и TSF молчит – простор для снов. В эту ночь я много потрудился: на дороге два пласта, четырехугольные, нарезаны, как дёрн, сырая тяжелая земля. И я поднял и перенес, осталось подравнять, очень спешил. По дороге, слышу едут, различаю два огромных – железные – лица суровые. И я ладонями загребаю испод этих пластов, ровняя – неподхватно, вода.

В третий раз переписал Алтына. В нем совсем наивно, а так – не сказка, а притча. Так и не получил книгу с «Мелюзиной»: наверно, библиотека закрыта.

Эта неделя: как было, ничего не убрал, все разбросано. У меня все есть: чай от Klancara (Portland), кофе от Н.С. Каспе (Мексика). И попрежнему «выхожу один я на дорогу». И ваш цветок цветет (поливаю).

В поздний час зашел Сувчинский прощаться: едет в Швейцарию, потом на юг, сулил прислать мне розового винограду в листьях (лапчатых). Слушал я его замечания о «Тональности» и думал, как это бывает в слове – в фразе, не для инструмента. В музыке тональность минорная или мажорная, гамма – основа произведения. Переход из одной тональности в другую – модуляция. Я думаю, в запеве тон, в первых словах. В самом «жили-были». Об этом не думают. Наша проза смысловая, не музыкальная. А мысли – общие места. Но это ничего не значит, всякая работа над словом на пользу русской речи.

Понемногу читаю книгу: опечатки! Со страхом слежу: вместо «кого» – «что». Но это неизбежно, а заметно только автору. Все думаю, как вы будете огорчаться над вашей книгой. Конечно, без моего глаза, пусть Гингер, но надо и самому, так должно быть?

А. Ремизов

7 VIII 1949

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна!

Как иногда слово вдруг осветит. Я понял, что словесно у нас общая тональность. Тут говорить о подражании никак невозможно. Вот Стекольщик

(Пантелеймонов) усвоил лад, но в какой тональности общей со мной! Вы как-то заметили о какой-то притче: «надо суше», а это и значит, перевести на другую тональность.

Как тут далеки от искусства: можно ли говорить с «Летучей мышью»? – просто ничего не поймет и скажет, как в России простые люди на книжный разговор: «вы говорите по-татарски».

В который раз я замечаю: когда я иду, кто-то меня нагоняет справа. Я обернусь – никого. И опять. Я чувствую, как торопится, запыхался. Но я не остановлюсь и только жду, окликнет. Это бывает, когда на улице – я один. На Rue d'Auteuil никогда ничего, там я иду робко, с опаской.

Ваше письмо от 5-го.

Всякий день пишу вам и сам опускаю. Это 7-ое, как видите, и число сегодня 7-ое. До Швейцарии дошло бы быстрее, непосредственно. Проверяйте мои №-а. И который не дойдет известите. Трудно изобразить мой сон. Я говорю себе, во сне, что сумею, а вот не выговаривается, и не изобразимо: глубина. Я как бы со стороны, а чувствую за другого. Этот сон из глубокой тишины: под воскресенье. Окно открыто, а ничего не слышно.

Эту неделю – на уборку. Н.Г. я не писал, а Солдат рассказывал что она довольна, в отдельной комнате. В этом доме живет Даша (Теффи). Обедают вместе. Я бы и дня не вынес.

А. Ремизов

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

8 VIII 1949

Дорогой мой гуслик светлячок
Наталья Владимировна,

Продолжаю самопознание дельфийского Оракула. Вы одаренная Божьим даром, не все поймете. Все, что достиг я, все взял трудом и упорством. И оттого моя требовательность к себе. Попробовал «пройтись по хозяйству», а вечером застыдился: что я за день сделал? Передвинул комод и в ящиках рвань отложил в сторону и переписал один сон, и это все.? Письмо опустил, перейдя улицу, никакого движения, так, попадаются какие-то праздные – воскресенье [...]

Весь мой труд и упорство из любопытства: не хочу дураком есть и пить и спать, и началось безсознательно, а потом пошла работа. Но одного значения мало человеку, есть в душе вызов создать свой мир и представить этот мир словом. Без любви к самому слову ничего не выйдет, новая работа.

Мне снилось, я должен на какой-то срок окаменеть. И я вижу, как у моих ног вплотную подымается кирпичная красная стена: кирпичи политы известью. И мои руки окирпичены. Я покорно стою, только я не такой, как я, а как я себя представляю, а, вернее, чувствую за чтением или защищая что-то: голова под потолок, а руки до стен. Сегодня, верно, без прогулки. В тумане, дождь (по русски говорили: дожь, надежа, рожество, хожение, «д» с XIV века (сербский подарок). И глазам спокойно.

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

9 VIII 1949

Дорогой мой гуслик светлячок
Наталья Владимировна,

Потом было пасмурно и я радовался закутке: и тихо, и никаких дразнящих лучей. Только успел опустить письмо, дождик и скользит тротуар. Все-таки 8 дней гулял. Окно закрыто. Читаю о бесах Иоанна Лествичника. Не живут его бесы, только одни слова. Решил кончить о Устьсысольске. Ученическое сочинение, хорошо описывает природу, но из этих описаний можно бы сделать что-то, все остальное   жалко глаз. А я уверен, он думает: как легко и просто написано. А ведь простота достигается точностью и в слове и в миге мысли.

Переписал еще один сон, разбираю бумагу, а до вещей не касаюсь. Жалко времени.

Я никогда не забываю, что бы я без вас с Исааком Вениаминовичем делал. Деньги я берегу на «вдруг» (вдруг явится консьержка: «вперед за отопление»). И у меня все есть: и чай, и сахар, и кофий.

Странный сон (вы думаете я сочиняю!) из моего материала мне сделают пряник. В России славились: вяземские, тульские и ржевские – мне показали форму, будет ржевский. И все это происходит здесь, на Лионском вокзале. Платформа забита отъезжающими, сундуками, корзинками. А из-под вагона Гришин: «дать ему сделать копию». И я с пустыми руками выхожу на дорогу – зеленая и конца не видно.

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

НѢТЪ МИЛЫИ ЕСТЬ ТРАВЫ ТОЖЕ РѢДКІЯ ПЕРВАЯ ТЕПЕРЬ ТРАВА ЕСТЬ НАЅЫВАЕТСЯ КОПТЫРЬ
ТРАВА РОСТЕТЪ ОНА КОРЕШКОМЪ ВВЕРХЪ И ЦВѢТЫ У НЕЯ ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ ЦВѢТУТЪ
А ПОЛИСАДА ТРАВА И СОВСѢМЪ БЕЗЪ КОРНЯ ЕСТЬ ВСЯКІЯ ТРАВЫ НАПРИМѢРЪ
КТО ХОРОШО ЗНАЕТСЯ НАХОДЯТЪ ЛЕПЕСТАНЪ ТРАВУ ТАКАЯ МОКРАЯ ТРАВА
ЧТО ТЫ ЕЕ БОЛЬШЕ СУШИШЬ ТО ОНА БОЛЬШЕ МОКНЕТЪ ЕСТЬ ВСЯКІЯ ТРАВЫ НА
СВѢТѢ ЕСТЬ И ВЪ ТРАВАХЪ·ТО СВОЯ РАЅНИЦА ИНАЯ ТРАВА БОЛЬШЕ СТОИТЪ У ГОС
ПОДА А ДРУГАЯ МЕНЬШЕ ИНАЯ ОДНО ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТЪ БОГА ИМѢЕТЪ А ИНАЯ
И ДВА И ТРИ И НѢСКОЛЬКО ЕСТЬ ВОТЪ ТРАВА ТАКЪ НАЅЫВАЕТСЯ АДАМОВА ГО
ЛОВА РАСТЕТЪ ОНА ВОЗЛѢ СИЛЬНЫХЪ РАЗМЕДНЫХЪ ГОЛОТЪ КУСТИКАМИ ПО ПЯТИ
И ПО ДЕВЯТИ ЛИСТОВЪ РАСТЕТЪ ОНА ВЪ ЧЕТЫРЕ ВЕРШКА ВОТЪ ЭСТАКЕНЬКАЯ
БУДЕТЪ ЦВѢТЪ У ЭТОЙ ТРАВЫ АЛЫИ И АЛЫИ ВЪ РОДѢ ДАЖЕ КАКЪ СИНІИ И КОГДА ОНА
РАСЦВѢТЕТЪ СТРАСТЬ ТУТЪ КАКЪ ХОРОША БЫВАЕТЪ И ЭТУЮ ТРАВУ РВУТЪ СО КРЕ
СТОМЪ ГОВОРЯ ОТЧУ И ПОМИЛУИ МЯ БОЖЕ ИЛИ ЖЕ КАКИХЪ ДРУГИХЪ ТРИДЦАТЬ
МОЛИТВЪ СВЯТЫХЪ ЭТОИ·ТО ВОТЪ ТРАВОИ ЧТО МОЖНО СДѢЛАТЬ НА СВѢТѢ
ВСЕ ЕЮ МОЖНО СДѢЛАТЬ ЭТОИ ТРАВОИ ПОЛЬЗУЮТЪ ИСПОРЧЕННАГО ЧЕЛОВѢКА ИЛИ
У КОГО НѢТЪ ПЛОДУ ДѢТЯМЪ ТО ДАТЬ ТОИ ЖЕНЩИНѢ ПИТЬ СЕИЧАСЪ ОТЪ ЭТОГО БУДЕТ
ПЛОДЪ ЕСЛИ ЖЪ ОПЯТЬ КТО ХОЧЕТЪ ВИДѢТЬ ДЬЯВОЛА ТО ПУСТЬ ВОЗЬМЕТЪ ОНЪ КОРЕНЬ
ЭТОИ ТРАВЫ И ПОЛОЖИТЪ ЕГО НА 40 ДНЕИ ЗА ПРЕСТОЛЪ А ПОТОМЪ ВОЗЬМЕТЪ УШЬЕТЪ ВЪ
ЛАДАНКУ ДА ПРИ СЕБѢ И НОСИТЪ ТОЛЬКО ЧТОБЪ ВО ВСЯКОИ ЧИСТОТѢ ТО И УВИДИТЪ ОН
ДЬЯВОЛОВЪ ВОЗДУШНЫХЪ И ВОДЯНЫХЪ ИЛИ ОПЯТЬ НА СЛУЧАИ ПРІОСТАНОВЛЕНІЯ МЕЛЬНИ
ЦЫ ТО ВОДА ОСТАНОВИТСЯ ГДѢ ТОЛЬКО ПОЖЕЛАЕШЬ ЭТО ТРАВА БОГАТАЯ ЛЮБИМАЯ У
БОГА ТРАВКА И НАЅЫВАЕТСЯ ЭТА ТРАВКА ВО ВСѢХЪ ТРАВАХЪ ЦАРЬ



ЮСТИНЪ ПОМАДА — Н.С. ЛѢСКОВЪ НЕКУДА 1865 — ЧУДЕСНЫЯ ТРАВЫ — НИКОЛАВНА

10 VIII 1949

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна,

Почему-то мне сегодня особенно грустно. И выходить не тянет. Уткнуться в стол и хоть переписывать. Если бы была музыка, я бы слушал не шевелясь. Перед глазами моя цветная стена, поблекшие мысли, а в окно серая с мертвецкой (моргом) за гаражем. И застывший взлет пепельного неба.

....

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

14 VIII 1949

Дорогай мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна!

Много раз мне снились полеты человеческие, не птичьи и в комнате, под потолком, и из окна или с дерева под облака. Но сегодня в первый раз я превращался в рыбу. Я видел себя, наблюдал с другими, свой быстрый и легкий плав. Это была не тяжелая круглая рыба катакомб, я был похож на остроконечную с египетских пирамид. Необыкновенное чувство простора, воли и влажной воздушности. О таком превращении я читал только в Шехеразаде, там говорилось, что кто-то обернулся рыбой, но о чувстве ничего.

Этот сон будет навсегда мне памятен. Я знаю огонь, это моя стихия, но к воде я никогда не касался, а вода самая глубокая, первоначальное, тело всего, что дышит.

Вот вам из моих путешествий с глазами не на «пейзажи» (сейчас очень принятое слово в России), а на природу человеческой «души».

Приходит прощаться Копытчик. Про моего «Оплешника» стали говорить «Оплёшник», все поверили и волнуются. И во вдохновителя-чародея Солончука, (к сожалению Солончук уезжает в Индию, в Калькуту).

Разговор по обыкновению, как я живу. Мне напомнил весенние расчеты Роговского и обещания. Копытчик без обещаний: он убежден, что «Оплешник» меня будет печатать, а Солончук платить гонорар: 5000 frs в месяц. По его словам Чеквер живет сейчас под глазом Роговского и о издании маленьких книг больше не говорится.

На «Оплешник» я не отозвался (мне было не совсем, когда я вдруг понял всю силу очарования моего «Оплешника») я повторил, и всем говорю, что без Кодрянских было мне не быть на белом свете, и что они делают для меня сверх, т.к. у них свои обязанности и свой долг.

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

Вчера гулял, свежо.

А. Ремизов

17 VIII 1949

Я вдруг слышу иногда целый оркестр. Звуки ломаются, вьются и меня взвивают с такой силой, вот выскочу и улечу. И потом, как мне одиноко и тесно.

А то вдруг я себя чувствую, иду по полю, русское поле, цвет заботной тихости, и говорят тихо, хоть и называются колокольчики. (Я вам достал козий колокольчик).

Я считаю себя вашим вечным должником, в вас та стихия, которой не научить, а которая дается. Я это из под земли книг почуял и иду по вашим дорогам:

гляжу и слушаю. И когда говорят о деньгах («Кодрянские дают!») мне как-то неловко делается, потому что и это поле и эта музыка на деньги не переводима и цены им нет. За три года я научил вас словесному порядку и вы достигли ступени не только «рассмотрения дела», но и «рассуждения», по ученому *инверсии* – переворачиванию, перестановки слов. Но ведь надо было что-то перестанавливать, что выражает что-то.

Прогулка была тяжелая. Необыкновенно яркое солнце. Боялся наткнуться. И оно набрасывалось, пестря и бежало вместе со мной. Я отмахивался глазами, но это не помогало. Я думал, будет гроза, но куда-то все рассеялось и все небо в звездах.

Заходила прощаться А.С. Головина. Она питается бобами и горохом. Говорила о Волчке и о брате, которого не спасли ни бобы, ни горох – истаял. Она много понимает в ремесле, но ничего не пишет. Меня она застала над снами, сокращаю и «выворачиваю», потому так медленно. В пятницу обещают «Милюзину» и документы учиться русскому языку, наброшусь.

Во сне я тоже любовался «пейзажами»: за Мадлэн открыл площадь, а с этой площади средневековый город, и ни одного человека, только камень. И выходит Никитин. (Он вернулся, но покажется только в субботу и тогда я узнаю все татарские слова и еще раз перепишу «Золотое слово»).

Исааку Вениаминовичу кланяюсь.

А. Ремизов

19 VIII 1949

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна,

Продолжаю дельфийское самопознание, которому не вижу конца по противоречию – ну, как в случае с «не требую от человека» – и в то же самое время «всегда требую» по небезразличию к человеку.

Что такое ваше сказочное воображение, которого нельзя требовать от других, но хотелось бы, чтобы было у всех. Конечно, это чувство в вашей природе, прирожденное, как одни родятся с чувством сердечным, другие с неприязнью.

Ни сердечности, ни неприязни нельзя научиться, как невозможно сделаться сказочником. Но есть, кроме этих чувств, не знаю, как назвать, еще – и это не предчувствие, а чтение сквозь книгу, понимание чего-то без всяких данных, если перевести на рисунок: лицо и заличье, лицу не видное.

Это чувство всегда у меня было и никогда не обманывало. Загасить его нельзя, я заволакивал, не говоря себе словами. Я всегда боялся ошибиться. Меня выручало тоже прирожденное мое чувство: вера. Из недавнего и памятного вам – случай с Хавой (Евой). Хочется, чтобы было не так, как исчувствуется. Все это грубо называют интуиция (чутье, проницательность) и 6-ым чувством.

Гулял в шкурках. Вернулся домой, продрог. Окончились теплые дни. Надо вить зимнее гнездо – улетать мне некуда – а все хочется кончить и сложить мои «сны» – 60. Не радуют, потому так медленно переписываю.

С улицы кричит Чижов: «выходи, сшибу!» Я вышел: великан, суровый; не смотрит. И подает мне два пакета с кофием. Я вернулся домой.

Итальянскую открытку получил. Спасибо за ваше заботливое слово и память «на лоне природы».

Больше писать не буду. Улетаю с Бахраком в Лондон. Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

20 VIII 1949
Лондон

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна!

Что сказать вам о Лондоне? Лондон не Париж, идешь по улице и натыкаешься: то пустырь, то развалины. В ресторанах не во все дни можно получить «мясное блюдо», а питаются фасолью и бобами. Я видел, как выходя из ресторана, некоторые подымались на воздух и благополучно достигали своих коттежей, другие же исчезали в облаках лондонского тумана. Не знаю, от прогулок или перемена погоды мне хочется есть, и я, несмотря ни на что, послал Солдата к Суханову за ветчиной. Как бы я хотел, хоть на время, ни о чем не думать. Если бы от моих дум был прок, и что я выдумал за 20-ть дней? «Оплешник»? Его заедят с виноградом и к вашему возвращению не останется никакой памяти, если вы сами не напомните.

И чего я всегда волнуюсь: выйти из дому, опустить письмо, зайти в лавку или, как сегодня, ожидая библиотекаря с Rue de Lille: обещал принести книги, и не пришел. Я просыпаюсь никогда не спокойно и так до ночи, весь день. Сделал сегодня опыт: как дойду до кафэ Мюра? Туда очень было тяжело: солнце слепит, меня держал Емельянов, чтобы не сковырнулся, а назад – на всех парах. А споткнулся у нас, на лестнице, –

сходила с верху консьержка и, чб. не наткнуться, остановилась.

От того и ночью на пароходе и у всех есть, куда приткнуться, а без каюты, брожу от тюка к тюку.

По Декарту: «мыслю = существую». А если «ни о чем не думать», значит ли не быть? Д.б. не сказываемая мысль означает наше не думать. Ведь и «пейзаж» по своему думает, а говорит не по нашему. А вот стена только глядит, но видит ли меня, едва ли.

Окно открыто. Дует ветер. Но я под защитой шкурок.

А. Ремизов

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А не к месту вам мои разсудительные письма, и все-таки продолжаю.

21 VIII 1949

Дорогой мой гуслик-светлячок
Наталья Владимировна,

Мое предсонье – всегда о чем-нибудь думаю, думы переходят в образы, а образы дорога в сновидение. Думал, как судят о человеке. Как Мочульский о Гоголе и Достоевском. Трафареты, шаблоны-штампы, или по-русски, с набитого глаза. И Гоголь, и Достоевский выходят коротенькие. Мочульский доброжелательный, сердечный и очень образованный, но душевно бедный и силы его ограничены, и не «свое», «загадочное» он переводит на общепонятное. Но, бывает, и люди одаренные определяют необычное общим именем, чтобы отмахнуться и успокоиться. Биографии всегда похожи на биографов и оттого человеческий мир кажется таким бедным: весь-то он – на ладони унесешь и щуриться не надо, все отчетливо и ясно.

Проводы Андреевых. Надо было детям что-нибудь прочитать – запомнить голос. «Грудцына» нельзя, из «Подстриженных глаз», переписанное на машинке, глазам не поддается; прочитал начало «Стефанита и Ихнелата» по рукописи. Все-таки о зверях.

Кроме Андреевых, Резникова, Никитин, Емельянов, Н.Г. и Головина. На 9 «персон» бутылка Moët et Chandon, по записке Ис. Вен. Мне не досталось. Переливали его Н.Г. и Емельянов. Шампанское очень хорошее, только после есть захотелось.

Вернулось тепло. Окно раскрыто. Одна шкурка.

Исааку Вениаминовичу кланяюсь. Н.Г. сообщила, что у вас все благополучно и все ждут вас 27-го. И что много моих писем Вам – «читать будет некогда».

А. Ремизов

22 VIII 1949

Дорогой мой одуванчик
Наталья Владимировна!

Есть чувства, их можно передать только танцем. Движения заговорят и выразят своим словом. Какая, значит, буря в живом существе. Я заметил, как слово переходит в песню, а песня в танец. Слияния не может быть, только переходы. Эти переходы, как жгучие царапины, непременно с болью. Горечь душа жизни. Только граненые произведения трогают, плоские бездушны.

Какой любопытный способ разливать шампанское, не проливая и без выпуска пены: Емельянов расставил бокалы – наполнит один, заткнет пальцем и переходит к другому, и в каждом бокале шипит и играет, и ни

на кого не пролил. Конечно, палец у Емельянова рабочий, крепче пробки.

Кончил переписывать сны. (Поло̀дни ночи). Всего 60 снов. 100 страниц тетрадных, 4-е тетради. Соединю с предисловием до после смерти: кто-нибудь найдет на полке. Может быть, придется сделать три копии на машинке. Бедность моя, сегодня на прогулке думал, может быть из 60-и 3, 4, 5 не больше, все остальное хочу взлететь, а земля тянет. Хоть бы скорее с вашей книгой, а то я зачахну. Есть в этих снах отклик от Грудцына. Эти сны живут. Но вообще, мой приговор себе, что вам так не нравится: МЕЛКО.

Если бы вы знали, какая вы богатая. Это я говорю по всей правде и не вам только говорю, а себе и другим. Воображение и то, что вы в русском не соскальзываете на ЛУБОК, а это так легко. Даже Цветаева, не знаю как будет с Головиной – идет по дороге Цветаевой.

Видел сегодня из ушедшего мира: и Блока, и Андрея Белого, и Вяч. Иванова и М.О. Гершензона, и Брюсова, который превращался в J. Paulhan'a.

А. Ремизов

Исааку Вениаминовичу кланяюсь.

23 VIII 1949

Дорогой мой петушок-золотой-гребешок
Наталья Владимировна,

Переписывал «Алтан-золотое-слово», не сказка – притча. В четвертый раз, а с охотой: словесно XVII в., да еще татарский! – есть находки в изображении, что так трудно дается мне. «И сидят на той мизгити (мечете) две совы дружка к дружке носами, как бы что говорят».

Чувствуете, как это наглядно, каждое слово на месте, и не надо никакой инверсии, на что у вас зоркость.

Очередь за Гоголем и надписать книги, 1-го сентября придет за ними Лифарь.

Что же я такое сделал за 3 года, кроме Шурум-Бурум и о Достоевском, Ихнелат и Грудцын. Но, ведь, это пламень отчаяния. Какой же просвет? Ведь, как-то, все-таки я существую, не окостенел. Да это цветы, чистота ваших сказок – без них один «пепел» и «пустое ведро» (по Гоголю).

Это поймут историки литераторы, если мною будут заниматься.

Приходил Емельянов прощаться: завтра ему на завод, краски мешать. Водили оба на прощание в Мюра: у меня сегодня только картошка и купить ничего нельзя (понедельник). Хлеб с ветчиной на 100 frs и крошки подъел. Солнца нет, в тумане и дорогой я не мучился.

На ночь читал рассказ Одарченки «Рыжики». Хорошо, у него баритон. Сантименты в его природе, это как у боксёров. Приходил ко мне в Петербурге знаменитый Кощеев, пальцем меня сшибет, а говорил со мной со слезами и уменьшительными.

А видел я сегодня: развернул на себя красное ватное одеяло и выскочила маленькая черная мышь. И тут меня поставили под елку. Стена мягкий камень молочно-шоколадная. И все об этом говорят, что таких не бывает: «молочно-шоколадная». А я подумал – не все равно, какая, а стена.

Удастся ли сегодня гулять: туман. Или придется, отрываясь от Гоголя, смотреть в стену – серое небо. Боюсь, что, передвигаясь, вы устали и вам захочется отдохнуть. Или начинать сначала. Сужу по себе, я калека-неперехожая.

Кланяюсь Исааку Вениаминовичу.

А. Ремизов

8 IX 1949

Дорогой мой гуслик
Наталья Владимировна,

Для ваших именин переписываю вам Алтан-золотое-слово. Вы так хорошо его передали – у вас глаза поющие. Я слушал и думал: да ведь только автор прочтет так. Особенно с появления сов. «Совиный лад» – это ваше природное.

Я сделал опыт: я предупредил, буду читать сказку по матерьялам, написана мною и Кодрянской. И когда дошел до сов, Н.Г. прервала: «Наташа, сказала она – это ее!»

Но наше общее выступление с двумя подписями возможно только после выхода вашей книги. Мне Сосинский говорил, что можно было бы сказки печатать в Вестнике (Канада).

Всякий день я благодарю Вас. Вы и представить не можете, и не понять вам – да и не надо – войдет какой-то Мусоргский глубинный подзвук, ничем не заглушаемый. Без вас я не был бы на свете, теперь это многие поняли. А ведь это очень страшно. И что я вам могу сделать, я, уходящий из жизни!

Мотив: «кто сильнее и крепче из Панчатантры перешел в «Калилу и Димну», а от арабов на восток. Или из Панчатантры в Тибет, а от монголов по соседним народам. Д.б. я читал в Башкирских сказках. Сборник у вас есть, тоже пестрое издание, как Украинские сказки. Вас не должно смущать и вы можете сколько угодно пользоваться. В истории сказки мотив не изменяется, только форма и для чего как, напр. у вас властен ли человек изменить природу другого существа? Вы отвечаете: да, но только на какой-то срок.

И это разве не страшно?

А. Ремизов

Дорогой мой свети-цвет
Наталья Владимировна!

Сегодня туман, хмуро, а вчера такой ясный полдень. Когда «выхожу один я на дорогу», шел я, закутанный по зимнему. Очень тяжело мне было и вдруг – и я остановился – на тополе сквозь солнце новые зеленые листки и голубое небо: вернулась весна!

«Выхожу один я на дорогу» – безразлично и беззвучно повторяю – «что же мне так больно и так трудно?» Ослепленный солнцем, я прижался к стене: «Сейчас из школы выскочат дети и я пропал!» И вспоминаю: «сегодня четверг и в этот час наша улица пустая». И иду – в глаза солнце, в лицо ветер. Какая постылая жизнь.

Вот вы написали сказку, как осень пропустила мимо глаз одну «улицу» и я увидел этими глазами вернувшуюся на нашу улицу весну. «Что же мне так больно и так трудно» – безразлично и беззвучно повторяю.

А. Ремизов

5 X 1949

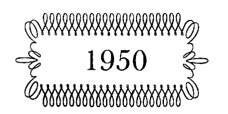
Дорогой мой мура́вый каплик
Наталья Владимировна,

Боже мой, как безрадостна моя жизнь, и с каждым днем замечаю – темнеет в глазах. Пишу разбавленной тушью, надо еще подлить, яснее выходит.

Возьмите Муравые Холмы (муравно-зеленый). Если бы отпустить мою дикую волю, я разорвал бы мои рукописи и поджег бы дом.

А. Ремизов





8 II 1950

Дорогой мой
золотой
поднебесный
плаун.

Посмотрите у
Даля Кутырь.
У меня где-то
записано, не могу
найти а Кутырём
названо введение
в Кочевник.
Всё ещё Мелюзина
в глазах моей руки.
Исааку Вениаминовичу
напомните о блок-ноте:
Столько у меня
рисовальных затей,
ведь всё вам будет.

А. Ремизов

Несколько дней без
Мелюзины над
Кочевником. Закончу и
за сны Гоголя.

9 II 1950

Дорогой мой золотой пчелиный куток
Наталья Владимировна!

Пишу чтобы не безпокоились: «Кутырь» не к спеху. Назову вступление к Кочевнику по-другому. Продолжаю о Мелюзине. Сегодня ночью вдруг проснулся.

А что такое «Источник – утолимая жажда»? Поднялся в 8, п.ч. ночью всё думал. И написал.

Если что придет догадка, мне будет любопытно вас послушать.

А в окно как стучит! Это ветер, я люблю зимний дождь. Слушаю, как бьётся.

На вашей бумаге полицейскими чернилами. И у вас они будут.

А. Ремизов

15 IV 1950

Дорогой мой измученный залетевший к нам,
грешным, на землю
Наталья Владимировна!

Если сегодня придёт Н.Г., буду её просить в понедельник принести вам Красногорское моё – мою память. А кроме того, она поможет вам отыскать книгу (маленькая) Артура Лютера – «Средневековые легенды». На какие-то рождения или именины я вам их дал. Помню, что читали эту книгу.

Мне надо справиться: помянута ли Мелюзина. (Мелюзина написана по латыни и переведена на немецкий, а потом уж по-французски). Если что-нибудь у Лютера сказано, отметьте и дайте мне взглянуть. Это первая просьба.

А вторая: строю книгу (и всё тороплюсь – не успею!) и мне необходим последний №-р Новоселья, где моё «В Розовом блеске». Попросите кого увидите из ваших приближенных. Мне, ведь, только моё. (У меня был №-р, но его взял Пантелеймонов, п.ч. там есть и он исправленный.)

Раздумывая о последней сцене «Мелюзины» я вдруг задумался и спросил себя: да правда ли ревность отзвук любви? Всегда приводят пример Отелло. Но почему-то Шекспир представил «мавра» – безобразного обезьянского мавра – его ревность – вспышка сознания своей слабости или безобразия (все другие лучше).

Другой вид ревности у Грудцына, ничего общего с Отелло, он мерит не себя, а её, для которой он попадает в ряд с другими. Теперь я могу разсуждать о Грудцыне, как о чужом произведении.

На корректуре Ихнелата, чувствую – сорвал глаз, очень мучительно, а остановиться не могу.

А. Ремизов



18 IV 1950

Дорогой мой чудесный любимый, весенняя ветка, алый прутик, затаившая дождинка Наталья Владимировна!

Почему-то мне кажется, что завтра вы не приедете с Исааком Вениаминовичем.

Был Каракатица и рассказал мне сон. И я подумал: какая прозрачная душа — есть еще на свете, что видят во сне и бои и сражения, хотя от орудий далеки и никогда не воюют. А читает она книгу о Лобачевском

18 IV 1950

Дорогой мой чудесный любимый, весенняя ветка, алый прутик, затаившаяся дождинка
Наталья Владимировна!

Почему-то мне кажется, что завтра вы не придёте с Исааком Вениаминовичем. Была Горская и рассказала мне сон. И я подумал: какая прозрачная душа – есть же на свете, что видят во сне и бои и сражения, хотя от орудий далеки и никогда не воюют. А читает она книгу о Лобачевском.

А до неё Лысый, изобретатель крема для рощения волос. Пришёл посоветоваться. Слушал его и думал: не навождение ли? Или знамение: как будет теплее, снимите с меня мои рога.

Ещё вам задача: каких №№-ов нехватает у вас «Современных записок»? Пусть Гингер принесёт вам Новоселье № 37-38 – пусть у вас хранится неразодранная книга.

Унбегаун промокла и сушится: не принесла Ихнелата. Не было и Е.В.

Сосинские пишут: в Нью-Йорке под Пасху снег хлопьями.

А. Ремизов

20 IV 1950
Радуница

Дорогая моя лесная гугуня
Наталья Владимировна!

В воскресенье была Красная Горка – закликание солнца а сегодня Радуница – закликание мёртвых – Чёрного солнца.

Это был чудесный вечер, обыкновенно рядились зверями.

Добиться мало, ждали чуда. Как я это понимаю из моей древней памяти только вера в чудо выводила меня на свет – воскрешала меня. А каким зверем я рядился, не помню.

Карты Сведенборга, мои рисунки, я вам отдам. Мне надо записную книжку на 36 страниц и 2 стр. для объяснения. Я вас научу. Они успокаивают: одно то, что надо раскладывать. Можно и плутовать, зная карты. Напр. прочитайте вместо хорька значение слона.

А. Ремизов

Исаак Вениаминович, если будет у Каплана кроме Лермонтова следует взять *Глеба Успенского* (однотомник). И пусть взглянет на книгу Лазарева, История Византийской живописи два тома.

3 V 1950

Дорогая моя стрезоглазка
Наталья Владимировна,

Непременно приезжайте – меня не стесняйтесь – в этом и есть всё настоящее...

... А мне жалко, что вынуто посвящение – страница сердца.

Вы что-нибудь читаете или только неспокойно думаете? Идёт тёплое время, поправит вас. Этот месяц, я видел ночью луну: красная смотрела на меня. И я оледенел. А сейчас и голос вернулся, и ушла тоска, как подумаю начинать день.

И разве можно говорить вам: за что? Ваша непорочная душа и щедрое сердце «блаженное».

Когда читал предисловие Pascal он его читал вслух под моей поправкой, его поразило всё и он вычитал ваш образ. И окончив, спрашивал: «Кодрянская – это та Кодрянская»? Да, говорю, та самая Лесавка». То, что мою вызывает радость, это ваш навей.

Дайте ваше переписанное – Стихи. Я их ценю за простоту, но я не рифмач (рифма).

А. Ремизов

Посвящение

Сказочный дар дается с колыбели. Три Наречницы, на севере их зовут Норны, древние Мойры нарекают – мерят человеку его сказочную долю.

Судьба им судила, а дед Мороз показал путь.

Была зима. Ходил по дорогам накарачуненный Декабрь, ледяным гвоздем заковывал реки. А метель кутала поля в белые полотна – да ку-де-ли-ла. Не дверью, не воротами они вошли в дом – не запорошенные: их огонь, светя – глаза-как-фонари-пышет теплом. Оглянув колыбель, переглянулись друг с другом.

Старшая положила на ее глаза чернику. Средняя на ее голову кукушкин лен и на раскрытый рот, солнцем зарумяненный брусничный листок.

Младшая на ее грудь белую кувшинку, а на руки дикий шиповник.

Тесно окружив колыбель, они водят руками-их тонкие пальцы вздрагивали, переплетаясь. И мне показалось, лиловый цветок они вложили ей в сердце – и вдруг взблеснул огонь и тихо разлился. Они говорили тихо. Но отчетливо выговаривались слова и чутко этому еще без имени – тому новорожденному в мир розово-светящемуся комочку с судьбою Человека.

Комната, дымясь, наполнялась – набирались странные гости – водяные, и с поля, и с лесу, и крылатые

с облака и зари: еж, лисы, суслик и сурок, зяблик, вороны, лягушка, шмель, мышь, кот и медведь. Близко они не подходили, не напугать бы: человеку не былому, не свычному – нас боится! – ни рог, ни когтей под башлык и под варежки, как ни прячь, не скроешь. Они издалека кивали и лапой показывают: Лесовичка, наша!

* *
*

И все-то потом припомнится, в какие-то ваши лунные сроки вдруг. Глаза еще не различают, где левая, где правая, все одно, а вот этих, это они все видят, а уши все слышат и душа все чует.

* *
*

– Да не толкайтесь! ворчит недовольно; я узнаю Мишин мохнатый голос.

А они, вещие три – белая, алая и голубая – как войдя, так и на прощание, оглянув колыбель, переглянулись друг с другом.

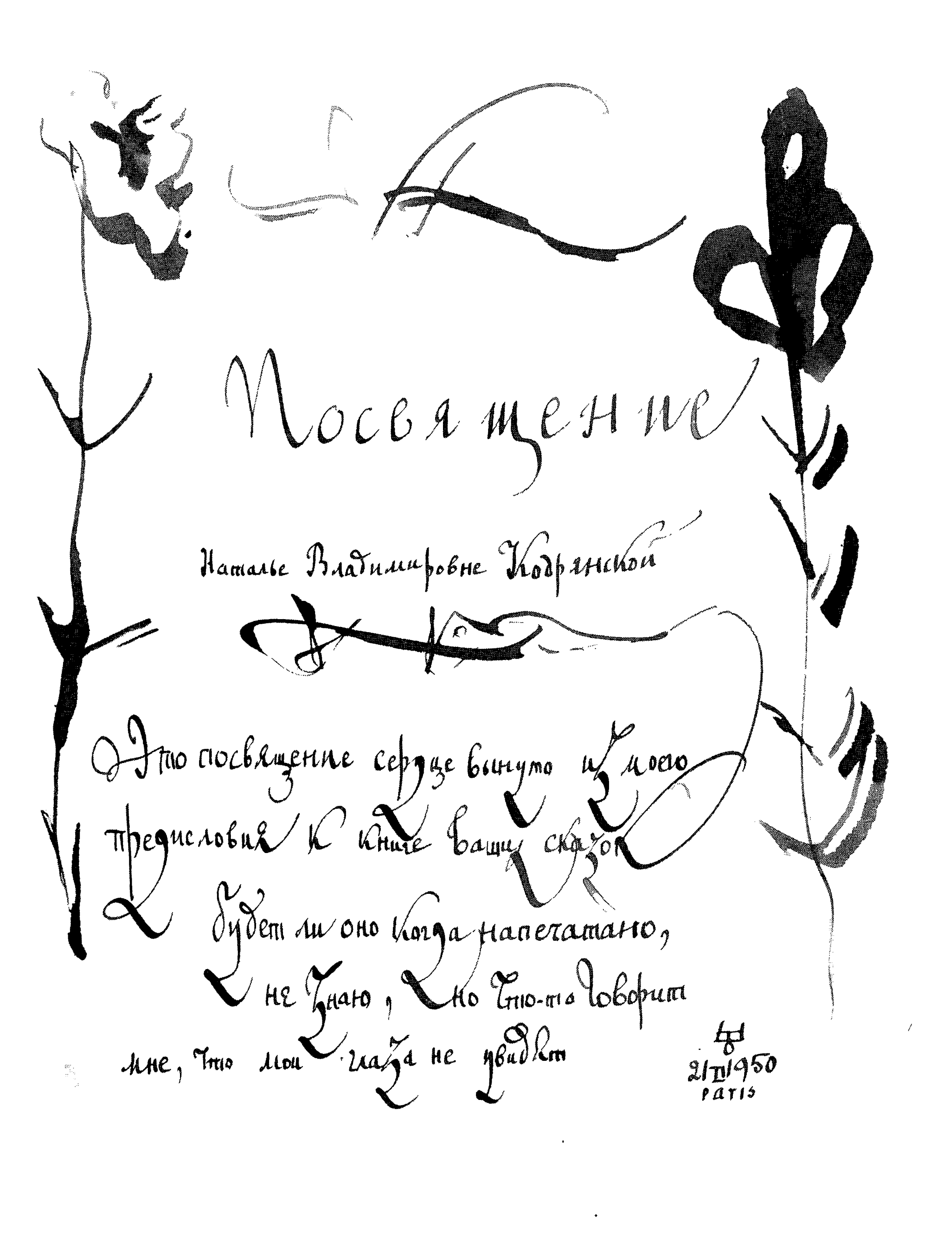
– Аминь! прогудело ветром.

Ветер, надув щеки, приплюснул свой чайник к ледяным цветам окна. И заглянув в форточку воет: а-минь! И полетел. В поле летел он, гудя в третий: Аминь! Ему вольно летать, перелетывать с метелью, хмельной белой птицей.

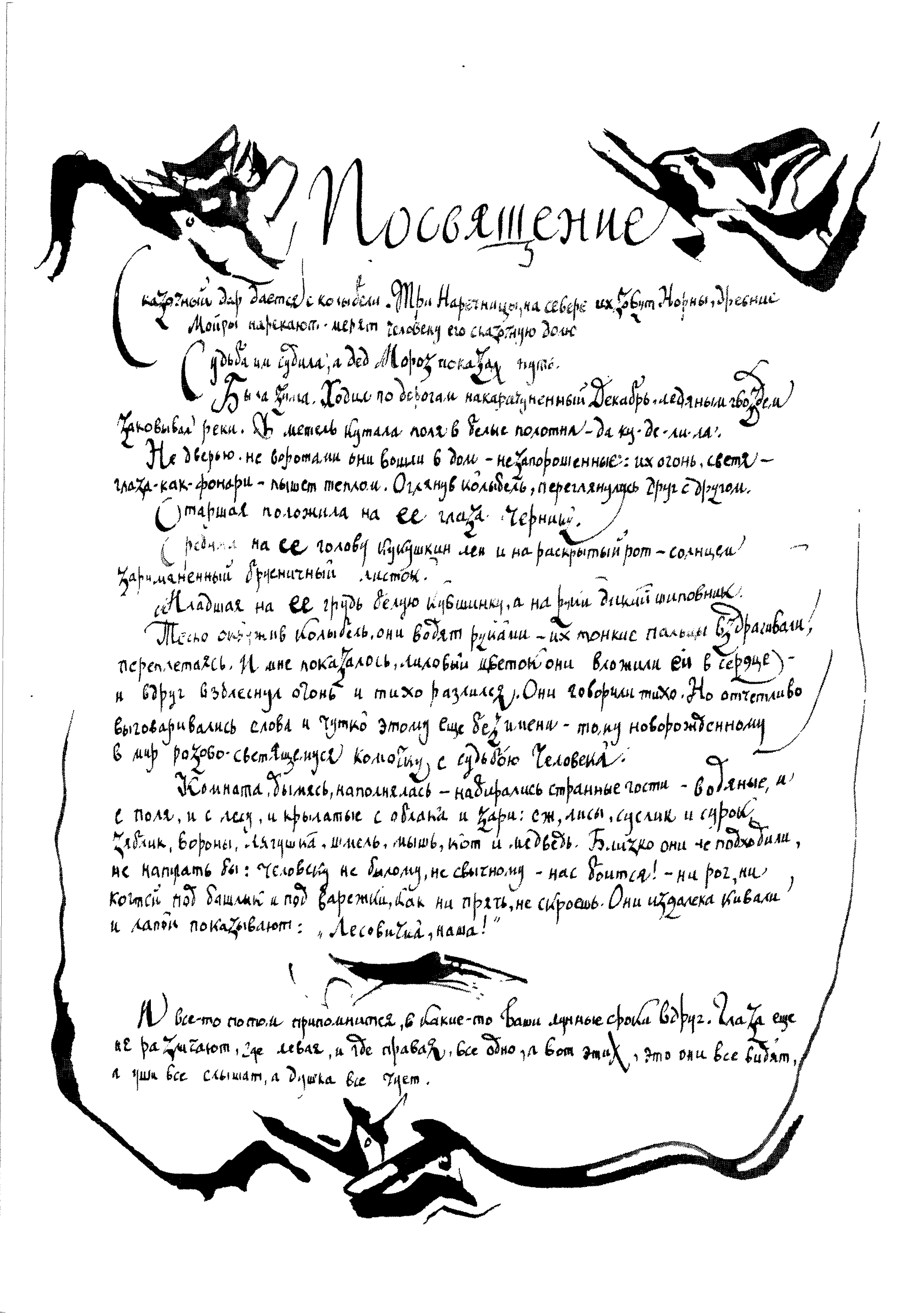
А они, вскрыля, тают как песни.

– Стойте! Куда вы? Нужно проверить! Я различаю мой голос.

Мне ли не знать, сколько может выйти беды если чего-то не договорить или не те слова; мне ли не знать, как опасна эта роковая – и на всю жизнь. Или там не ошибаются и мой голос для них нем.


Посвящение
Наталье Владимировне Кодрянской
Это посвящение сердце вынуто из моего
предисловия к книге ваших сказок
будет ли оно когда напечатано,
не знаю, но что-то говорит
мне, что мои глаза не увидят
21/III/1950
PARIS





Посвящение

Сказочный дар дается с колыбели. Три Наречницы, на севере их зовут Норны, древние Мойры нарекают — мерят человеку его сказочную долю.

Судьба им судила, а дед Мороз показал путь.

Была зима. Ходил по дорогам накарачуненный Декабрь, ледяным гвоздем заковывал реки. А метель кутала поля в белые полотна — да ку-де-ли-ла.

Не дверью, не воротами они вошли в дом — незапорошенные: их огонь, свет — глаза-как-фонари — пышет теплом. Оглянув колыбель, переглянулись друг с другом.

Старшая положила на ее глаза чернику.

Средняя на ее голову кукушкин лен и на раскрытый рот — солнцем зарумяненный брусничный листок.

Младшая на ее грудь белую кувшинку, а на руки дикий шиповник.

Тесно окружив колыбель, они водят руками — их тонкие пальцы вздрагивают, переплетаясь. И мне показалось, лиловый цветок они вложили ей в сердце) — и вдруг взблеснул огонь и тихо разлился. Они говорили тихо. Но отчетливо выговаривались слова и чутко этому еще без имени — тому новорожденному в мир розово-светящемуся комочку с судьбою Человека.

Комната, дымясь, наполнялась — набирались странные гости — водяные, и с поля, и с леса, и крылатые с облака и зари: еж, лиса, суслик и сурок, зяблик, вороны, лягушка, шмель, мышь, кот и медведь. Близко они не подходили, не напугать бы: человеку не былому, не сытному — нас боится! — ни рог, ни когтей под башмак и под варежки, как ни прячь, не скроешь. Они издалека кивали и лапой показывают: „Лесовичка, наша!“

И все-то потом припомнится, в какие-то ваши лунные сроки вдруг. Глаза еще не различают, где левая, и где правая, все одно, а вот этих, это они все видят, а уши все слышат, а душка все чует.

— Да не толкайтесь! ворчит недовольно; я узнаю лешия мохнатый голос.

А они, вещие три — белая, алая и голубая — как водятся, так и на прощанье, оглянув колыбель, переглянулись друг с другом.

— Аминь! прогудело ветром.

Ветер, надув щеки, приплюснув свой чайник к ледяным цветам окна. И заглянув в форточку, воет: А-минь! И полетел. В поле летел он, гудя в третий: Аминь! Ему вольно летать, перелетывать с метелью, хмельной белой птицей.

А они, вскрыля, тают, как тени.

— Стойте! Куда вы? Нужно проверить! я различаю мой голос. Мне ли не знать, сколько может выйти беды, если чего-то не договорить или не те слова; мне ли не знать, как опасна эта роковая — и на всю-то жизнь. Или там не ошибаются, да и мой голос для них нем.

За окном их подхватит метель. И они унеслись.

Сколько еще новых жизней и в тот же самый час и в ту же минуту, и каждому свои слова — своя часть.

— Не пора ли нам расходиться?

Кто, не вижу, но по голосу, это волк: серый привык распоряжаться. Зовут его и на родины и на крестины и как свадьбу играть: „Уж сделайте милость!" Крещенные побаиваются волков.

И про эта вспомнится. И еще и это вы вспомните, как сквозь метель негасимая занялась заря — ваш первый день жизни на земле.

Ал Ремизов

1947-1950
Paris

За окном их подхватит метель. И они унеслись. Сколько еще новых жизней и в тот же самый час и в ту же минуту и каждому свои слова-своя часть. Не пора ли нам расходиться?

Кто не вижу, но по голосу это волк: серый привык распоряжаться. Зовут его и на роди́ны и на крестины и как свадьбу играть: «Уж сделайте милость!» Крещенные побаиваются волков.

* *
*

И про это вспомнится. И еще и это вы вспомните, как сквозь метель негасимая занялась заря – ваш первый день жизни на земле.

8 VI 1950

Дорогой мой голубая ку-ку-куня
Наталья Владимировна!

Удивительный сон я видел: живу в лесу один среди высоких деревьев, неба не видно, но не сумрак, а зелёный свет от освещенных вверху листьев. А сторожит меня медведь. Он проходит по человечески между стволами. Он думает, что я его не вижу. Какая забота в его глазах и теплота! Он вдруг заметил, как я смотрю и скрылся. Я понял: он говорить не может, а то бы я узнал, почему в лесу, почему один.

В субботу в 9 ч. придёт Адамович и Бахрак репетировать. Адамович просит меня написать, а он перед Гоголем прочитает. Вы мой судья, посылаю. Обещал в субботу, но задержу. Написал я гораздо больше, но вычеркнул. Я хотел сказать, что руки – это лунные лучи, они ловят, и неизбежно.

Орест Мих. Сомов вовсе не такой, как думает Бахрак, он был первый литератор профессионал, небольшое дарование, да много ли Пушкиных и Гоголей! Выпивал. Но все-таки редактировал 3-ью книжку «Северных Цветов». Пусть будет СОредактор, по Бахрачьи.

Но вообще ему не нравится мое предисловие и он всё хочет за что-нибудь зацепиться. У меня есть тёплое шампанское, в субботу обещал им дать.

Вы получили корректуру. А я благославляю и ЖДУ: так я весь полон чудом.

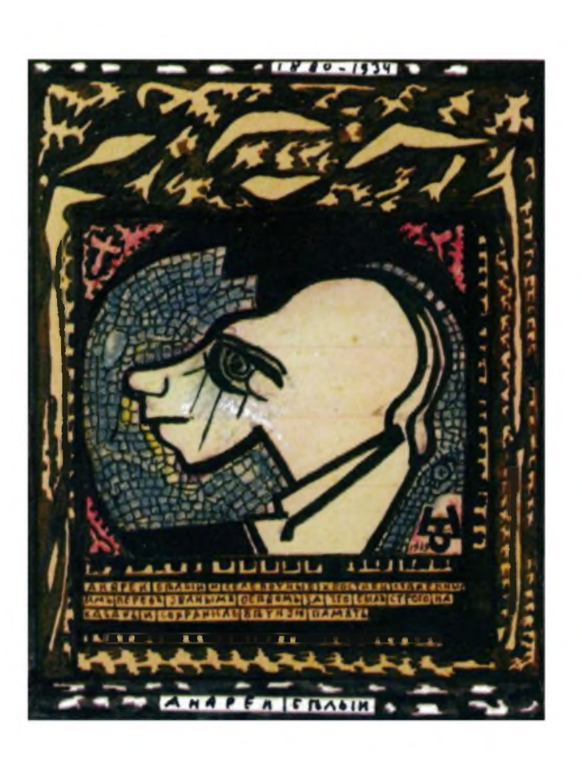
А. Ремизов

12 VI 1950

Дорогая моя Голубуня
Наталья Владимировна!

Неясный шрифт, поправляю, читая вслух, не сбиться. Боюсь, трудно вам будет разбираться. Из книги я ваше выну, тогда будет легче. Самое оригинальное, ни у кого того нет, «Путешествие», когда-нибудь вернитесь к этой форме. «Вермишель» высокой культуры и не всякому по зубам. «Очкатая» сказачность и изобретательность. Откуда это? Такого лисьего образа (или по учёному, аспекта) – в первый раз, и объевшаяся мышь – Ваше, впервые. Солнечный мужик тоже. А муха необыкновенно воздушна. Будьте уверены в себе, вам счастье дано. Потому, что у вас нельзя научиться, – и как я не стараюсь, и не могу, хоть мы с вами и подымались однажды на гору, помните след ступни? А вот не могу. А эти шакалы хотели, чтобы вы писали рассказы, которых 1000 и один. Я вами горжусь. Вы слова не цените, но мои примите, я «вербалист» не в средневековом употреблении, а в широком.

А. Ремизов


1880-1934
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

16 июня 1950

– Гоголь 1809-1852 –

Ещё год и 8 месяцев, как исполнится сто лет со смерти Гоголя – 21 февраля 1952 г. Праздники заходят с вечера. – Гоголевские поминики начались с сегодняшнего. Я читаю «лунный полёт», сон философа Хомы Брута из Вия. (Вий написан в 1833 – тому 117 лет; Гоголю было 24). Этот «лунный полёт» пример искусства прозы. Панночка – Луна – Астарта проникает голубым лучем через плетёные стены в хлев; она появляется вдруг в образе старухи, ловит и блеском очаровывает свою жертву. Говорится: месяц стареет и молодеет – и она примет образ молодой, отраженная в призрачном море: не старуха, а русалка.

Полёт и очарование представлены на голубом сверкающем звенящими колокольчиками – стоном – голосом панночки. Искусство – пламень жизни, но и работа – мысль, воображение сердца.

«Если бы вы знали, говорит Гоголь, окончив Вия, какие со мной происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня. Сколько я пережёг, сколько перестрадал».

А. Ремизов

17 VI 1950

Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо: две ваши путевые открытки – по волнам океана и в воздушной безпредельности, обе в конвертах угнездились в моём альбоме: письма Кодрянских 1950 г.

«Ихнелат» вышел 25 мая. № 1 я передал Наталье Владимировне в ваше собрание.

... Спасибо за эликсир жизни (эликсир – арабское слово) – июньскую картинку передал Наталье Владимировне.

С YMCA PRESS контракт не подписал: не иначе как ждут вашего возвращения.

Вчера читал на вечере в Р.М.О.З.-е: чествовали С.Ю. Прегель. Читать мне легко, но выходить на эстраду (эстрада – слово испанское) всегда стеснительно. А ещё стеснительнее антракт – после чтения: не знаешь, куда девать глупое выражение лица отрезвонившего, но в чём-то фальшивившего, что для других прошло незамеченным, а для себя ножом по стеклу.

Наталью Владимировну вижу редко, знаю, работа её подвигается. А моей работе не вижу конца. И мысленно строю книги. Сейчас о Достоевском.

Вчера на вечере мельком видел Наталью Владимировну, заметил: в великолепном платье. По смешливой судьбе, дожидаясь чаю (в горле пересохло), я весь антракт, пришпилен, просидел с Теффи. А накануне на её письмо (она приписав моему «юродству» слово «кровоядец», острила своим словом: «мясопийца») я ответил, что остроумия никакого, а очень глупо. Мне было очень неловко и, дождавшись чаю, я кое-как выпил, давясь, и товарищ Комаров повёз меня домой. Стараюсь быть Стефанитом, да что-то не выходит, а безпокоить моего цензора (Н.В.) – у него своя работа.

Жду вас. Привезите лето, у нас не ровно, сижу в шкурках.

А. Ремизов

25 VI 1950

Дорогой мой незабутный баюн
Наталья Владимировна!

Продолжаю отделывать о «Тайной милостыне» (о А.М. Горьком). И хочу вас просить: во вторник, если это возможно, принесите Лескова «Соборяне» – когда-то я на именины дал вам этот серый том. Для заключения о Горьком я хочу выписать несколько строк из дневника Туберозова. Лескова Горький любил и особенно «Соборян». Книгу я вам, конечно, верну, не запачкаю.

Во вторник после Вашего я вам покажу, как у меня выстраивается моё. Верю в ваш глаз и слух – к моему.

Буду ждать вас во вторник с книгой. Забыл рассказать вам мой сон под здешнего Ивана Купала 23 на 24.VI. Хороший сон, цветной – до жилок и пра̀жилок.

Блок-нот Исин кончился, он подарил мне перед отъездом маленький, а на этой бумаге рисунок не держится, потому только буквы.

А. Ремизов

27 VI 1950

Дорогая моя говоруня
Наталья Владимировна!

Плачу: правый глаз раздуло, как у утопленника. Дернула меня нелёгкая писать и читать носом к солнцу. Впустил все капли и борную – ещё хуже.

В пятницу 30-го в 4 ч. приедут снимать. Вас они с удовольствием снимут. Об этом я думал вам передать на словах, но вы забыли, что сегодня вторник, а вы хотели во вторник приехать.

Видите как я пишу. Не могу остановить слёз. Верю в ночь.

«Человек человеку бревно».

И такая выпала трудная неделя: в четверг в 6 час. повезут к Paulhan-y.

В третий раз переписал о Горьком.

А. Ремизов

24 VII 1952

Дорогая моя бубуня
Дорогая моя зыбуня,
Дорогая моя кукуня-квакуня
и латуня и стрекозуня
и летуня
Наталья Владимировна!

Спасибо: кишмиш получил. Скажу Исе, приедет прощаться. О операции он говорил, лучше сделать, когда вы тут будете. Две недели в госпитале в повязке.

Я только что наметился писать вам – теперь я догадался о чём спрашиваете.

Мир (покой) и міp (вселенная).

Поздний час. Париж опустел, 10 ч. вечера. С.Ю. я рассказал о ваших французских делах, о чём говорил Исе. Надо ваше присутствие. Сейчас до октября всё закрыто и корсиканка Bienelli уехала. Переводы продолжаются. Отмечу отделы сказок. Я разсчитывал на май-июнь, когда, предполагалось, вы прилетите.

Мельникова-Печерского, по словам С.Е. Трубецкой – она в восторге от ваших сказок – можно достать. Я вам писал – из Колумбийского университета библиотекарь Болан вам выдаст; надо сказать, что вы от меня. Но я всё буду делать, чтобы достать вам «В лесах» и

«На горах». Я буду перечитывать, возьму из библиотеки первое издание с ударениями (1875 г.).

Дорогая моя кукуня! Как я вас жду! Прочтите Мелюзину не глазами, а ртом.

О «мире» и «міре» напишу подробно. Скажу только, что в старинных рукописях и вселенная и покой писались одинаково: «мир». Посмотрите у Даля.

А. Ремизов

10 VIII 1950

Дорогая моя пугуня
(«война объявляется алертом») (сиреной)
и детюня
(без переднего зуба такая безоблачность!)
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Над Парижем с утра туман.

Попросил Емельянова ореховый торт, с ним я проснулся, два часа нет, наконец вернулся. «С час, говорит, выбирался на Буало: ничего не видно». К вечеру проглянет: будут у меня два лимона и круглый чёрный хлеб.

За 10 дней дважды Емельянов выводил меня гулять. Вопреки законам природы я шёл твёрдо и не чувствовал ног. Если бы такое противоестественное случилось с моими глазами!

Видел не один раз во сне и безпокоился. А сегодня ваши рыцари из моего сна (картинка) я заметил, что и у них парики и я спросил и один из них мне добродушно ответил: «не единого волоска», он говорил по русски, а друг с другом по итальянски. Они мне и поднесли ореховый торт.

Была Л. принесла №№-а которые мне не нужны, спрашивала о вас и что нет от вас вестей. И я сказал: «а я получил пять писем». И потом мне стало неловко и я прибавил: «письма с дороги».

Что поделать: нечем мне похвастаться!

В 4-ый раз отделываю Мелюзину – оправдывается моё: искусством не живут, само искусство живо только жизнью.

Выходит призрачно (ремесло), безрадостно. Ведь и в боли есть радость.

Получил от Мазуровой отзыв о «Н.» О вас – *«очень своеобразна»*. Меня соединяет с Летучим Мышем, а вас с Пикельным. И над всеми Пантелеймонов. Для души читаю Историю права земельной собственности в России, а для науки Софокла. Пытаюсь сделать из Мелюзины «хоровой сказ».

Самый разгар разъезда – Париж беззвучный. К ночи в госпитальном саду кричит по прошлому филин.

Наворчал вам. А из жизни: отдал в чистку, сегодня принесут. И вам не стыдно будет однажды повести меня в Мюрат есть ореховый торт.

Сегодня я совсем замёрз, а ваше письмо – «дико жарко».

Набирайтесь этой жарины. Мечтаю и жду, – ваша книга. Вот и давайте тогда купим ореховый торт. С крепким чаем – крепкий пахнет мёдом.

Храню для вас какао, без косточек финики и галстук.

А. Ремизов

13 VIII 1950

Дорогая моя воркотуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Люблю я вечерние сумерки, и за то я люблю их, они открывают мне окна в какие-то дали, или очень знакомые в прошлом, или не знаешь, куда попал.

Всё ещё четвёртую Мелюзину отделываю – слово за словом, а не звучит. Чтобы что-то написать, надо: непрерывность, упорство и молчание. Всё есть и никто не прерывает. А что толку?! Нет ни пудры, ни духов, ни красок – одна лощёная кость. Если не на кого ворчать, на себя. Так и проходят дни с утром, вечером и ночью – снам в жертву.

Какие бывают приключения в снах: живу при дворе Екатерины II-ой. Что хотите, но такого днём не вообразишь. С едой только очень хлопотно: всё сама императрица проверяет и изволь часами торчать в очереди.

После лечебной встряски вам непременно неделю на отдых. К вашему возвращению наведу порядок, сам буду распыливать полки и по углам. Емельянов начинает свою работу на заводе, у Резниковых младший сын сломал ногу, Е.В. при больной Н.Г. не хочу безпокоить. Всё можно самому, только не по моему – внаброс. Больше всего боюсь за хор: «боюсь риторики, нравоучений, прописных истин. Жду вас и «какие ваши затеи – жду. Ваше меня оживит. А вот говорил, что и ждать мне нечего. Верю в ваше воображение, оно расцветёт после выхода книги.

А. Ремизов

17 VIII 1950

Дорогая моя белая водяная лилия-кувшинка
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Не без боли даётся мне Мелюзина (хороший признак). Кончил 4-ую. Пусть полежит. Надо отделать «хор».

Второй день осень – туманы. Емельянов заходил в непромокабле, – куда там гулять! Ни в какой Murat я не пойду, никаких ореховых тортов мне не надо; вы ждёте, что и комнату убирать не буду? Не знаю. Мало читать приходится. Начну с понедельника. Ваш альбом Достоевского так и лежит на верхней полке. С книгой ничего не выйдет: Маковский, его затея, будто в первый раз слышу. В рифмах он готовит ещё десять книжек (Чиннов, Щербаков, Величковский, сам Ящур и свои). Заходил Бахрак. Долго сидел молча, перелистывая книгу, потом, не отрываясь: – Скучаете без Кодрянских? – Я понял, что вы уехали и живёте где-то в морском царстве (почтовая марка французская) под водой и ответил – «Как полагается». А он поднял глаза и облетел меня жуком: – Как же вы без Кодрянских? – В его голосе я почувствовал искреннее сожаление. «Они скоро вернутся, сказал я, а вы? – До октября в Париже: и переезд и устройство.

... У меня всё ушло на Мелюзину. Но с завтрешнего дня будет и солнце и сны.

А. Ремизов



Mélusine
и никакая душегрейка
не согреет ее душу

5 IX 1950

Дорогой мой золотая луча
Наталья Владимировна!

Прошу о тетрадях, мои промокательные: моим глазам и буквенным в слить. Продолжаю моё ремесло, но искусства не чувствую: моё искусство растёт из жизни. А моя жизнь из области предания. Заживо погребённый. Кроме тетрадей, если можно чёрную бумагу для переписки.

Строю книгу «Петербургский буерак». Когда сдадите вашу книгу спрошу Вас о своём. Когда бы Н.С. Гончарова жила в России, она по русски никогда не подписывалась бы с *и*, а заграницей где нет *ѣ*, и где она живёт 50 лет, она подписывается для иностранцев Natalie-Natalia. А это также смешно, как Алексей превращённый в Алексия. И до чего странно, я об этом видел сегодня во сне: разговор со священником. У нас и Софии никогда не было, а всегда Софея – премудрость Божия и Софья для простых людей.

Для вашей словарной памяти: Путь моя и мой путь, пламень моя и мой пламень, луч мой и моя луча.

Вышел Новый Журнал. Если бы вы достали мне для науки на неделю – там всё наше литературное богатство, всякая фраза трогает. Но первое тетради!!

А. Ремизов

26 X 1950

Дорогая моя ладуня-бубуня!
Наталья Владимировна,

Пронизан до пра́костей лютую с холодом и своей слепотой. Сверяю переписанное о Блоке, что и зрячему не легко, а мне хоть бросай. Переписал вступление и заглянул в посвящение, с чего начать. Я думаю сразу:

Январь
1950

[illegible]

Со днем рождения!

[illegible]

«не дверью, не воротами». А это к Мелюзине, что вечно в мире – надежда, тихий тёплый огонёк. Любовь негасима, а надежду можно и притушить, но в мире-то она единственный свет жизни.

Не посылаю вам вступления, завтра, на свежую, ещё не замёрзшую голову, обдумывая, перепишу. Надо достигнуть выразительности и строя, одно чтоб с другим, как вылито.

Во сне видел: сестра Сувчинского несёт на руках голое дитя, и что мне деваться некуда, всё переполнено, стою на улице.

А. Ремизов

6 XII 1950

Дорогая моя бубуня
Наталья Владимировна,

Безпокоюсь, печалюсь, горюю. Как я жду вашу сказку в вашем развитии «сюжета» (это по учёному). Доискрилось ли до ваших глаз?

Оканчивая 1-ю редакцию «Бовы» – всегда самое трудное, и это как раз после вашей сказки и я понял, для моего вы – ваше – «живая вода». Если бы вы знали, на какие камни я в Бове наткнулся и если я взорвал их, то только благодаря Вам – вашему. Я вам всё покажу вчерне. А на минуту займусь рассечением «Мёртвых душ». В пятницу придёт Горская: я дам ей переписать Хохлова, Адамовича у меня нет и дам вашего «Сказочника» (у меня вдруг подумалось, не взять ли его, как предисловие, к моей книге «Сквозь огонь скорбей» – очень хорошо написано.

А. Ремизов

Натальи Владимировне
Кодрянской

По русским просторам много живёт моих сыновей. Есть среди них молодые (Леонов), есть моих лет (Замятин †), есть и постарше меня (Пришвин).

Но одна мера жизни, а другая мера пробуждения в жизнь – в творчестве и слове.

Вам, моей любимой внучке из чудесного мира Э.Т.А. Гофмана, пусть прозвучит наше родное через чужие звуки.

А. Ремизов

Ведь только сказанное существует, живёт. Без слова прозябание. Искусство слова – дело писателей. Дело писателя оголосить немую жизнь – немое. Голосом леса, голосом поля, говорить голосом звёзд и человека. Жизнь выражается не глазами – по голосу узнаётся жизнь. Без писателей было б спокойней. Живи и ни о чём не думай.

А. Ремизов

Злодеяние не живет одиноко – одно цепляет другое.

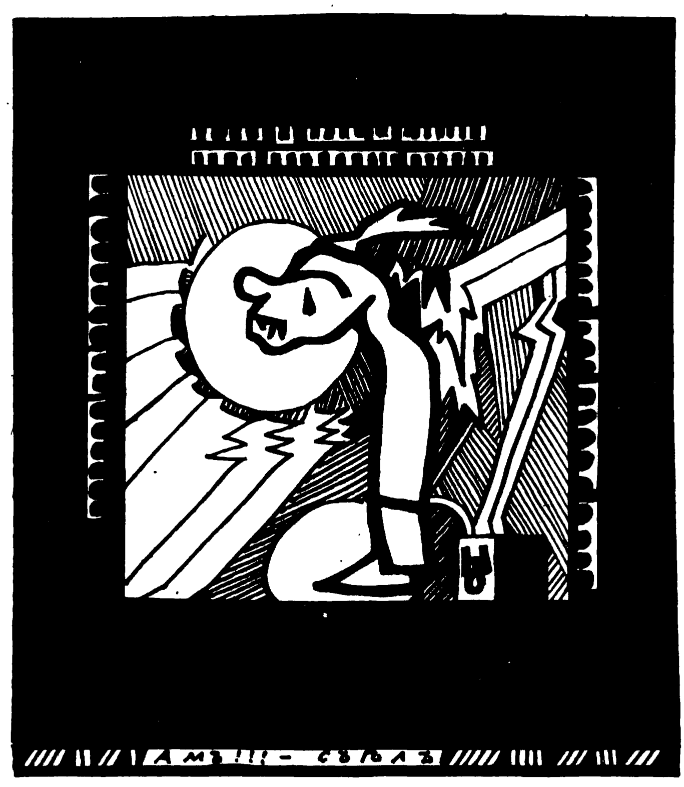
Как много можно сделать человеку и какое это счастье – обрадовать. И какая бедность, беднее всякой, быть готову помочь и нечем. И только волей, но воля не пропускная бумага, и пусть наполнена огнем, а может не опалить.

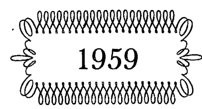
Ждать, ждать... А что было бы, если бы не было этого слова «ждать». Самое главное в жизни – чего-то ждать.

Ослепление сердца в тысячу раз хуже слепоты глаз.

Поступай как знаешь, все равно будешь раскаиваться.

Но как мне хочется музыки и какой-то расширяющей душу безкрайней песни!





1 январь 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня-кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

С новым годом
С новыми сказками
С новым счастьем!

А с каждой сказкой мне живая вода. Поднялся с 5 ч.: над головой без музыки выкаблукивали новогоднюю зарю.

Канун был посвящен вам: днем у Бердяева Емельянов читал ваши сказки и все были в восторге. Вечером – мое величание.

Заходил Бахрак: скучает и мерзнет. Сидите на Капри – в Париже мороз. Я как Бахрак мерзну.

Получил 26 полос корректуры «Подстриженными глазами». Корректура делается за мой счет, но мне надо просмотреть. Шрифт мелкий, тесный, как в ученых книгах. Мучаюсь читая.

...Написал о Пантелеймонове: «Стекольщик». Не отдал без вас. Сейчас переписываю. Рассказываю о хорошем человеке, и только одно меня смущает: я говорю о доверчивости – поверил в «юмористическую критику».

Жду вас, скучаю. Привезите тепло!

А. Ремизов

К новому году наводил порядок.

30 I 1951

Дорогая моя бубуня-кукуня-зыбуня
Наталья Владимировна!

Первая моя мысль из огня: как надо вас беречь. Ваш величайший дар погасить нельзя, но для цветения нужна земля, а землю можно вынуть верю в вашу силу самосохранения.

О себе: чего бы мне хотелось: если бы Вы знали *меня* по моему.

Я показал Вам страницу начиная с 205 в Взв. Рус. – описание огневицы (я так плохо вижу: не могу найти страницу). А перед Огневицей глава «Москва», там начиная с 179 стр. «Величание Московской Руси». Вы мне поможете найти.

Читайте мое, как себя, слово за словом медленно. Видите, какая моя гордая просьба.

Первое мое письмо, все еще с горечью. Но это пройдет: очень я ООГНИЛСЯ.

А. Ремизов

18 II 1951

Дорогая моя бубуня-кукуня-зыбуня
Наталья Владимировна!

Вижу, что безпокоитесь, хоть тысячу раз я говорил вам, что без вашего слова сказок не коснусь -лежать им в архиве.
Откуда у вас такое недоверие к моим словам-жаль, что мне не 16 лет, я дал бы вам расписку кровью.

Эти сказки – голос тысячелетий, мудрость вековая. Я только своим голосом подымаю их музыку. Их и читать надо по другому: *раздумчиво* и передавая звучание («интонацию») действующих лиц. Что бы писать по материалам надо ухо и глаз или будет только пересказ бледный и глухой. Сказки Гримов по материалам – с записи.

И это ни ваши, ни Посолонь – *наитие*, где вы вспоминаете, глядя только в свою душу и я ее голос слышу. Только «монолитный» дурак может сравнивать вашего «Грача» с журавлем Панчатантры.

После «Подстриженных глаз» давайте проверим сказки и я вам отдам их. Переписывать не надо. Пишу вас успокоить и развеять ваше недоверие.

Потом хотел бы: если бы вы взглянули перед отъездом на «Мелюзину» – в ней столько моего, хотя и слышу нечеловеческий голос кельтской феи.

А. Ремизов

21 II 1951

Наталье Владимировне
Кодрянской

И еще хочу вам сказать на будущее. Для писателя есть опасный защёлк, попадешь, не вылезешь: соблазн на литературную «середину».

Уверенно и неуверенно всю мою жизнь я все делал по-своему. И как помню себя, вспоминаю предостерегающие вспугнутые глаза: «что скажут»? А я всегда чувствовал, что это «скажут» стена (забор) стоит мне на дороге. И всегда я спрашивал себя: кто же это такие, кто скажет? И почему они правы, почему их мера настоящая и безошибочная? К моему счастью вопреки и наперекор поступал я, только так я и развил свои силы.

Считаться с тем что скажут, ничего не выростет, а что и дано заглохнет.

А. Ремизов

11 III 1951

Дорогая моя кукуня-бубуня-зыбуня
Наталья Владимировна!

Ваше чудесно. А для науки ворчу. Расскажу вам, что значит *рисовать* (изображать) и как достигнуть рисунка в повествовании.

Верю, все поправится, и вы приедете с доброю вестью.

А. Ремизов

10 IV 1951

Дорогой Наталье Владимировне
Кодрянской

Без вашего волшебства не одолеть мне было Грудцына и формально: ваши словесные находки и на мои промахи глаз.

С какой восторженной болью я писал Грудцына. А сколько потом было осуществить мечту издать книгу, я доходил до отчаяния, как думаю о Ваших «Сказках»: удастся ли. Теперь черед за «Мелюзиной».

А. Ремизов

22 V 1951

Дорогая Моя бубуня, зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

В последний раз вы были 3.V, а завтра 23-ье. На стук я подходил к двери и прислушиваюсь: вдруг да это вы – вернулись! И никого, стучали к соседям. Не могу смириться и свыкнуться, что нет и не будет – будут стучать к соседям. А скоро и весь дом затихнет: с июня разъезд.

Возвращаюсь в свою «берлогу». Череп у меня квадратный – таким я видел себя, а набит мелко перемолотым и молоть.

После «Февронии» (XIII век) будет Тристан и Изольда (или Изотта по итальянски). Поэма из кельтской сказки. Справлюсь ли?

Для вас на вашей бумаге рисую – будет большой альбом. И медленно читаю текст.



SAVVA GROUDZINE

Даниилу Андреевичу Соложеву на счастье!

«Бову» отдал переписывать. Выходит много. Не удалось мне показать вам всю повесть, жалею. Мне некому показывать, Вы это знаете. Читаю и исследования. Мне очень понравилось, как один рыцарь (дается образ Александра) признается даме: «только когда любовь угодила мне в сердце, я стал другим, а до встречи с вами, у меня был один помысл: или кого-нибудь убить или самому быть убитым». (Я этого рыцаря нарисовал). В процессиях Дамы со цветами вели разговоры о любви.

Рыцарский идеал: любовь и милость. Хочу взять для матери Бовы: «потому что я тебя люблю, я прощаю».

В «Деле» после Пантелеймонова напечатают мою карточку. Там будет о Дягилеве – «Дворецкий», а обо мне Мазурова, она меня знает с 1949 г. – а что я писал до «Пляшущего демона» она не читала, и все-таки это лучше Адамовича, который 25 лет ищет ключ к моему. Как было б хорошо перепечатать ваше – 9 февр. 1941 г. Так и подписать.

Верьте мне, ваши сказки от чистого сердца и выражены полнозвучным словом.

... я убрал свою комнату, завтра принесут пылесос, а вас нет и похвастать не перед кем.

Очень обрадовали Замятину, я передал вашу книгу, и сделал надпись Комарову.

«Как и чем могу поблагодарить?»

– А напишите портрет. (Комаров художник).

Пришлите мне вашу фотограф. карточку, с нее и нарисует.

Жду вас.

А. Ремизов

Сегодня Никола Вешний – 9 мая с/с и свет и теплота и ваше письмо.

8 VI 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

День за книгой – трудное: тексты – а в поздний час вы приезжаете и я разговариваю с вами. Так всякий день.

У вас заботы, а мое книжное – воображение, я живу чужой жизнью, но как будто сам живу: Tristan et Yseut.

Раскрытое окно. Раз «африканский доктор» водил на прогулку: с 3V – в первый раз. Я смотрел на дорогу – «выхожу один я на дорогу» и думал как вы едете, а навстречу цвет земли или пустыня – ее тайные глаза. И своей тайностью пробуждают память, как меня слова из тысячелетий.

Я думаю, в пробуждении весь ход жизни, если конечно есть в человеке чему пробуждаться.

... В субботу приходил самый молодой, посвященный в святилище. Jean Paulhan его напечатал в Cahiers de la Pleïade, зовут Claude Nerguy, парижанин, 21 год. Ко мне потянула его не «кровь», как старших из молодых, а «мысль» и «слово», он это почувствовал сквозь бедный перевод, а я бы сказал «ритмика». Paulhan его выбрал за «стиль».

«Как попало» писать – русская доля ...

Я очень безпокоюсь, как вы: жара, зубы и, как все сделать, чтобы все было. Жду что Н.Г. принесет мне вашу рукопись – это будет для меня как роса. Боюсь окостнею.

Думаю удастся ли мне издать Мелюзину? На «Оплешник» какая надежда – я добился «Бесноватых», но что это стоило вы знаете.

Почему-то на «Бесноватых» не откликаются: Руманов ответил, но ни Адамович, ни Вейдле ни Pascal. А когда выйдет Мелюзина, я получу единственно от вас.

Снятся мне чудные сны: сегодня: появились пасхи, но не из творогу, а «морские» и это всех возмущает и все обвиняют меня: «морские»!

Как и прошлое лето в госпитальный сад прилетела птица. Разъезд и оттого в вечерний час тихо. Отрываюсь от турниров, убийств, волшебниц фей, я прислушиваюсь, какая печаль в этой однообразной песни! Вспоминает ли она о покинутом мире или забыла и не может вспомнить или кличет – без отклика, эта моя единственная вечерняя гостья.

А. Ремизов

12 VI 1951

Дорогая моя бубуня, зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

... О Горьком я потому еще хотел бы видеть напечатаным свое: 15 лет со смерти (1936) человека «высокого сердца».

Если полагается какой-то гонорар, было б лучше, передать вам для меня. Посылаю единственный отзыв о «Бесноватых». В примечании от редакции надо было б вместо «сожалеет» сказать «радуется», п.ч. был я всю жизнь сам-по-себе.

Муаллякат – черный камень с древними загадочными письменами висит в воздухе в Мекке.

Продолжаю тексты о Тристане и рисую. Когда кончу, возьмусь за 3-ью редакцию «Февроньи». Я замечаю, что ученые исследователи только цепляются

за явление жизни и соединяют их внешне, не заглядывая под эти явления. В «Февроньи» спутали Змия (огненного с белыми крыльями) со Змием-Драконом (зеленые крылья, не огненный, а упругий). В Тристане, его захлебывающуюся любовь подменили мелочным недоверием.

Я как урок учу, читая по строчкам. А если б этого не было? Вы, я знаю, понимаете что это не все.

Подхожу к двери и с тоской возвращаюсь к строчкам или прислушиваюсь (невольно) к той залетевшей в госпитальный сад одинокой птице: серая с редкой порошой – голубые перышки или как вчера вдруг увидел, глядит в окно налитый серебром месяц.

Я по тюрьмам много сидел без прогулок и свиданий, не с кем было, и тоже оторвусь от книги и прислушиваюсь или к запертой двери подойду и назад «зверью».

Это письмо пошлю через Лурье на почту. Если будет какая задержка, верьте, не от меня. Последняя моя запись вам на «Пляшущем демоне»: «верно и неизменно».

А. Ремизов

17 VI 1951

Дорогая моя бубуня взвихруня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

…Мучаюсь в вихре Тристана и Изотты: на распутье, где расходятся французский, итальянский и русский тексты (редакции).

Скоро я вас увижу. Савченко обещал показать мне все фильмы и с Муфтием и Новобранцем. Но спросить не спросишь….

Вы от Сан Франциско ближе, последите за выходом «Дела». До Парижа дошло только две книги Муфтий и Даша.

Мазурова пишет, что в «Сказочнике» я живой и верный. Да лучше вас никто и не напишет.

Лурье – от грозы перегорели лампочки – принес и рассказывал, как детям читает переводя на франц. ваши сказки и как они просят: «еще»!

Как надо омашиниться, чтобы пройти мимо, не чуя вашего великого дара. Ваши книги сторожит Пифик – «попуга» (от слова перепугаться), он сидит на полке в стеклянном шкапу, рядом какао.

Как я жду ваших сказок! Для меня живая вода. Во второй раз с вашего отъезда (4 мая) африканский доктор выводил меня на прогулку по солнцу: мне показалась, осень – желтые листья на тротуаре, летят. Еще не отцвел Купало, а мне видится осень – яблоки, мёд и виноград.

А. Ремизов

29 VI 1951

Дорогая бубуня-зыбуня-кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

... Приходил Никитин прощаться, оставил конверт со своим адресом: написать ему чем и как все кончится.

Альбом Тристана кончил – 175 картинок, отдал в переплет. Отделываю повесть о Февронии (1288), жила при Бове королевиче, когда Русь была татарским улусом, и царем Батый.

И начал круговое построение «Мертвых душ»: круг Ноздрева. Надо закончить к февралю 1952 г. (сто лет

со смерти Гоголя) Мучаюсь, читая – мой экземпляр для меня бледный, у вас ярче.

Так проходят мои дни. Лето спешит. Теплого времени все еще нет. И я безвыходно.

Сличая тексты Тристана, я понял, что такое переводить. Последнее письмо Изотты о белых парусах: Beau doulz ami je vous demande...

И послушайте, как передает бело-русский человек XVI в. 1580 буквально непередаваемое: Beau doux...

«Пане, як рыба без воды не може
быти жива, так я без тебя не
могу живи быти (или просто жить)».

А стало быть гнаться за каким-нибудь переводом зря: надо воссоздавать словом чувство, а это может только автор, если знает иностранный как свой.

А. Ремизов

В сегодняшних газетах объявление, что на днях выходит «Подстриженными глазами». Почему такая торжественность, не знаю.

6 VII 1951
(Ночь под Ивана Купала в России)

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Читала вашу книгу ученица Паскаля M-lle Lugan – очарована. Когда вы будете в Калифорнии напишите мне ваш адрес. Я пошлю вам «Подстриженными глазами». Посылать в Нью Иорк боюсь, не застанет вас, передать на Cardinet, это не письмо, заваляется. Мне

дали всего 20 экземпляров, пошлю только Вайнбауму и Мазуровой, а то придется покупать со скидкой (30%). Обложка черепичная, на солнце выцвела и смотрит, как печной изразец. Я говорю «голландская черепица!» Без картинки, я рисую на обложке, можно принять книгу за учебник по физике. Вот что значит: «слепому и широкая дорога тупик».

«Если бы тут были, повторяю, если бы вы тут были!»

И тоже: отделываю «Февронию», там явление «огненого Змея», известное в сказках, а в медицине не значится: мое исступленное вызывает в моих мыслях образ и я его вижу рядом с собой, но не только я вижу, а и другие со стороны.

Ясно ли у меня выходит, спросить некого.

Для Тристана и Изотты, о которых не перестаю думать, мне надо:

Ж. Бедье, Т. и Изольда. Перевод А.А. Веселовского с примечаниями проф. Трачевского СПБ 1903. Не могу найти в Париже. Спрашивайте нет ли у кого.

Увидите Вайнбаума, скажите ему, что посылаю «Подстриженными глазами». Я посылаю простой бандеролью.

А птичка, о которой я вам писал, вовсе не погибла, а сидит в гнезде молча: пора́ песен кончилась, глаза на отлет.

Всегда думаю с тревогой о вас. И с болью когда вечером – вечерами тихо – вдруг услышу музыку (музыка чувство живого мира). Это мое, как себя помню.

А. Ремизов

Приснится ли мне сегодня Купальский сон? Сон не гадание, я верю.

8 VII 1951

Дорогая моя бубуня, зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Венаминович!

Вчера видел вас, пробовал заговорить, но безответно. Потом я увидел себя. Я никогда не думал, что во мне так мало *человеческого*, особенно когда «идет к столу». И это большая редкость, что Сувчинский (музыка) и Р. Якобсон (слово) согласились со мной сниматься. Я весь исполосованный. Помню год тому назад, когда фильмовали, какая черная пелена вдруг закрыла мои глаза.

Посмотрите, какое благодушие у А.Н. Бенуа или какое сознание собственного величия у Муфтия, а ведь тут – во мне – что-то озирающееся не из боязни наступить на кого, а что бы на тебя кулаком или ногой не прошлись.

Тяжелое впечатление остается от этих моих снимков. Париж 1950 год. И это хорошо что я сижу дома, а не на людях. Вчера в четвертый раз сделал свой собачий круг под глазом африканского доктора.

Пантелеймоновского номера еще не видел. Боюсь, что сокращениями напустили мне созвучий, что хуже всяких опечаток.

У них мое лежит: окончание «Оракула», «Дворецкий» (Дягилев) и «Дягилевские вечера в Париже».

А. Ремизов

20 VII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Спасибо: чек получил 3000 фр. (за Горького) и Лурье отдал в банк. Книгу послал вам в Нью-Иорк...

Много было волнений и улеглось: заплатил тэрм, за электричество, за газ и за белье. А неделю мучился дрался на турнире и кто-то из рыцарей ударил по правой руке. Был др. Зёрнов, сказал, что невралгия, и теперь поджило. А то от сна отбился. О Горьком получил, спасибо. «Зеленая осень» переведено с ошибками. Есть хороший перевод «Ослика». 1 августа все закрывается, уедет и Лурье. И я останусь в поле один. Даже Емельяновы уезжают. За то будут мне снится сны. Получил из переплетной Тристана и Изотту. А еще не хватает сцен. Хочу закончить Ноздрева а потом опять примусь за Тристана. Так проходит моя угарная жизнь. Мне не нравится моя «Феврония», в ней я не слышу визга боли, она «мудрая», а значит, спокойная. А ведь мне надо чтобы человек от тоски загрыз землю, это моё.

У Февронии есть гнев и магия, но какая ж во мне магия, и потому выходит формально (словесно).

Возил меня Чижов на кладбище: на могиле белые цветы, а из прошлогодних у креста красная гвоздика. Как я плохо вижу, едва разобрал надпись. Я был один. Осторожно пробирался среди плит. Все себя убеждаю замолчать и не могу.

А. Ремизов

Известите когда дойдет до вас книга: послал не заказной бандеролью, а просто в конверте. (Книга

стоит 1200 frs, но т.к. меня никто не покупает Lowrie поставил в убыток YMCA – 800 фр. Стало быть, без какой-то жертвы я существовать не могу, живу в тягость людям).

2 VIII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Денег из Н.Ж. я не получал. Да верно, как и из Н.Р.С. без вас не получу. Представитель Н.Ж. в Париже А.П. Струве о новом тарифе гонорара (5$) ничего не знает. Обо мне нет никаких распоряжений ни по новому, ни по старому.

Упросил выдать мне авторский экземпляр. Все, как с Н.Р.С.: если бы вы не просили о Горьком, так бы я и не узнал.

Сегодня первый день прощанья с летом. Зацветают осенние цветы. И по утру свежо.

Из Стокгольма получил гнома Агрика, сковал меч, вместе с Пификом сторожат ваши книги.

А Бесноватых и стеречь нечего: никто не покупает.

... И разве я могу выразить весь этот пожар – горит – и кругом только горючее и не вырваться: пригвожден.

И вы понимаете, как мне трудно высказать-изобразить мудрость, вы правы, мудрость не пламя, а иссвечает над бурей, радуга – мудрость.

На следующей неделе начну IV ред. Февронии. Заканчиваю Ноздрева. Написал о Шмелеве. И надо примечания к Брунцвику, который пойдет с Милюзиной.

Начался месяц пустыни. Надо пользоваться молчанием и тишиной. Все сделать невозможно, но хоть часть без окончания.

Очень давно не гулял (гулял!?) – запил мой поводырь. И Емельянова нет. Но все равно – окно раскрыто.

Последнее время, когда никого нет, на меня посыпались всякие (не трагические) беды: надо отвечать, поправляя и распутывая. И это нарушает и мое молчание и тишину.

А. Ремизов

12 VIII 1951

Дорогая моя бубуня, зыбуня, кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Еще помните ли меня или пустыня заслонила Париж и мою кукушкину. А как часто я о вас думаю, вспоминая, и во сне снится мне все чаще, что вы и не думали покидать и остаетесь в Париже и только буря взорвала путь и заглушила мой голос.

Неделя с электричеством. Такая темь и в окно стучит – хрустальные пальцы. Так мне гулять не повезло. На шести остановилось. И я носом в книгу, не шевелясь.

Денег из Н.(овый) Ж.(урнал) я не получил. (В магните 9 страниц) Л.П. Струве, парижский представитель Н.Ж., он мне дал № 25, но о гонораре «нет распоряжений».

В«Подстриженными глазами» есть хорошая опечатка на стр. 203: у меня: «моя живучая непокорность» а в книге читаю: «моя живущая покороность».

До 203 страницы едва ли кто дочитает, а если и дойдет, не заметит: книги читаются глазами, а глаза слабеют.

Закончил о Шмелеве из Мышкиной дудочки и Историю повести о Брунцвике. Пишу представляя Ноздрева и рисую. Чтобы добраться до его сути надо и работа и чтобы вдруг блеснуло. Все ведется от моего имени, я Ноздрев.

«Я не средней руки щенок, я мордаш-доброй при-природы, хорошее чутье». А весь монолог кончается «Бей его»!

За разрушенную мечту и как я ошибся! Потом сон: «Ведьма вошь». А монолог не знаю еще: возможно назову «То есть».

Гоголь сам не знал, что у него вышло и что такое Ноздрев. И сам он замечаниями, а того больше критики снизили и растоптали образ человека, который хочет, чтобы все было «совершенно».

«Февронию» временно отложил, но к 1-му сентябрю вернусь. А о Изотте ищу текстов: она живет во мне.

Так проходят дни. Такая тишина в доме и на улице, сегодня проснулся в 11 часов.

Как я соскучился о сказках!

А, Ремизов

12 VIII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Обоих вас вспоминаю: и в Париж заглянуло лето. По утрам туманы, а тепло. Пропущу эти дни и безвыходно зазимую.

Наконец узнал что Подстр. Глазами вы получили. Спасибо. И за вырезку из Н.Р.С. спасибо. Странно мне слышать о себе: мне всегда приходит на мысль сравнение с уже читанным или сказанным.

Когда вы слышите мой отзыв о вашем, вы мне не можете не верить, та́к говорю я только о вас, ценя ваш талант – дар Божий, а вы слышали, что бы я говорил так еще о ком!

А когда и тот и другой и третий и все замечательные, нет доверия.

Как быть с Адамовичем? Я не американский писатель обо мне двух отзывов Вайнбаум не пропустит. Если увидитесь, спросите и объясните, что Мазурова написала по поводу, а не «критику».

Это ничего, что Адамович меня не чувствует, меня – мою душу, но с грехом пополам (не знает истории литературы) подойдет к моему с литературной меркой.

А до чего он меня и не понимает! Заговорили о музыке и я повторил о распахнутых окнах, туда́, в мировое чувство жизни. «А Стравинский говорит, что музыка математика». Вы чувствуете, мы говорим о разном. И мне ли не знать, что музыка как и литературное произведение – «математика». И вы это хорошо знаете по себе и что такое переброска слов, как не алгебраическое решение уравнений. И только это наше русское несчастье не понимают и в России и в Париже.

«Иванов, не этот, а глухой, сказал мне Маковский, принес мне замечательный разсказ из парижской жизни, правда, написано не так-чтобы»!

Я посоветовал послать в «Дело».

В «Деле» ваше – я живой. Опечаток не замечают, а в моем вы́ поправите. В Париже продается. Ваше всем по душе, кто знает меня.

Дорогая моя бубуня зыбуня и кукуня, за опечатки следовало бы в тюрьму сажать, а нам остается, только огорчаться и помнить.

Память развивают, даже есть молитва на «памятословие», но кто научит «забыть»?

Но я не хочу никаких забвений. И пусть из исколотого мяса вылетит огорченная душа – я буду чувствовать себя свободнее смирившимся и в лунном луче зачарую живую душу.

Ваша бумага по глазам. При переписке оставляйте поля́ и не сжимайте строчек, чтобы было место заменить другим словом.

Тружусь над математикой: отделал I ч. Февронии: о змееборце Петре. За работой впадал в уныние.

А есть два греха: дух праздности – болтовня и уныние: я никогда и ни на что и никому.

А. Ремизов

30 VIII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Неужто я никогда уж на этом свете не услышу музыку: люблю ее до боли.

Два дня, как у нас лето. Появился африканский доктор и 9-ый раз выхожу на дорогу...

Есть две силы творчества: любовь и унижение. Пробираться по стенке, скрепя сердце – это не развалясь ехать есть мороженное 5 порций хапом. В этом году не пришлось «по случаю ненастной погоды». И еще я помню чувство: человек не обороняется: «Добивайте»! Самое трудное помнить чувство. Я не

помню ни голода или что такое жарко или холодно, а вот это на всю жизнь: любовь, унижение, отчаяние. Как я обрадовался, встретив в письме строки о Чайковском. И мучаюсь догадываясь и не могу разобрать...

И опять моя комната, но не в гараж, не в «мертвецкую» стену, а в весеннюю даль, где свет пронизан звуком, а звук цветет. Лицом в окно Бубуня в голубом, волосы на ее голове смешались с воздухом. У стола Ися, всегдашний (красивейший из тех, кого я встретил в жизни), уверенно: «Нечего и обижаться, да, я издал книгу Н.В. о Гватеммалле».

... 1-ая редакция Ноздрева и сон его «Ведьми-блохи» закончил. Осталось – два альбома отделать. «Мертвые души» я затеял представить, как когда-то «Идиота», только тут работы больше.

Мешают «вдруг». Я космический и чувствую на расстояние. Ямайка отозвалась: вдруг 38° предгрозье – поднялся среди ночи пить чай и съел «фисель», а потом встаю на стук: электрический счетчик – 11 ч. утра. Н.Г. так и не пришла — чек храню в правом ящике. А придет, попрошу прочесть сказку. Хочется новых образов, своего мне мало.

... Прошло 4 месяца, как вас нет, а не могу привыкнуть и ждать спокойно, как утра, как вечера, как ночи ждут «добрые люди» (по Гоголю).

А. Ремизов

Слоним еще не был, не был и Рожанковский. И за эти 4 месяца в рот не попало никаких шампанских. А что может быть скучнее трезвого.


ДИМНА
ИХНВЛАТ
ДАМАНАКА

2 IX 1951

Дорогая моя бубуня, зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

... Вчера-суббота – сразу набились в «кукушкину». И Бахрак и Адамович – читает П.Г., потому и пришел. И один польский художник граф Чапский из круга Дягилева: читал Норвида, с которым у меня много общего, нет только польской мистики, наше залито кровью, а они истончены.

«В начале была кровь,
сияние крови – Слово»

Это мое.

От Сувчинского узнал, что в музыке первым идет Boulez француз и опера Стравинского, идет в Венеции, кажется беззвучной. Расспрошу, какую звучную революцию подымают в Париже.

В УМСА перемены. Лаури ушел на покой, назначен молодой американец – ответственное место, а меня прочесть не может. Какой-то русский, нетвердый в русском, научил его белиберде из русских слов. Несчастный американец сел переучиваться.

«Синий ока́л заката», «снежные на́струги» – звучит ему по-индейски.

Боюсь что мое в УМСА больше не пройдет: ни «Иверень», ни «Оля» (четыре части). Вот почему мне остается один «Оплешник» и не больше 100 страниц.

И мне надо быть благодарным, что печатают в Н.Р.С. (без вас едва ли удастся) и в фантастическом «Деле».

Для юбилейного сборника УМСА – 30-и летие. Я заметил, что за 30 лет деятельности влюблялись, ревновали, женились, но никогда не ссорились, я предложил назвать сборник «Радуга» – память мира.

Есть ли вам какая передышка или вы все жаритесь? Лурье говорит, что сентябрь будет ясный, тепло и в 10-ый раз я выйду «на дорогу», я не верю и посматриваю на радиатор согреть «кукушкину».

Ваши большие письма я получил, они обдали меня теплом, а теперь вклеены, греют шкап.

Обнаружился Иваск, он лектор в Харвардском университете. И Степун ответил: он вам напишет, когда прочтет «Сказки». Я ему написал ваш парижский адрес.

И в третий раз я вижу вас обоих – знаю этот сон хороший. Но вы не верите, вы думаете, я сочиняю.

С каким чувством жду я и вашу сказку и ваше слово.

А. Ремизов

8 IX 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня суббота 8 сент. (26 VIII с/с) день Натальи-овсяницы именины Бубуни: Не свет, не заря разбудили ее торопыги рогатые кусатые и я с ними: кто цветы, кто ягоды, а у меня память ярче светляков и крепче винограда...

Дорогая моя кукуня – именинница! Сколько у вас непохожего. Именины – день пожеланий, храните это ваше ненастоящее – в нем свет и музыка.

Сейчас, когда я отделываю написанное за эти месяцы, чувствую, что осурьёзился, не чувствую теплоты, один отточенный серый каллиграфический набор. И вспоминаю ваше, вас – живое и как жизнь без начала и конца в последовательности «безпорядка».

И еще раз повторяю Исе: какая счастливая отпущена часть на его долю: ваша встреча.

Пишу, как завещание пишут в здравом уме и твердой памяти. Окно раскрыто. Мелкий теплый дождь. Осень. В Лондоне затопили камины, не пора *ли* мне вечером зажигать радиатор?

Вчера выходил – 10-ая прогулка все небо в тумане, не леса горят, а испарина, так от дождей промокла земля и зверкам не просушить хвост.

Вчера приходил еще один молодой будущий француз, его привело – l'«Office des Diables» и я подумал: старая культура – кому б пришло в голову заниматься моими Бесовским действом? В Америке культурные учреждения, но литературной культуры нет. Русские за стеной Толстого и Достоевского и в этом наше счастье. И я вспомнил прошлую субботу – Адамовича, разговор – но он меня совсем не чувствует, за вёрсты смотрим друг на друга, я замечаю по его вопросам. Как непохоже с вчерашним, мне не легким отвечать по французски, только приблизительно, намёками, но о своем.

Получили ли Подстриженными глазами? По случаю ваших именин Thylette Лурье принесла мне соль (рыба) будто бы сама поймала на Океане. А Резниковы так и не вернулись, зачарованы Вандеей, старинными церквями, траурным нарядом, бурями и синим плеском.

А. Ремизов

21 IX 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня праздник Рождество Богородицы – начало Бабьего лета. А мне исполняется 49 лет.

Какой я тогда был гордый! Да что говорить, 5 лет тому назад я задирал нос.

Кончил IV-ую редакцию о Петре и Февронии муромских (1228). Тема: неразлучная любовь. Надо бы и в пятый переписать, но я так мучаюсь, разбирая свою рукопись, решил на машине: яснее для исправлений.

Нерадостно писалась эта повесть. И никому не читал. Или вернее: ничей глаз не заглянул в мою рукопись. Завтра вернусь к Ноздреву. Буду мучиться не над словами и как их разместить – слова и порядок слов, все у Гоголя – а построением из этих слов: я хочу представить по Гоголю такого Ноздрева, которого почувствовал Гоголь но не ВЫСКАЗАЛ или сказал не по своему чувству...

... 49 лет моего печатного слова, никогда не безразличного промелькнули перед глазами памяти.

Никого не было. И никто не стучал. И по лестнице шагов не слышно. И все-таки я подходил к двери и прислушивался далеким ухом.

А. Ремизов

22 IX 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Как я обрадовался Исе, даже голос у меня упал – я себя слышал издали и наблюдал за собой, а такое бывает только при встрече. И сейчас же я надел ваш гранатный «арматур» такой я видел на Одарченке, но от него несло спиртом, а тут почуялась яблоня.

С Исей пошлю Пифика и Агрика (карлик, к-ый сковал меч). И рассказы о 13-и квартирах в Пензе – как решите, предложить Вайнбауму.

Мое письмо (21 IX), я послал его сегодня на Cardinet, прошу Исю переслать вам.

На вопрос как живу, у меня один ответ: безрадостно. И я думаю, что все что пишу сейчас, все не живет, а только выкарабкивается безпомощно, и не звенит, не стеклянное, не серебряное.

У меня нет отклика, вы это поймете. Сегодня я ничего не писал: очень взволновался.

А. Ремизов

24 IX 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

И еще один день провалился (в вечность). Чувствуете, как я живу, замерзая. Мою неразлучную любовь – о Петре и Февронии отдал Горской переписывать. Выходил на волю, как в меня уцепился ветер! воротником отбиваюсь, перешел на ту сторону – там осеннее теплое солнце.

Написал С.Ю. благодарность за $ 3 и голубую безрукавку, Ися с вашей гранатной оставил мне. Прошу С.Ю. повести вас послушать, когда будут играть Чайковского «Трио». В виолончели вы услышите мое: и разве могу забыть я. Ися мне говорил, что напечатали «Вавилонское столпотворение». Но этого № я не видал.

Письмо W.E. Harkins: хочет получить степендию на Париж писать о моих «художественных произведениях», и от меня надо ему согласие, что облегчит получение стипендии. Он в Колумбийском университете лектор.

Он пишет, что «он со мной не знаком, но возможно, что меня помнит ваша знакомая Г-жа Кодрей, которая хорошо знает Владимира Мансветова, моего бывшего домохозяина».

Если Вы помните Harkins'а напишите мне ваше мнение. По русски он пишет, как видите, не твердо, согласие я могу написать, но что-то не чую, чтобы мое ему было по руке.

А. Ремизов

25 IX 1951

Дорогая моя бубуня кукуня, зыбуня-топтуня
и бодуня Наталья Владимировна!

Пишу, что взбредет: боюсь не успею сказать.

Когда то я дал Исе «Пляшущ. демон». № 1. Обещал переплести, я хотел на этом редчайшем для библиофилов экземпляре сделать вам надпись. Переплета я не дождусь. Возьмите этот экземпляр с собой, с архивом. На случай, куда отдать книги, я думаю в *Академию Наук*.

Или сами увидите, как пойдет жизнь, Ваша жизнь, продайте все мое в какой-нибудь Харвартский университет – много дадут, и все берите себе на жизнь.

Мне вы так много сделали, хоть чем-нибудь расквитаться. И это не дожидаясь моей смерти.

Но если, я верю, все у вас будет – не будет такой моей выглядывающей неверной жизни, у меня есть неизданное в 2-х экз. Например:

Плачужная канава (1 экз. у вас в архиве)

IV ч. Оли (Голова Львова) 1 экз. у меня другой у переводчицы

и еще другие книги. Ведь в России этого не издадут. М. б. следует присоединить к Архиву и простой экз. Пляшущего демона, Ихнелат и Бесноватых – чтобы было все вместе.

II. Не от нетерпения моего, а из какого-то страха – уверенности я поспешил с изданием Бесноватыя и все, что у меня было, отдал на издание (50.000).

Так думаю, сделал бы и для издания Мелюзины и для Бовы королевича, будь хоть какая возможность.

III. Вайнбауму я послал «Три письма Горького». Уверен не напечатает, я никого не ругаю, а это «для читателей скучно». Я говорю о большом сердце Горького и как пример, я привожу свой случай: при его отрицательном отношении к моему, хотя он и называл мое – «живая лаборатория русского языка» – он спас мою рукопись «Плачужную канаву».

Рукопись возьмите себе. Если удобно дайте Марье Самойловне. Мне теперь все равно где меня напечатают. В Новом Журнале, в Н.Р.С. или в «Деле».

А. Ремизов

1 X 1951

Моя навечно дорогая бубуня зыбуня, кукуня
Наталья Владимировна!

Ися сказал, еще 4 месяца, я добавил: когда зацветут каштаны, но мое шестое чувство –? Я смертельно зябну, мне в душу ударил мороз, и я не договариваю. У меня была мысль: заняться чтением Даля, час урока. Искусство начинается, когда вы по написанному СОБИРАЕТЕ звуки (слова), но для этого надо иметь слова.

Мазуровой я отвечал на ее вопросы, как пишут в анкете. А вам и без вопросов было много и о многом сказано.

Харкинсу я написал, что готов помочь разобраться и рассмотреть, и дать определение моим книгам. Ссылаюсь на П.Д. (Пляшущий Демон) где библиография, предупреждая, что в Париже моих русских (1907-1921) очень немногие, а всех не найти.

Из живой жизни: Адамович уезжает на зиму в Манчестер читать лекции. Копытчик – в Рим, где Оцуп пишет о Гумилеве. Копытчик редактор в «Деле» с № 5-го, весь материал у него. Из Венеции вернулся Паскаль, в Сорбонне будет читать о «Бр. Карамазовых». На будущей неделе в Opéra будет поставлена опера Стравинского. Сейчас прошла в Венеции гонорар $ 25.000, сам дережировал, а я и за 10$ низко поклонюсь. В Баден-Бадене (франц. зóна) фестиваль Новейшей музыки – Булэз Boulez). От французских музыкальных критиков Сувчинский. Jean Paulhan выпустил «Префас к критике». Видите как живется.

... Сегодня 1 октябрь. Не шторы – туман загородил свет и стекла заплаканы. Зажег радиатор. Забьюсь в комнате ждать когда зацветут каштаны.

А. Ремизов

5 X 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня
Наталья Владимировна!

Попытайте счастье – вот вам весь «Кочевник» – мои 13 комнат, тюремная не считается. Я получал из полиции всякий месяц 6 руб. 40 копеек – доля ссыльных чтобы было на что прожить.

Если печатать комнату за комнатой получится картина. Мне было 20 лет, а 22 погнали на те же 6 р. 40 к. жить Среди сырых туманов.

Все это войдет в мою книгу «Иверень». Но увижу ли я ее изданной? Потому мне и хочется увидеть напечатанным хотя бы «Кочевника», да и целее будет. Этот «Кочевник» – мое терпение. И как судьба «играет» над моей волей. Вот когда это началось. Но что из того, что я это сознаю. И мне удивительно, как это я заканчиваю мои книги. Я писал урывками. Это началось еще в Петербурге.

И еще я нигде не сказал всеми словами, как в Грудцине о своем отчаянии, о нелюбви – люди, среди которых я жил, меня не любили, сторонились кое-что сказано в «Подстр. Гл.», если суметь прочитать.

В моей природе нет зла, никому не желал несчастья и нет злой памяти. (Если бы вы меня читали, вы это заметите и в «Батые» и в «Горьком» и в «Дворецкой» Дягилева).

От встреч у меня осталась горечь и недоумение: «как это возможно?»

Различать, что тоже оценивать я помню, давно. Ни на кого не наседал со своей оценкой, всегда жду, когда заговорит сам.

На моих глазах вы выросли да и еще подыметесь я верю. И это само собой придет. У вас вдруг раскроются глаза. Все это относится к литературе.

Научитесь читать не только глазами, пробегая глазами строчки. Проверяйте каждую фразу: не говорится ли «истина», «общее». Помните и это вы вычеркнули: «хорошо зимой у кого есть шуба».

Каждую фразу – в черновике запись в общих принятых выражениях – проговорите себе и услышите, как звучит она по другому. Все это я по себе знаю, в этом моя отделка моего.

Хороших людей (сердечных) больше, чем это думается, а середины человеческой «жижицы», ею вся земля залита.

Мне любопытно (проверка) что может сказать Адамович, открывший такое убожество, как Шаршун, человек с большими ушами, но с глушинкой, умный, но не Лев Шестов. О себе я читаю у него одни пошлости о «Пляш. Демоне», о «В розовом блеске». (Новоселье) Бахрак ведь то же умный, да чего-то не хватает.

А. Ремизов

8 X 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна,

Как вас высоко ставят французы, каждая ваша сказка шедевр и вас следует представить (издать) книгой как Гримма и Андерсена.

Перевод точный должен отделать французский писатель со «сказочным ритмом».

Когда придет Ися перед отъездом передам ему письмо.

Конечно сотрудничество с французом обойдется издательству очень дорого, но они хотят издать вашу

книгу. И не прогадают. Начерно перевод будет сделан точно, за это ручается Паскаль.

R. Bienel, Директор Desclée, получив восторженный отзыв от «Бориса» (сын художника, узнаю фамилию), был очень удивлен, среди русской эмиграции есть такие таланты.

Ваша сказочность редчайший дар и я понимаю восторг этого «Бориса». А помните, вас толкали писать рассказы. Пускай кто хочет пишет рассказы, повторяя в 1000-ный раз одно и тоже, но не вашим глазам и не вашей руке подносная явь.

Вы завоюете весь мир, я это знаю и тут мое 6-ое чувство говорит мне. Не соблазняйтесь только американскими названиями, американизмом, вы руская – и земля под вами русская, а они – на жердочке.

Дорогая моя кукуня, чувствую, как вас надо облу́чать и как бы я вы́лучил вас. И показал свое на ваш суд.

А. Ремизов

8 X 1951
Сергиев день

Бедная моя кукуня
Наталья Владимировна!

Я знаю, что такое глаза: я был ранен осколком стекла в бомбардировку 3 июня 1940 и представляю себе, и потом повязка, которая застя горячит: сорвал бы!

Заболи кошки у
Заболи собаки у
Подживи Бубуни у

Когда Ися вернется, вы будете глядеть в-оба. Он был только раз по приезде, жду его перед отъездом. Вчера

была Н.Г. Нарядная в костюме, а совсем-то развалилась – она говорит, что Исю разрывают: заседания. Я просил 10 экз. Сказок. Все продал. С Исей расчитался, берегу 3000 фр. – что продано за неделю. А один экз. послал в Амстердам, передал Лурье. И еще просил Н.Г., если она найдет принести мне Мерт. души. Ваш экз. крупнее и отчетливее. Сегодня по своему мучился весь день – 3 страницы одолел.

Вот мое 6-ое чувство, какая тревога охватывала меня последние дни и я вздрагивал при каждом шорохе: мне казалось за шторами кто-то и руками, а распахнуть не может, а ночами слышу стонет. Я знаю никакие силы и пространство не расторгнет мое. Но с какою болью живу – «вот еще день рухнул в вечность!» Если я так отчаянно зябну, а еще не скоро затопят! – у меня душа мерзнет. Вы едва ли это поймете. Этот «терм» у меня прошел без одолжений у Унбегаун, Лурье сберег что получил от вас – Н.Р.С. и те от Нов. Жур. Я ведь чувствую всю вашу заботливую мысль.

Заходил Бахрак, на неделю в Милан, а Адамович в среду в Манчестер по контракту на год. Это хорошо, что Вы ему написали о статье, ведь он был у меня всего раз мгновенно и приходить не собирался, передать ему я никак бы не мог.

Мое заклинание читать надо по-восточному. Д.б. от холода вижу во сне вы принесли мне жареную курицу, я оставил на завтра крылышко и ногу а все в один кус и с косточками.

А. Ремизов

12 X 1951

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна!

Ися был во вторник, сегодня уезжает. Он дал мне 4000 – за $ 10 (Вавилонское) и за вашу книги половину 1500 фр. Прево привезет мне 10 экз.

M. Rounault (управляющий Desclée «s'emballe» вашей книгой. Пока он намечает пригласить Alexandre Arnoux. Известит. Надо точный перевод – это будет делать Холмогорова (Cost по третьему мужу), она и в издательство будет ходить: она тоже s'emballe вами. Rounault хочет на Рождество для рекламы напечатать сказку в Les Nouvelles littéraires. Или Ослика или Голубую лошадку.

С изданием по французски они – издательство-могут устроить Английское и Немецкое.

Распрашивают о вас. Конечно, будь вы в Париже, все пошло бы быстрее и легче. Пишу это письмо второпях, чтобы передать Лурье.

Меня так волнует, опять я не мог заснуть. Когда я все устрою, я могу с вами спокойно проститься. Я радуюсь и горжусь.

А. Ремизов
замерзая

Напишите как вы себя чувствуете? Ися вам расскажет о «кукушкиной» промерзшей и покинутой.

Когда все станет на место, я напишу заметку, а вы передадите Вайнбауму. Это будет иметь значение для русского издания.

«Подстр. глазами» не продано ни одного экземпляра.

16 X 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

... Продолжаю Детство-Отрочество-Юность Чичикова. Ноздрева принесла Горская, и его пошлю вам: 21 февраля 100 летие со смерти Гоголя. Пошлю загодя заказным незапечатанным «papiers d'affaires» в неделю доберется до вас.

Начал для канвы французскую современную версию Тристана. Имена другия и без фей. Но мне нужен КОСТЯК для моего Тристана.

Все думаю, не заклёкнуть бы вам без русского в американской ча́вке. Возьмите Мельникова-Печерского «В лесах» (четыре тома) «На горах» (четыре тома) и читайте *медленно*. Чтение глазами, пробегая строчки, для железнодорожного развлечения.

Если бы вы были в Париже, кроме словаря вы мне читали бы «Повесть временны́х лет» хоть час в неделю!

Одному мне не по глазам, а это необходимо – наша первая летопись.

Дорогая моя кукуня, сколько раз я повторяю о вашем высоком даре, а потому надо учиться.

Я нашел дешеваго переплетчика, и понемногу переплетаю альбомы. Думаю, так сохранятся, и отыскать легче наклеиваю. У меня 8 альбом.

А. Ремизов

И опять не спал: твердил строчки из Тристана.

22 X 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Очень безпокоюсь, нет от вас отклика. В субботу затопили и в комнатах пар: и от куренья и от сырости. Это пройдет, конечно, и все-таки надо переболеть. На меня это действует снотворным. А на воле туманы, как прошлой осенью – год прошел с выхода вашей книги. Я ее отдам в переплет и она будет с наклеенной из газеты моим Величанием.

В УМСА лежат две мои книги: Иверень и Оля (четыре части), было собрание и меня обошли, а взяли Мочульского о Андрее Белом и С.Л. Франка Философию.

Должны были выйти 2 книги по французски: Olga в Sulliver'e и Les yeux tondus у Gallimar'a. И ничего не вышло: Sulliver наложил арест: растраты (не на бумагу, а на «Пляшущих демонов»), Gallimard, как со мной бывало, неожиданно наткнулся на упор французов, которые знают русский и которые против моего, есть такие.

Попал в полосу неудач. Но это хорошо: осадка, чб. не задаваться.

Я все и думаю теперь о загнанных, присмиревших – и всех обойденных судьбой. И это хорошо, что я задумался и мое сердце раскрылось.

Альбом «Чичиков» (Воскрешение мертвых) закончил, теперь буду писать.

Адамович еще в Париже и по словам Бахрака напишет для Н.Р.С.

А какое я слово нашел: «припертень» – посмотрите у Даля. (Человек от которого нет никому покоя?)

А. Ремизов

27 X 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениами́нович!

Что-то случилось, очень безпокоюсь. И о своем писать, рука не подымается.

Идет ноябрь. Туманы закутали мое окно. И я как в подполье. И днем и ночью лампа. Вечером надеюсь на утро, а с утра жду вечера. И все это подходит к тому о чем пишу. И совсем отбился от сна: проснусь и курю безнадежно. Дал Горской переписать: составится небольшая книга, к-ую назову

С миль – сияние печали.

Я много изучал всякие Про́логи, Патерики – мне матерьял для коротких рассказов из подвижнической жизни. Во всяком «слове» сияние печали. Я вам пошлю рукопись. А писал я одновременно с «Подстр. Глазами».

Копытчик из Рима в рифму:
«Изучаю развалины, а для чего, сам не знаю». Вот именно: человек существо любопытное и доверчивое.

Любопытное зрелище в субботу 10-го: в Шопене чествуют 50-и летие литераторства Б.К. Зайцева. Я написал письмо благодарность: без него никогда б не вышли «Подстр. глаза». Письмо передаст Емельянов, собрании читать не будут : «нас боятся!»

У Каплана продано Бесноватых – 30 экз. по 300 – 50% = 4500, которые передал в «Оплешник». Остается 15.

Н.Г. обыскала вашу полку, но «Мертвых душ» не нашла. Ничего. Понемногу я одолею мой бледный экземпляр.

Видите, как я робко пишу: не знаю что у вас.

А. Ремизов

9 XI 1951

Дорогая бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня так темно, пишу не разбирая строчек, а зажигать свет – еще впереди вечер и полночи.

В «Плачужной Канаве» – 200, а с послесловием (о Горьком) и с хвостиком. Я не решился послать «Олю», меня смутил размер книги: четыре части и комментарий (Сквозь огонь скорбей).

Первые три части были изданы 1927 г., книга давно разошлась. IV ч. и комментарий не изданы.

Я представляю себе Олю в 2-х книгах. А возможно ли это? Согласятся ли? Напишу письмо Александровой, как ее по отчеству?

Не вернее ли, сначала вы спросите Александрову и что она скажет. IV-ая часть единственный экземпляр, которым могу распоряжаться (Другой у Баевой для франц. изд.). И я храню в архиве YMCA press, я имею право взять, а ну-как зря!

Сейчас жду французского нашествия с Сувчинским. Princesse Bassino очарована «Мышкиной дудочкой».

А. Ремизов

10 XI 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Первое: Поздравляю Исю со днем его рождения (10.XI), а Бубуню с окончанием сказки.

Повесть временных лет – попробуйте читать со стр. 95-год 1016 да сначала стр. 295 – современный перевод. А то боюсь, отпугает. Древний текст пронизан русскими формами. Начните с Ярослава.

Современный перевод со стр. 205-его прочтите весь. А во II томе комментарий, ну это потом. И как все было бы просто, если бы вы сидели в «кушкиной».

В Лесах Печерского трудно достать, но в Париже он есть. Буду спрашивать.

Кузнецовой посылаю «Под. гл.» на ваше имя на елку.

Был у меня библиотекарь Колумбийского университета Семен Акимович Болан. Вы к нему пройдете от моего имени (да и ваша книга у них есть) и он будет выдавать вам Печерского.

Читайте что попадет из Даля, хоть по столбцу в раз. Надо оживить память. А то как же «*собирать* слова».

Как же мне без вас? Я не узнаю ни о «Кочевнике», как начнут печатать, ни о статье Адамовича, если он только написал, ни о «воззвании». Мне кроме вас никто не пришлет.

Не принимайте моих слов за упрек, именно со слепу, скованный, я часто теперь боюсь за свои оковы, что не делается, как хочу и как бы я мог.

... Дорогая моя кукуня, я ведь как в клетке, а вы, мне про птичку, которая в лесу – свободную, лесную!

А. Ремизов

18 XI 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Волчье время. Темь, не найти ручку и чернил, слились со столом. Кольцо больных по прошлогоднему: Никитин, Н.Г., Резников, Андреев (воспаление легких), Лурье. Только 16-го удалось послать «Олю» – получит 26-го XI. Пишу ей сохранить «Плачужную канаву» – мой единственный экземпляр. Продолжаю Чичикова, мешает французское, опять затея говорить мне по радио. Снятся яркие сны. И я хочу дознаться, можно ли насылать сон или это только мое всегда кипучее? Жду Leyris'a, послал ему вашу книгу: «и в горький туман эти сказки сияют и дышат пробудившимся полем».

В «Новом Ж» в следующей книге (№ 27?) появится отзыв о «Сказках». Из письма М. Карповича. Мое там: рассказы из «Подстриженных глаз». Я получу по $ 3 (а не по 5, как говорили) $ 42. Эти деньги отдам Лурье на январский «тэрм». О дальнейшем в Новом Ж. ничего неизвестно: все зависит сколько дадут им денег. Отдал вашу книгу в переплет, вклею Величание, так сохранее будет.

Вам надо читать русское: Печерского, Лескова. Болан из библиотеки Колумбийской, какую угодно книгу вам выдаст. Вам его не надо искать, он позвонит вам условиться.

Продал одну вашу книгу за 1000 фр. и в то же время продал свою за 800 фр., обещали завтра заплатить, но за отъездом забылось. Так у меня все делается с моим. Дорогая моя кукуня, иногда думаю, если бы заснуть и долго спать, а потом проснуться – и не ночь прошла, а тридцать ночей!

Праздновали юбилей Зайцева, только от Муфтия не было поздравление, а я послал, но моего не читали.

Если бы не французские разговоры, всегда кончаются ничем, я бы кончил Чичикова и сидел бы согнувшись – две страницы в день, над Собакевичем. У меня получается не «Мертвые души», а «Воскрешение мертвых». Думаю Гоголь бы одобрил.

Из Рима приехал Chuzeville спрашиваю, что вы привезли нам с собой? – Отвечает: обратный билет в Рим. Он только делает для итальянцев книги сейчас русские, но ничего не переводит. Случайно я достал тоненькую книжку с моим именем, название «Голубиная книга», Гамбург 1946 – 60 фр. Куплю для вашего архива – «книга вышедшая без ведома автора».

Где-то вы? И в туманное скрытное небо гляжу.

А. Ремизов

20 XI 1951

Дорогая моя бубуня, зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Из сегодняшнего вижу, что не так надо было, но я поступил по вашему слову, сейчас же стал добиваться из Архива YMCA Олю. И без мотоциклетки все-таки умудрился и послал Александровой с письмом, поберечь «Плачужную канаву». 26 XI она получит. Буду просить Исю: если увидит Вредена, сказал бы о Оле. Оля проще «Пл. Кан.» и никаких Горьких, а размер 628 стр. (печатных выйдет 500). Ни одно издательство не возмется, Sulliver взялся, да лопнул.

Первое ваше движение верное: пользоваться случаем и дать большое, и у меня это было, но я постеснялся, я не знал всего до получения вашего письма.

Как мне хочется скорее кончить Чичикова, но затея говорить по радио измучала. Каждый день телеграммы: то отменяют, то указывается час. И все зря. И когда это кончится!

А все по себе говорю вам: сейчас вы смотрите на свою рукопись глядите внимательно, нет ли в выражениях «клише», а определения – не штамп ли? В этом работа. Я буду тщательно, как за собой следить.

А о снах я спросил себя: всякий ли сон от меня – говорю это потому что последния ночи снится мне не мое, я это чувствую, сны извне.

Исю прошу пусть он напишет ваш адрес в Калифорнии. Когда я закончу Чичикова, я думаю, пошлю вам что-нибудь для юбилейного № Н.Р.С.

Дорогая моя кукуня, как бы вы мне помогли – слепые вечера, всегда перед Колядой точно под землю спуск и все глубже, откуда и позвать, нет такого голоса.

А. Ремизов

21 XI 1951

Дорогая бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за все ваше: и заботу и слово. Одновременно получил письмо от В.Александровой: пишет от имени Н.Р. Вредена. Написал ей и ему. Ему, поминая вас – «благодаря кому я еще существую на белом свете».

Я послал заказ. бандеролью мою «Плачужную канаву» и исправленный текст о Горьком, если подойдет

Канавы взять, как Послесловие в память А.М. Горького, который спас мою рукопись. Рукопись придет через 2 недели. Если увидите, скажите.

О этом издательском предприятии давно говорят в Париже. Я слышал от Б.К. Зайцева, но моего имени не упоминалось. Я думаю, что Н.Р. Вреден благодаря вам вспомнил о моем существовании.

Жду ответ от Pierre Leyris. Вчера Лурье перевел мое письмо и опустил. Пишу по указанию Bris Parain. Если P. Leyris согласится, я буду спокоен. Лучший стилист и чувствует ритм сказки. Он несколько раз бывал в «кукушкиной», понимает немного по русски, слышал как я читаю. P. Pascal ходил в редакцию Desclée: он ручается за *точный* перевод, чего и требуется. И Parain и Pascal принимают живое участие в издании «Сказок».

Дорогая кукуня, как я жду вашу сказку и как мне хочется для вас сделать, как я хочу.

Опять туман – глазам слепо, и на душе кипит.

А. Ремизов

28 XI 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Очень глаза устали, потому и пишу как видите. Чувствую, у вас столько всяких хлопот, а еще и мною занимаетесь. Как я вам благодарен. Вы это знаете. Судьба, стало быть. Я фаталист: шел и иду в жизни не озираясь. От Александровой получил письмо и ей отвечу, помяну о вас – о вашем разговоре. Она ждет

«Олю» – Лурье послал заказ. и «Плач. кан.» заказной бандеролью. Расписки сохраняю. Вайнбауму послал стр. 18, 19, 20, 21 – «В гостинице» воздушной. К счастью, второй экземпляр был перенумерован. Конечно в типографии потеряли. Вот вы мне верите, а это видел во сне и нисколько не удивился читая ваше – «не достает страниц». Последнее время я часто вижу вас и необыкновенно ярко и потом такое ощущение, словно вы и в самом деле были тут и только что вышли. Когда получу вашу сказку, как вы думаете, если я сделаю альбом и с моей рукописи и картинками Горская перепишет?

...Больные выздоравливают, кроме Н.Г. и Резникова, но я все-таки от всех отрезан. Только французы. Еще с радио не кончено и я репетирую « Trois souvenirs de cette vie sont gravés dans ma mémoire, je suis né avec la vision». Говорю 15 минут. Зазубрил как в 10 лет стихи.

Продолжаю Воскрешение мертвых (Мертвые души). Успею ли кончить к 22 февралю с/с – иду медленно упорно, рисую с подписями. Муха задумала прокатиться на щепке (на той самой, за которую хватаются утопающие). В этом есть что-то Ваше. Или Ноздрев рассказывает о голубых и розовых лошадях – и все гогочут: «врет все», – чувствуете, ведь это совсем не тот Ноздрев, каким его принято представлять. Моя задача, так оно само выходит, изглубить Гоголя, не повторяя никаких учебников.

Чувствую, в каких вы сейчас раздергах. Как решите в Калифорнию, тогда, а то мое «беззаботное» мимо.

Дорогая моя кукуня, всеми мыслями и всеми чувствами.

А. Ремизов



И долго еще определено мне чудной властью итти об руку
с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь
озирать ее сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему
слезы.

11 XII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

15 XII – радость пришла в мир, сегодня Бубунино рожденье, поздравляю!

Я никогда не забуду, как вы показали мне ваши игрушки: как вы их брали в руки и что-то по ихнему говорили и я слышал ответный голос, потом они «пошли» и с какой кротостью послушно. И я видел, я понял, какая у вас душа.

Недавно я был около вашего дома – вы живете в саду, сад окружен глубоким рвом, проникнуть нет возможности, вы среди деревьев, вся в листьях, вы чем-то недовольны. Тут из-за деревьев вышел Ися, и очень важно: «Я за двадцатипятилетие службы, я Коллежский Советник!»

Этот сон означает: вы найдете *квартиру* и на Рождество в Калифорнию. Я и о себе видел в ту же ночь: 1-го меня выгонят с *квартиры*.

Александровой я написал после первого вашего разговора, прошу ее, когда получится Оля, вернула б мне Плачужную канаву.

«Оля» большая, где-нибудь издать безнадежно. Я сделал ошибку, ведь получилось, что послал на *выбор* две книги. Так может показаться. Если пересылка затруднит, я буду просить передать вам.

(Слово «плачужный» русская форма, церковно-славянское будет плачущая. От слова «плач», «плакун»).

Ночью мои глаза плачут: самые черные дни наступили, с 3-х зажигаю лампу. За вырезки спасибо. Боюсь надоедят мои квартиры и заключительных никто не прочтет. Все это писалось на ваших глазах, не все, но многое вы читали по рукописи, исправляя.

Дорогая моя бубуня и кукуня! и еще вспоминаю сегодня, как вы поете, слышу ваш голос:«Тё-мная ночь». И еще, чего вы сами не замечаете, да и нельзя заметить, когда вы вдруг переходите, на перекор принятой музыкальной мере, в другое измерение – другую гармонию. И всегда мне очень странно – моему нормальному слуху. И меня всегда удивляет и радуют такие отклонения. «Тё-мная ночь».

А. Ремизов

12 XII 1951

Дорогая бубуня зыбуня кукуня
и ладуня Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

... Какой на днях был случай и я о нем вспоминаю. Случай из жизни. Ко мне пришел человек с собакой. Собака вскочила на кресло, а сам он занял стул. Он говорил о многих предметах сразу, не допуская перебивки. Слушая нетерпеливо, я покосился и протянул руку погладить собаку. Она стояла на кресле, не шелохнувшись. Я погладил ее по голове и под шейкой. И посмотрел – и как она доверчиво добрыми умными глазами мне ответила. Человек, наговорив, поднялся уходить. А собака не хочет и на голос хозяина не идет. Он дернул за ошейник и стащил с кресла собаку. Я провожал до дверей. Покорно шла собака за хозяином и все оглядывалась.

А сегодня вскоре после Прево еще засветло появился Одарченко, пьяный и укорял меня зачем я назвал книгу Подстр. глазами – «надо, чтобы было всем понятно». И о иконописце Нешумове, я его не знаю, к-ый знает все что я писал, уехал в Мексику.

А. Ремизов

20 XII 1951

Дорогая моя бубяня зыбуня и кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Александрова меня известила о получении «Оли». И хотя я ей писал, что прошу вернуть «Плач. Канаву» она повторяет, что они выберут, что им пригодней. Вот какую я сделал ошибку. Если бы я был не в закоулке русской литературы, ни о каком выборе не могло быть и речи, раз я говорю «верните».

Александрова пишет, что «Олю» она не читала. За нее скажу, и Посолонь она не читала, и знает меня по «Новоселью».

Помните, как вы бунтовали, когда обнаруживались у нас с вами словесные совпадения по сходству зрения и вы говорили: «скажут, взяла у вас» – теперь вы видите, и сказать-то было б некому, если б и случилось совпадения. Меня знают по слуху обо мне, а не из моих книг. Тоже и в России.

Я получил – вы послали – Кочевник I. По проходному; II. На мельнице; III. В гостинице; IV. Козье болото.

А было ли что дальше, не знаю. Кроме вас меня никто не вспоминает. Знаю, как вы теперь закручены и не хочу вас просить. И вот совпадение: P. Leyris нашел квартиру в Париже и устраивается, и стало быть занят своим, а не переводом. У меня такое чувство по его письму, что он хочет переводить без «привеска» – без черновых переводчиц. Об этом я скоро узнаю. Мне помогает Лурье, он товарищ по лицею с Leyris'ом. Еще два дня черных, в воскресение 23 XII солнце пойдет на весну. Я так измучил глаза.

Дорогая моя кукуня! Новое солнце засветит и осияет вас большим счастьем.

А. Ремизов

23 XII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Не знаю, что меня так тронуло в вашем письме. Перед сном – я получил его утром – вдруг я почувствовал, как будто где-то во мне раскололось и тихо заплакало и безсвязно повторяю жгучие слова из «Крестовых сестер».

Я в броне мысли, а это было исподнее чувство жизни. В этот час я жил тысячью жизнями.

Я думаю, что самое живое что пишется, идет отсюда, а не из мысли. Мысль строит – ограничивает.

На утро я проснулся переполненный с ясным зрением. И написал предисловие к Детству Чичикова, мне казалось, что я не одолею, а все пошло само собой.

Когда говорят «Жив человек» думают об этом состоянии рассеченного «сердца» (другого слова не нахожу).

Я уверен, ваша сказка сказочна. В ней есть то, что я называю «потеря времени». Пинимайте это так, что всякая мысль во времени, а сказочность разрушение временного строя, отрывного календаря, хода будильника.

... Приехала Ольга Елисеевна, но все семейство снова скрылось: Олечка (дочь Вадима) вышла замуж за англичанина – американца с громким именем Carliele (правнук знаменитого историка). Н.Г. выздоравливает – узнаю о ней от Л.Н. Либщиц, а ухаживает Екат. Влад. верный и самоотверженный. Мало кого я вижу из русских. Или свадьба или хворы. Вчера суббота, ни души.

Дорогая моя кукуня! Мне предстоит много всяких решений за вас и как я боюсь сделать что-нибудь не так, Leyris читал что ему дали из переводов, и даже по этой тени высоко оценил ваше дарование. Меня смущает медлительность: у всех «Пляшущих демонов» я заметил, ослабление воли, не по мне.

А. Ремизов

31 XII 1951

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня последний день старого года, Каким вас счастьем осияет Новый. А я буду ждать вас – ваше счастье. Замечу сегодняшний сон, если удастся заснуть: над головой армянское семейство десять человек и все танцуют, музыки не будет и только под выкрик – Саркис-зу-зэ! Что по русски: Марья Петровна. В Германии в старину новогоднее утро пожарные с пронзительным алярмом проезжали по улицам, будя. В Париже нет обычая. Лавки будут закрыты, спешить некуда. Буду как всегда один, единственный кто мог бы заглянуть – Карский. Да, больше некому. Я вызову вашу душу и поздороваюсь: с новым годом! А вы передадите Исе мое: с новым годом!

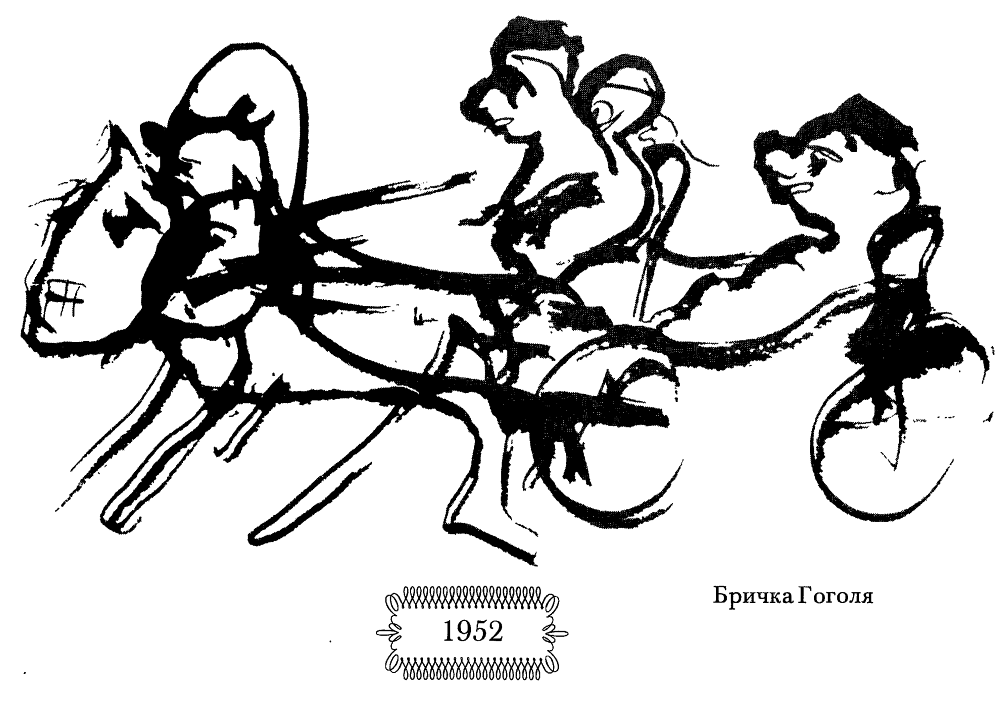
Ольга Елисеевна, справив свадьбу внучки, показалась на второй день Рождества и четыре часа рассказывала. От вас она в восторге. И под конец я не различал, что было сказано о себе, что о вас, так часто повторялось ваше имя.

Год кончается неоконченными делами. И тревогой. А может быть так и надо: затаенно ждать. Плохо когда бы было нечего.

Перед Рождеством были объявления о вашей книге: – Дом книги, Возрождение, YMCA – вырезаю и наклеиваю в вашу тетрадь.

Дорогая моя кукуня! Мое пожелание: оставайтесь собой во всей своей чистоте и непохожим ни на кого воображении. Что стало с Рожанковским, который вообразил себя американцем, а в литературе много примеров: ни туда, ни сюда. Я писал бы рассказ из французской жизни – какая б была ерунда! Да я верю, с вами такого не станет. Жду ночи в опустелом мире. И единственный огонек жизни – моя память о вас и о вашем даре.

А. Ремизов



Бричка Гоголя

1952

1 январь 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо вам за все ваши хлопоты и заботы о моей жизни: благодаря вам я еще жив и вот начал новое лето.

Отвечаю по вашему письму, не дожидаясь письма Александровой. Я предлагаю зачеркнуть 208 страниц и начать книгу прямо с III-ой части: «С огненной пастью». Оля – предисловие, III С огненной пастью IV Голова львова V Сквозь огонь скорбей. 628 стр. – 208 = 420. А если и этого мало пускай вычеркивают из V ч- 3-ьей главы «Черная немочь» (из архива).

Я пишу Александровой, что можно было бы не разрушая моего плана издать *одну* книгу в *двух* выпусках. Теперь буду ждать от нее ответ и что она предпочитает. Меня удивляет подгонять книги до 300 страниц. Sulliver не побоялся и взял Олю – 628 стр. Хотя другие книги от 150 до 400 стр. (Sulliver - закрыт, Оля не выйдет по французски).

Я прошу Александрову в конце моего предисловия к пяти частям сделать от редакции примечание, что первые две части не печатаются из «экономии места».

Если с сокращениями сладится и они возьмут мою книгу, прошу вас получите мой гонорар. В какой форме мне надо написать об этом Александровой и вам?

Мой новогодний сон под топот во всю ночь: собаки. Потом спрашивал себя зачем я жил на земле? И отвечаю вопросом же: помог ли я своей жизнью жизни другого и тем самым обогатил жизнь и себя?

Собака меня не кусала, а лаяла и шел дождик. Спал я часа три не больше. Спасибо за «В нумерах».

А. Ремизов

5 I 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Очень вам благодарен: вчера Prevost привез 16.000 фр. Нарисую картинку-расписку для вашего Архива.

Еще раздумывал о сокращении книги: как подогнать под 300 страниц. Я был уверен, что размер их не напугает, потому и не мог сразу решить что вычеркнуть, что сохранить. Теперь я написал Александровой (хотел

написать: «неужто среди вас нет никого литературно-грамотного»?) что я как собачка которой показывают сахар – моя мысль подпрыгивает: как сократить? Я предлагаю первые три части (В поле блакитном, Доля, С огненной пастью) – 344 страницы оставить и начать с IV-ой части (Голова львова), сохранив предисловие. Будет конечно не то, что задумано, но пусть останется никогда не изданное, а частью нигде не появившееся в печати. (Но почему они так плохо думают о своем читателе?)

Завтра русский сочельник – «ночь перед Рождеством». Я всегда читал Гоголя. Теперь некому, да и не прочесть, разве заучив на память. Всю ночь мне сегодня снился мотив Коляды: «пришла Коляда накануне Рождества – выблескивающими огоньками. Без вас мне никто не напомнит, что завтра в России будут ждать звезду. Для меня теперь все дни одинаковы.

Под Новый год погасла лампочка та, что под потолком и в «кукушкиной» сумеречно, и еще со слепу рассыпал коробку с кнопками.

6 марта, четверг (22 февр. с/с) исполнится 100 лет со смерти Гоголя, скажите об этом Вайнбауму. Колумбийский университет собирается сделать выставку памяти Гоголя. Я пришлю вам «Ноздрева» и «Детство» Чичикова (думаю, что в январе закончу). А в Париже по неграмотности не собираются никак – Адамович который ни в какой Манчестер не уехал, – ему какое дело до Гоголя? УМСА – так сборник и застрял и некому напомнить.

Дорогая моя кукуня! Пустыня, «не прекрасная наша-пустыня» а щебень и сор.

А. Ремизов

Храню для вас серебряную елку и ореховое кружево.

8 I 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Получил письмо от Александровой: в двух томах издать Олю «затруднительно», у меня 635 страниц, а у них предельный размер книги 416. Я предлагаю вычеркнуть 208 стр. (Первые две части). Остается 427 и сжать текст – с новой страницы 1) предисловие 2) С огненной пастью 3) Голова львова 4) Сквозь огонь скорбей, а все остальное, гла́вы и заглавия сплошь, что съэкономит место и мои лишние 11 страниц уместятся. Будете говорить с ней, помяните о таком способе вместить невмещаемое.

Есть еще один выход: шрифт – мою последнюю главу «Черная немочь» можно набрать, как примечание мелким шрифтом.

...Как мне все трудно дается, вы это знаете, и всегда я должен уступать человеческой воле или нечеловеческой, судьбе. А сла́ва идет другая, вот и в этом случае: Сувчинский получил письмо от Р.О. Якобсона, пишет со слов Карповича, что Чеховское издательство выпускает собрание сочинений Р-а.

Спасибо за газетные вырезки: 1) В стойле (начало) 2) Адамовича 3) Ваймбаума 4) Сазониху-хорошо написала, вклею в вашу тетрадь, куда вклеиваю объявления о «Сказках». О словах с окончанием «ость» напишу отдельно, скажу только, все они не вчерашнего дня, не Бальмонт сложил, а известны с XVIII века для обозначения отвлеченных понятий и качества, напр. «добротность», «проницательность» «веселость», «прозрачность», «непокорность».

Дорогая моя кукуня! Смотрите, какое ко мне недоверие! Под этим знаком прошла вся моя жизнь, вы и в «Кочевнике» прочтете страницы того же сомнительного напева, которым современники покроют мою жизнь.

А. Ремизов

16 I 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за все ваши хлопоты и разговоры за меня: отвоевали «Олю». Знаю без вас мне было б не проткнуться. Прилагаю доверенность на получение моего гонорара. О Кузнецовой написал, поручить ей корректуру. Если бы дали мне побольше авторских!

О особенностях моего склада выражаться напишу вам а вы объясните Кузнецовой, боюсь, в пустяках придет ей в голову исправит, хоть в этой фразе: я пишу, как говорю «о особенностях» — асобенностях, а по нерусской грамматике «об» особенностях – «аб особенностях».

Я никогда не был копиистом, нигде не говорил, что пишу и все писали б, как в XVI-XVII в., я повторял и повторяю, что русским надо следовать в направлении природных ладов, выраженных отчетливо в приказной речи XVI-XVII и на этой словесной земле создавать.

Спасибо за окончание «В стойле». Чего я не получил, это мое воззвание о вечере: если его напечатали, то надо думать, в ноябре.

Послал на ваше имя к юбилею Гоголя – 21 III т. е. 5 III рукопись 13 страниц, *Ноздрев,* смертный исторический,

с эпиграфом из Гоголя для литературных «умников», иначе их признанный всеми ум осудит меня и обвинит в искажении Гоголя.

Заплатил за газ (1.100), за электричество (1200) и за квартиру с отоплением (18.000). До апреля я свободен.

Храню для вас две чашки без блюдечек: одна с осликом, другая с верблюдом, и ониксовую обезьянку. Есть у меня еще Марфинька очеловеченная, хорошее на ней платье.

А. Ремизов

21 I 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за «Курятник».

Напишите 1) достаточно ли моего письма, к-ое я написал на отдельном листке, чб. получить за меня деньги? 2) получили ли мое о Ноздреве для Вайнбаума?

Вчера (с субботы на воскресенье) всю ночь в вихре, то еду с вами на пароходе, то иду по волнам и вижу Ися весь в слезах и вы в тревоге утешаете его, стоя на волне.

И не с моими глазами можно ослепнуть. Эта осень и зима, никогда не было таких туманов. Я подымаюсь с 5-и утра и почти весь день при лампе. Ложась, плачу – так устают глаза. Как всегда я тороплюсь успеть, оттого и подымаюсь первым в нашем доме. Днем я могу ничего не есть, но вечером, да вы знаете, с какой жадностью я набрасываюсь на еду. Просто у меня «хороший апетит». А особенно когда накануне

были одни «хвостики». (Еще терпение не лопнуло, Тилет Лурье приносит всякое).

Только когда получу контракт и потом когда Ися получит деньги, я буду уверен. А пока поберегите эти 80 дол.: мне будут они на апрельский «тэрм» и в мае – на панихиду. (Все очень вздорожало).

Измучились вы, я чувствую.

Была Н.Г., зашла из церкви – первый раз после болезни. Едва на ногах держится. Все равно, больше работать она не может – один палый осенний лист, все что осталось.

«И звезды будут смотреть стеклянными глазами, ровно 6 среди них никого, кто бы спросил: зачем?»

Эта строчка из Норвида (Польский поэт).

Дорогая моя кукуня! Дело (или беда) не в слепоте, я по прежнему в напряженной работе, но безрадостно.

А. Ремизов

28 I 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Договор подписал, засвидетельствовал меня А.С. Лурье. И вот доверенность. Спасибо. Книга будет называться

В розовом блеске (417 стр.)

(III, IV, V части Оли)

Много было волнений эту неделю. Наконец по радио прорепетировали и установили день передачи. Говорил на память 12 минут. Без ошибок. До вас эта волна не

дойдет – 3 февраля 13 ч. (час дня) Club d'essai. «Principauté des lettres».

Нов. Ж. не получил. Спасибо за вырезку «Ход в окошко».

Гоголь Николай Васильевич 16 III 1809–21 III 1852 (28 III – 4 марта; в те годы прибавлялось 12 для нового стиля).

Газету Н.Р.С. я не получаю и без вас не узнал бы о напечатанном.

Окончиваю отделывать Чичикова. Когда Горская перепишет, могу послать вам для развлечения.

Дорогая моя Кукуня, как эти дни я думал о вас – как много бы вы помогли мне. Спросить мне не у кого. И увериться в чем – нибудь слове, таких никого.

И я мерзну.

А. Ремизов

3 II 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня квакуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

За «Занавеской» получил, спасибо. Получил из Litfund чек $ 50. Вайнбауму за хлопоты передайте мою благодарность. В Litfund напишу. Газету я не получаю: мне надо только воскресные № а. «Кочевник», что вы присылаете, в одном экземпляре. Туман и мороз, я во всех шкурках, очень мало сплю, и оттого еще холоднее. Представляю себе как вам: и хворь и боль и озноб. Что же это за жизнь человеческая: всегда терпеть! Терпеть и ждать...

Образовалась «репарационная комиссия»: хотят осуществить прошлогоднюю затею с моей кушеткой и

с сифоном в кухне. $50 мне хватит. Я не замечаю, но должно быть, за то время, как вы уехали из Парижа пыль основательно уселась в «кукушкиной» и паркет посерел от пепла.

Пишу о Манилове – сон его. А рисую Плюшкина. Устали глаза, а не могу бросить. Сейчас вы бы приехали и мне рассказали как меня слушали и что говорил обо мне Bisic. Записка от Никитина, что он не пропал, а болен. Опять кольцо больных. Не по прошлогоднему, легкая форма. Но мне и этого не хотелось бы. Думаю как будут строить книгу – в Америке зубы умеют, а с книгами всегда точно в первый раз.

Был Лурье и Сувчинский, оба слушали, не жалуются. Будет повторение на большой волне, тогда и вы услышите. Но это не скоро – когда зацветут каштаны.

А. Ремизов

6 II 1952

Дорогая моя бубуня убегуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за «В благородном семействе». Написал Н. Резниковой вернуть чек. Как только получу, сейчас же пошлю вам. За эти дни из сочувствия к Бубуне очень мучился: невралгия – левый глаз и «зубы», и не по людски, а по звериному. Звери живут ночью, а день спят. Так невралгия у меня дневная: с полдня до заката, а к вечеру отпустит.

Оттого медленно пишу Манилова. Мне хочется вычеркнуть слово «маниловщина», все смеются, а заменить «человечность».

Нехороший сон о себе видел перед невралгией: еду в черной карете: все стенки черным забиты, никакого окна, и я не могу помириться, ищу и скорябую стенки. Видите в каком я мраке живу.

Правда это, пошел слух будто Нов. Журн. возвращается в свое «еле-еле», что Карповичу денег на журнал не дали? В редакции лежит мое «В сырых туманах»: морозилось оно в «Новоселье» 3 года, а теперь очередь в Нов. Ж.

С моим Гоголем неудача: YMCA PRESS сборник издавать не будет и мое возвращается на стол. И куда мне девать Чичикова? Ведь все это гоголевское надо сейчас, к юбилею.

Тэффи написала какое-то острословие о Днепре и птице. Говорят и Муфтий что-то пишет обличающее.

А. Ремизов

10 II 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Прилагаю листок для Кузнецовой исправить в перечне моих книг «Голубиную книгу» я храню для вашего архива. Напишите, могу ли я прочесть вашу сказку несчастной Н.Г.?

Кончил Манилова. Отдам переписать Горской. Я так плохо вижу, не могу (или с большим трудом) прочесть мою рукопись. А сейчас боюсь после невралгии, Карлейль (муж Оли Андреевой) хочет меня вести к какой-то своей глазуре из Сан Франциско, у него автомобиль с отоплением. Но мне остается нарисовать

две главы из Мертвых Душ. Манилов вышел у меня небывалый – декабрист, князь Мышкин чистой мысли и чистого сердца. Я знаю это вызовет негодование «адамовичей». Они привыкли «от печки». И будет возмущение, «чего я искажаю Гоголя?» Искажаю их кривое зеркало и приплюснутый череп. (Это называется моя заносчивость!).

До сих пор не получаю ответа от Резниковых: чек. Проводы Сосинского и Вадима: все заняты. Но когда нибудь отзовутся и я сейчас же напишу вам.

Почему-то я сегодня «рву и мечу», хотя выспался. И вчера (суббота) никого не было, Лира теперь очень редко бывает, как и Н.Г. И нет уже субботней кухни. А вчера с утра я был полный жалости, «яблочек» вспомнил, дала мне одна кроткая бабушка когда я был весь в огне, как сейчас. И я взял его молча и унес к себе в нору и там не трогая, только смотрел на него с болью.

Дорогая моя кукуня! С какой радостью буду читать вашу сказку. Я совсем одичал и искололся своими поднявшимися иглами.

Рисую Плюшкина (у Гоголя мертво), «затурканность вещами», так только могу понять. Но как это произошло, еще не соображу: задавили вещи, и сами распались в пыль.

Жалко вещей.

А. Ремизов

Наконец получил чек. Вот он, подписанный.

15 II 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня квакуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

С новосельем!

Спасибо за «В лакейской».

Спасибо за деньги – без вас мне было и доллара не получить. Это ваша победа. А я еще не могу победить.

Хочу просить вас пришлите мне 200 долларов, это будет на наши деньги 80.000 фр. По чеку получит Лурье, и мы распределим: 1) апрельский тэрм, 2) кушетка, сифон и снять мое опыление, а что останется, на уплату долгов – я должен и «Верховой» и Емельянову, да и Лурье.

О моих 500 дол. знает весь Париж, и не с добрым чувством судят и рядят: почему-то я, родившийся миллионером, не имею права и на тысячу.

Когда принесет Горская, я пошлю вам Чичикова и Манилова.

Это Гоголевская тройка: Чичиков (человек) Манилов (не от мира сего – чистая мысль и чистое сердце), Ноздрев – поиски совершенства.

Есть и другая тройка: хозяева – Плюшкин, Собакевич, Коробочка.

Плюшкин вовсе не скупой, он деятельный, как паук, и этот паук оплел паутиной маятник, часы остановились и вещи, собранные хозяином, задавили его, распыляясь. И какая ерунда, когда в училищах нам задавали сочинение: «Плюшкин и скупой рыцарь»!

Мне осталось немного и Мертвые Души I часть вся будет изображена в картинках.

Прево был 4 января. Храню две расписки: ноябрь-декабрь 16.000. Январь 8000 фр. Теперь я богатый.

Только сегодня получил «Н.Ж.»: Ребусову я вклею в вашу тетрадь, когда все начитаются. Очень аккуратно написано но моя любимая Глаша, какая же это сатира?

Дорогая моя кукуня и квакуня! Из вашей сказки я сделаю альбом с рисунками и переплету: этак не потеряется.

Очень мне холодно.

А. Ремизов

Поплывуня.

20 II 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Очень тепло – весенние туманы. Или моим глазам стемнело. Завтра Генрих Карлейль везет меня смотреть мои глаза. И я очень волнуюсь. Вчера был Прево, принес 8000. Я нарисовал картинку «Февраль», передам с поклоном. Прево рассказывал как ждут Исю и всех надежда, что вот он приедет и все оживит, все как у Некрасова: «вот приедет барин, барин все рассудит». Посылаю вам «Воскрешение мертвых» (Чичиков) и «Сквозь пепельно-синий дурман (Манилов). С «Ноздревым» они составят, «тройку». Для будущей моей книге о Гоголе, я напишу о Гоголевских тройках. И этим заканчиваю мое о Гоголе. Нарисовать осталось глава. И возьмусь за «Тристана и Изоту».

Обратите внимание на Гоголевского петуха в Манилове, это не ваш солнечный, а с упором природы, к-ая кричит в нем наперекор его.

В XXVII кн. Н.Ж. прочтите статью Степуна, три страницы о нашей петербургской встрече (о москов-

ской он забыл, я хорошо помню). Любопытно, как кто видит: Степун запомнил, что у меня «длинные ноги», стало быть я ему виделся «карамором». Конечно, Степун не такой «умный», как Адамович, но за то литературно образованный и «ост»'ями никого не насмешит.

Прилагаю мое объявление о выходе «Мелюзины», но когда получу книгу сказать трудно, В. Сосинский, который корректировал, в ваших краях. Как только выйдет книжка, сейчас же пошлю вам: писал ее под вашим глазом.

Дорогая моя кукуня-квакуня! Никогда – ни на минуту – не забываю о Ваших делах. Хочу пробиться и сквозь железную паутину.

Русский Новый год праздновали до XIV в. 1 марта а с XIV-XVIII – 1 сентября.

А. Ремизов

22 II 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за «В подвале».

Напишите мне, послал вам еще на ваш старый адрес чек из Литфонда и на листке для Кузнецовой поправить в моей библиографии (мое письмо № 61).

После вчерашнего я еще не свыкся. Оля Андреева вам все расскажет. Очень меня измучило исследование. На правый я ничего не вижу – ночь. А левым кое-что. Я читаю, но это чудом.

Сегодня писал – и это будет вступлением – о Гоголевской тройке. И этим кончу. NRF (Nouvelle revue

française) в июне хочет сделать у себя выставку моих рисунков. Альбомы, к-ые делал без вас, я переплел. Но это будут последние мои рисунки без паутинной графики. Все эти рисунки сделаны с мая 1951-го, в них все мое раздумье, и нетерпение и отчаяние.

Сегодня первый весенний день. Я растворял окно – блестит! А во сне видел: глотаю не ртом а глазами.

А. Ремизов

В Кочевнике осталось всего 3 рассказа.

Я наклеиваю для книги «Иверень».

29 II 1952

Дорогая бубуня зыбуня кукуня квакуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня широкая масленица. Кончил Гоголя. Посылаю вам, как «papiers d'affaires» мое краткое вступление или послесловие: «Гоголевская тройка».

Прилагаю и напечатанное «Судьба Гоголя» – это мое год морозила YMCA и я решил сейчас напечатать – ведь сейчас годовщина – память о Гоголе. Прочтите. Это писал я 20 лет тому назад. Сделал 7 альбомов – 234 листа рисунков. (У Лифаря 15 альбомов в красках – 102 листа: не может найти, завалил в груде нот и рисунков).

Наведу у себя порядок и примусь за «Тристана». А до «Тристана» разрисую вашу сказку. Стало светлее и глазу зорче...

Хочу собрать II-ой том «России в письменах» и «Вереницу» – книгу о детях.

Вглядевшись в воспоминания Степуна (Нов. Жур. XXVII, 1951) я вдруг понял, да ведь он меня хотел представить *пауком*. А ведь он прав: развесить такую паутину – книжное хозяйство и мысленно бегать из угла в угол, конечно, сравнить с пауком. Только Степун меня не знает, если не видит, из каких корней мое *слово* и вся эта паутина. Он не заметил горький ключ – мою боль.

Сейчас получил «В пугачевской» – спасибо.

А. Ремизов

1 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня-квакуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Конечно, все мои рисунки вам. Сейчас меня спросили для «Art», когда я рассказывал о ваших сказках, сколько у вас альбомов, я не мог ответить точно. Когда-нибудь сделайте список и сколько листов (страниц).

Я вам писал, в июне у Gallimard'a (N.R.F. nouvelle revue française) Paulhan хочет устроить выставку для «избранных». А потом я вам все отдам.

Что у меня есть, все в переплетах. Переплетите ваши сказки – альбом.

И мой графический сонник – сколько, не помню, но первые 100 снов – у Лифаря. Меня спрашивают, куда исчезли мои альбомы, их 400 и до 4000 рисунков-то, что у вас, я говорю уверенно, хранится, а остальное? – сколько пропало в оккупацию, а еще больше от невнимания, просто заброшены. Теперь я не могу

рисовать как раньше: излучения предметов – испредметное, у меня не выпукло.

О моих глазах вам расскажет Оля Андреева, она разговарила с докторшей. Докторша смотрела на меня и чувствовал в ее глазах себе: «sauvage»! Это она за мою чувствительность. (Надо было, конечно, предупредить о моей работе).

Степуна* не вырезайте. Я собираю только то, что о вас и Рубисову вклею в вашу тетрадь. Я вклеиваю все обявления о Сказках.

Дорогая моя кукуня квакуня! Я верю, мне удастся устроить издание Сказок. Вот и в понедельник придет Бастид из Les nouvelles littéraires, я непременно расскажу о ваших Сказках. Мне это нужно, чб. показать издателям. Русские отзывы не имеют никакого значения, но мое слово по французски, да.

А. Ремизов

* Степун с кем-то спутал: я никогда не раскладывал пасьянс и всегда ставил самовар, а не Серафима Павловна.

5 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня улетуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Пришла весна. Сижу без шкурок. Но еще свежо на воле. Если вспомнит, обещал Карлеиль меня вывезет «взглянуть» на первотрав. А пока за крепкими створами и ключ в кармане.

№ Les Nouvelles Littéraires с интервью François Régis Bastide'а я вам пришлю. Я говорил о ваших сказках и показал книгу.

Bastide с Алексинским (Григорий Алексеевич) – он пишет в Figaro Littéraire, а меня знает с 1902 г., когда был корректором «Северного Края» в Ярославле вместе с И.П. Каляевым. Я дал ему вашу книгу. У него связи с издательствами. Он вам напишет. И будет меня извещать. Пришлю вам и «Arts». В этой газете Jacques Peuchemaurd» рассказывает о моих рисунках и о моих словах о ваших сказках. У него сын, я думаю, ему следует дать вашу книгу. Я спрошу у Лурье, как посылать газеты, чб поскорее.

Мои 500 дол. никому не дают покою, а теперь прибавится – два «интервью».

«Временная коммиссия» за работой. Начал французскую версию о Тристане и Изётте. После древнего текста мне кажется бедно. Но это мне надо для скелета легенды. Начался великий пост, хочу кончить к Пасхе. (Пасха 20 IV).

Почему-то вспомнилось, летом возвращаюсь домой с прогулки (я тогда еще ходил один без поводыря) и вдруг чувствую, не хочу возвращаться, некуда: был у меня дом, и пропал, остались пустые полки, запаутиненные погасшие цветы стенных конструкций.

Получил от Александровой извещение: завтра мне высылают корректуру.

Дорогая моя кукуня, как я безпокоюсь, если бы вы тут были, я знаю, вы помогли бы. Одновременно будет делать Кузнецова.

А. Ремизов

9 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Ваше последнее письмо от 25 фев. безпокоюсь, нет от вас никаких вестей, хотя бы, ничего нового, болят зубы, Ися занят. Алексинский известил меня, что написал вам ...

... Условился с Унбегаун, она в ОРТ-е не служит, уволена по возрасту, ворон считает, она мне и будет читать «авторскую корректуру». Проще было бы выслать мне экземпляр после Кузнецовой. Буду просить кроме того Ольгу Елисеевну и Н. Резникову: им сверять по оригиналу, дубликат у меня есть. Мелюзина до сих не вышла, хотя все готово: поссорились в типографии и хозяин закрыл электричество. Ничего у меня по людски не выходит: всегда где-нибудь да рогатка.

Вчера наконец показалась Nonne: наконец она получила ваше письмо, посланное с вашим ко мне. 28 января я дал его опустить Ольге Елисеевне и только 1 марта письмо опущено. Nonne получила его 3 марта. И теперь не смотрит на меня с упреком. Счастлива.

А. Ремизов

10 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня-горюня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Так мне неловко перед вами за эти деньги: сколько хлопот я вам доставляю. Пусть лучше б потерял при размене, ну что же делать, к потерям не скажу привык,

но вся моя жизнь – утрата. И с каким трудом все мне дается или что-то стеной становится на дороге.

М.б. я и глаз потерял п.ч. никогда не плакал, а мучился, какая безрадостная моя жизнь: всегда – из рук и не вернешь, и никогда, и ни в чем уверенности и это при моей открытой вере в человека, в слово. Начало в «подстриженных глазах», нет, это не литературная форма, а мое измученное сердце и мои истосковавшиеся глаза.

Взялся сегодня – сегодня солнце – за костяк повести о Тристане, на час меня заняло, все думаю.

Затея переменить кушетку и вычистить паркет – но все это такая ерунда, жалею, что согласился. Не все ли равно, спал я и на досках, не замечая.

То что я вам послал: Ноздрев, Чичиков, Манилов – гоголевская тройка, все это написано с конца мая после повести о Февронии, оканчивал при вас.

Бова королевич и Феврония (Феврония означает Трясавица-Лихорадка) их в одну книжку когда-нибудь.

А все гоголевское, мое, называю «Огонь вещей».

Вы очень задумались и ваша боль только отражение вашей душевной смуты.

Дорогая моя Квакуня! Верю, с весной вы оживете и темные мысли разойдутся. Уж скоро прилетят птицы и недолго ждать, закукует кукушка.

А Ремизов

12 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Вчера был Prevost и передал 8000. Нарисовал вам расписку: летят птицы, а деревья без листьев и под деревом заяц. Я вам очень благодарен. Надо было платить за газ, электричество и в лавуар.

За это время я получил только 3000 из Рус. Новостей за юбилейное о Гоголе – «Судьба Гоголя» я вам послал, а за мой разговор по радио (3000) до сих пор нет.

Все ждал, кто-нибудь придет и прочитает дальше французский текст Тристана, самому очень трудно. И никто не заглянул. Я передал во «Временную комиссию» и разбираю и подклеиваю мое архивное, отнимая работу у тех, кто займется мною после меня. Я люблю это делать, но мне всегда скучно если не пишу.

Как сегодня светло и ясно, вижу далеко. И к вам дошел глазами, и вы испугались.

Приходила Ольга Елисеевна. Я дал ей денег и у Суханова она купила осетрину и семгу и я набросился. Потом развешивал белье – мокрое прислали из «лавуара».

10 страниц записал из французского текста: будет мне на день работа, надоело заниматься только наводя порядок.

О.Е. все говорит о операции левого глаза. Без вас я, конечно, не решусь. Меня пугает, что и единственный погаснет и я погружусь заживо в ночь. Но если операция неизбежна, вот когда понадобятся деньги-деньги, которыми сейчас все попрекают.

Корректуры все еще нет – в дороге. И сказки вашей, о которой мечтаю.

Видите ли Марью Самойловну? В альбоме С.П. есть стихи, ей посвященные, З. Гиппиус. Их следует напечатать. Я могу послать вам, а вы спросите, можно ли напечатать в Н.Ж.

Дорогая моя Кукуня! Очень безпокоюсь о вас. Все хвораете. Боюсь, не мудруют ли над вами доктора. Скоро теплое время, вы оживете. Очень безпокоюсь.

А. Ремизов

14 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня квакуня
не забытуня бедуня и горюня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Сегодня вышел «Art». Страницу с портретом Гоголя и под ним заметка Т. Peuchmaund'a. Прочтите, там о Вас говорю – о ваших единственных сказках. «Art» читают все художники, а в Париже их 60.000 и участвуют такие, как André Breton, вождь французского сюрреализма. С портретом должна была появиться «сверкающая красота» – последняя ночь Вия, когда я – я был там – увидел Гоголя. Завтра узнаю у Peuchmaund'a.

С страницей «Art» посылаю стихи З.Н. Гиппиус из альбома С.П.-ы. Если можно передайте М.С. Цейтлиной и если можно для Нов. Жур.

Получил корректуру. Но весь день никого. Верховая может только во вторник – 18-го. Если завтра придет Емельянов и если он вечером не занят, начну. Вот

почему я так задумался: сделать операцию левого глаза.

«Мелюзина» так и не вышла, хоть было обещено на Евдокею: ссора продолжается – электричество закрыто, машины не работают. А я попал в середку.

Евдокея называется «Плющиха» – «плюскать» – ударить, прижав – она несет весенний мороз. Потому вот и солнце, а лезь в шкурку – от блеска ломит глаз.

Дорогая моя кукуня! Очень безпокоюсь о вашем здоровье. Все под знаком случайностей. Но именно случаи переменчивы. И вы поправитесь. Начинаются весенние дни – рост и надежда. Скриплик чинит скрипку – скоро ему работа учить зверенышей и малых птиц новым песням.

А. Ремизов

17 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
мой верный единственный друг
Наталья Владимировна!

За «На курьих ножках» спасибо. Прилагаю письмо Вайнбауму: если что загнул, зачеркните. Если бы я его видел, мне было б легко написать, и по своему, но разве он чувствует? Даже после «Кочевника»?

Вам не надо говорить, вы без объяснений поняли, при каких обстоятельствах я решился дать в Р.Н. о Гоголе. Ведь я еще живу на свете и в Гоголевские поминки Париж и русскому голосу не откликнуться среди французских, ведь не было газеты, где не печаталось бы о Гоголе.

Мое отношение к Русским Новостям вы знаете, вы присутствовали однажды при моем разговоре и смягчили это объяснение вашей властью.

После того, как со мной поступили и не раз в этой газете, о чем было говорить! «Розовых лягушек» они оборвали на полуслове, потом из моего о Пушкине вычеркнули несколько строчек «экономия места».

Я не злопамятливый, но профессионально не могу забыть – как же так можно мудровать с литературным произведением?

И теперь, когда у меня попросили о Гоголе, я закрыв на себя глаза, дал во имя Гоголя мое слово о нем.

Вы получили, я послал листок с рукописью «Гоголевская тройка», называется «Судьба Гоголя». Я взял эту статью из YMCA, где решили мое (там 5 статей) отложить на неопределенное время.

О корректуре после Кузнецовой я верно не ясно выразился. Я хотел сказать, что мне легче было бы читать корректуру после Кузнецовой. Корректуру я получил и буду извещать Александрову по мере чтения письмом, выписывая, если встречу пропуски в тексте.

Дорогая моя кукуня! Пишу «буду читать», но ведь я самостоятельно не прочту и строчки. Едва докликался: завтра мне будут читать.

А. Ремизов.

20 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Вчера Prevost передал мне 50.000 и я расписался на листе, что он мне дал деньги; расписка пойдет в контору. Очень вам благодарен. Теперь с субботы заработает «Репарационная Комиссия». 30.000 я дал Н. Резниковой и 20.000 храню на апрельский «тэрм»

и отопление. (За газ, электричество и в «лявуар» все заплочено).

Мучаюсь с корректурой до «тихого помешательства». Сам я не могу читать, не разбираю строчек, читает в слух Верховая, а по оригиналу глазами или О.Е. или Н. Резникова, но обе в корректуре (как поправить) не тверды.

Книга (В розовом блеске) трех стилей: III ч. Оли, с чего начинается, написана 30 лет тому назад; IV ч. – до войны – 20 лет, а V ч. 1943-1944. Старое хочется поправить, а из-за глаз не могу.

Есть незначительные пропуски. Если Кузнецова, корректируя, следит по оригиналу, она не может не исправить. Об этом я пишу Александровой.

Все другие мои дела пришлось оставить и рисунки и Тристана. Пытаюсь и самостоятельно исправлять, да почти ничего не выходит, а времени – безполезные часы! Если бы вы были тут, как было бы все просто, – как с «Подстриженными глазами».

Теперь я по другому пишу. А раньше: есть фраза одним духом – большого дыхания – целая полоса гранок. Верховая, читая, задохнулась. Но способ описания неизменен – Court métrage.

Из «84» никто не зашел: им передана и «Сверкающая красота» и «Серебряная песня» непринятые в газетах: «très serieux et important». А у сюрреалистов, конечно, пройдет.

Дорогая моя кукуня! Меня очень мучает, что невольно я огорчил вас. Когда вы получите письмо, прилетят жаворонки – первые весенние песни. А я в непроглядной хмури.

А. Ремизов.

23 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Репарационная Комиссия за работой, с 7 утра меня мучают. Между водопроводчиком и пылесосом корректура. Еще только половина!

Отклик на заметку в «Art» (под портретом Гоголя) Biemel (Rounauld) директор Deselée предлагает сюпервизион перевод Сказок. Думаю, так будет проще и вернее. Biemel переводил Рильке, любит и понимает, умеет и выразить «поэзию» – хорошо написана его книга, «Mon ami Vasia», стиль.

Я уверен, все наладится. Надо чтобы французы показали пример, тогда будет легко сделать и английское издание.

В Гоголевском № Н.Р.С. (2 III) хорошая статья Иваска «Мифы Гоголя», видно, много и внимательно читал, и думал. А у Адамовича – «клишэ», думать ленив, поболтать да. Любопытно чем удивит Даша. Слышал что она очень довольна своим острословием – тема подходящая: высмеять Гоголя.

Предполагается по французски сборник о Гоголе, мое будет, Гоголевская тройка, Ноздрев, Чичиков, Манилов и рисунки.

У французов сейчас Гоголь загородил модного Сада (Маркиз де Sade) и нет газеты, где бы не было о нем статей.

Наконец пришла Nonne: она от всенощной после выноса креста. Спрашиваю: почему же вы не приходили? – «А я думала, вы счастливы, вы получили 500 дол!» Я хотел ей сказать: «Счастье? Мое счастье – отчаяние», а сказал: Мне надо помочь корректиро-

вать. Я всю жизнь сам корректировал». – «А я не думала».

Весь день прошел, никого. Заходил в полдень Емельянов, но ему некогда.

Александровой посылаю два пропуска. Боюсь, Кузнецова не заметила – заметнее только если следить за оригиналом.

Дорогая моя кукуня! Весна! И у меня столько надежды, что сумею что-нибудь сделать для вас – вас обрадовать.

А. Ремизов

27 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Чувствую, что-то неладно, хочу себе представить в чем дело и путаюсь в затмении.

Опять холодно и я в шкурках и от холода – какие безпокойные ночи. Только вчера кончил корректуру. Самоотверженная Ольга Елисеевна накануне читала с 2-х дня до 11-и ночи.

... Сегодня я не в счет, так взбудоражены мысли, но сквозь мглу сна видел белую дорогу снег. По дороге иду я уверенно и вижу. Почему-то подумалось о своей неверной судьбе: всю мою жизнь меня откуда-нибудь выгоняли. И еще больше я убеждаюсь, что я не к месту здесь, на земле. Или и вправду, мою «шкурку» сожгли?

Дорогая моя кукуня! Как мне холодно, но как я уверен, завтра я начну свое без оглядки.

А. Ремизов

28 III 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо за «В модной мастерской» (2 экз.). Одновременно от С.Ю. письмо, которое меня успокоило. Я очень тревожился, думал о напастях и повторял: пусть лучше на меня падет, но вас минует – вам еще столько впереди. Будьте осторожны с едой, не ешьте фаршированную падаль, надо проще – по инстинкту, как звери – бежит зверёк откусил травку, почему-то не ту, а эту и дальше.

Какое видел я небо и среди звезд одна звезда – висит сверкающее гнездо. И вас видел. А Ися все переходит с места на место. И еще и еще, очень много и ярко, как та звезда. И когда такое я вижу, я чувствую себя, весь пронизан выблескивающей абстракцией звуков, как мои конструкции, они мчатся во мне.

Прилагаю письмо. На ваше решение. *Не возвращайте,* и как хотите, разорвете – ладно, сохраните – документ, любопытный для истории: «нравы русской улицы в Нью-Йорке». Какое дикое время.

У вас мои рукописи: 1) Воскрешение Мертвых (Чичиков) 2) Сквозь синий дурман (Манилов) и 3) Гоголевская тройка – как вступление или как послесловие.

Гоголевскую тройку я послал как *papiers d'affaires* воздушной почтой. Хорошо ли дошла, я вложил и страницу из Рус. Новостей юбилейную о Судьбе Гоголя. А потом стихи З.Н. Гипиус и страницу из Art с портретом Гоголя и моим (в тексте) о вас. И все эти papiers d'affaires обошлись дешево. Я подумал, так может быть послали 6 по частям и вашу Сказку? Я приготовил альбом – в переплете, верх голубой.

Дорогая моя кукуня! Сколько хлопот я вам сделал своей свободой. Никак не могу принять и никогда не принимал, оттого и моя жизнь такая, этой тупой середины человеческих, не человечных, отношений.

А. Ремизов

3 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович!

С какой радостью читаю Глобусного Человечка! Сегодня получил рукопись. 30 страниц, больше не берет глаз: правый плачет, а на левый соскакивают строчки в белую бумажную пропасть. Завтра окончу. Но все равно и наперед скажу: чудесно. И я был прав когда говорил о вас и говорю – о единственной сказочнице и первой среди нас, и единственная в русской литературе.

Ищу у вас огорченное – горькое и светит и поет – а и в вашей горечи мне звучит мажор мудреца.

По мере того, как буду переписывать в альбом и рисовать, буду вам писать *для науки*. Русская литературная речь, как вы знаете, вдруг поднялась на такую высоту недоступно русской критике, писанное по обветшалым указам.

George'a Reavy'я (Репея) знаю 25 лет, он часто приходил к нам – он по шерсти был похож на свиного поросенка и дверь затворял за собой ногой, как крючком. Великий молчальник – часами мог высиживаться в уголку на диване, молча. Переводил мое. Сюрреалист. Говорит по русскй (его мать русская) и по французски. Не англичанин, а ирландец.

Как хорошо, спосибо, получил 50.000 фр. Я из 50.000 дал в «Репарационную комиссию» 30 т. 20 Лурье на тэрм. И у меня ничего не осталось. «Кушетку» принесли. Я лег и без привычки, свалился. Я хотел бы сначала Чичиков, потом Манилов, и как «резюмэ» – Гоголевская тройка.

Дорогая моя кукуня я счастлив – слышу ваш голос. Как было бы по душе ваше Диккенсу, а из русских – вот не догадаетесь? – Горькому.

А. Ремизов

Завтра напишу.

4 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович!

Весь день и вечер (сейчас 11) проговорил с вами и начал альбом нарисовал три картинки.

Туманы – сквозь пелену слова и буквы. Единственно, что показалось медленно это тюленыш а самое яркое: мышка с огоньком. А может потому, что я нетерпелив и никогда не удил.

Книга будет ошеломляющая.

Словесных исправлений очень мало. Сначала я думал устранить «клише» русских переводов с иностранного, обращения: «достопочтенный» и др., но я не решил еще, переписывая, увижу. И то, что я все думаю о тюленыше стало быть, описание ярко. М.б. мотив: погибель, пропад и возвращение к жизни – одно за другим – однообразит общее? Но ведь оно так и есть на свете.

… В Les nouvelles littéraires появилось интервью с J.R. Bastide'-ом. Меня выделили портретом из общей литературной каши, но не хватило места и разговор со мной пришлось сократить.

А. Ремизов

9 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Видите как медленно иду: только 4 страницы переписал. Когда пишу, я вижу только пишущуюся строчку, а мелкие рисунки – и чего я вам нарисовал не знаю. В крупные я вижу сфероид – мой мир понемногу переходит из линейного в сферический. Но я одолею всю вашу рукопись: облюбовываю каждое слово, а любовь все победит.

На Благовещение – ваше рождение – мой праздник. Зашла Nonne с цветами. Ожерелье из левкоев на львятах. Ваши определения новые, конечно, есть неизбежные: чем заменить «ослепительнее» света?

Когда я кончу переписывать 30 стр. я дам Никитину для ориентальной критики, напр. может ли фокусник носить чалму?

Глобус изобретен в 1492 г. Martin Behaim. Стало быть и человечка зовут Бехаим. Во всяком случае глобусного человечка надо писать с маленьким тирэ: Глобусный-Человечек. При чтении не замечается что он из двух слов.

У нас вдруг лето: завтра зазеленеют каштаны. Поет какая-то первая птичка. Окно раскрыто, я вдруг различаю. И подумал: стало быть я еще жив, если обрадовался листьям и этому робкому чувырью.

Мелюзины до сих пор нет. Нечего мне к Пасхе и подарить.

Дорогая моя кукуня! Весь апрель пройдет под ваш голос, как однажды под Достоевского, когда писал «Звезду-полынь».

А. Ремизов

12 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня-горюня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

«Репарационная Комиссия» меня совсем съела. Зато блестит паркет, ступить – на цыпочках.

Сегодня здешняя великая суббота. Только во вторник удастся послать следующее письмо с отметками. Переписываю и рисую медленно, п.ч. думаю. И теперь когда все кончу хорошо бы проверить, иногда мне кажется, не так, а потом вижу Вы правы. В альбоме исправляю, а вашей рукописи мало чего трогаю. В конце концов все легко установиться, когда вам удастся мне прочесть. А Л. Горской я дам переписать. Мне надо окончить I ч. (30 стр.), а кроме того Пасха, не возьмется переписывать.

Как я радуюсь переписывая. Я слышу интонацию голоса и движения.

У меня остался 1 экз. Сказок. Продал двум англичанкам в Кэмбридж 2 экз. Храню 2000 фр. Остальные пришлось дать детям и таким – для дела. (Не думайте что я расточаю как свои).

Прекратили отопление и опять в шкурках.

. . . .

Дорогая моя кукуня! Верю, все наладится – все поправит и весна и мое желание (Русское «желание» не переводимо).

А. Ремизов

Вашу книгу я переплел. Вклеил «Дар сказывать» а в конце Ваше «Сказочник».

16 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

А как я вас ждал! За этот срок – скоро год. Единственная моя радость – Глобусный-человечек. Дни проходили согнувшись, не подымая глаз. Чем дальше иду, переписывая, тем ощущение всего существа ярче. Я ночью проснусь от хлыва этого чувства и с Глобусным-человечком вместе идем. Ваша душа должна волноваться – он вестник от вас.

Думаю, что мне делать с Чичиковым. В.Н.Ж. не примут, там о Гоголе Чижевский. Для него мое покажется вздором и чепухой. Можно сделать испытание: дать прочесть М.С. Цейтлиной. Любопытно что она скажет, ведь она знает всех новожурнальных китов. О Н.Ж. я ни от кого не слышу. У меня XXVII книга, вышла ли еще не знаю, у них лежит «В сырых туманах» – повесть, которая следует за «Кочевником» и войдет в книгу «Иверень».

Как я жду вас. Я все еще надеюсь. Есть такое-легче объяснить словами и о графике текста рукописи, вы еще твердо не усвоили. Напр., в разсказе разсказа не надо красных строк, а разговор в ковычках. О «ромашках» я вычернул, но я уверен, вы его восстановите. М.б. всю историю Дикси узнала от ромашек. А кроме того они связывают жизнь дома – Дикси – со всей

природой. Конечно, все это легче было бы объяснить, говоря и слушая вас. Все сделаю, чтобы к 25-26 IV было переписано.

Дорогая моя кукуня! Вы очень взволновались. Примите мои замечания, как направление, куда надо смотреть. Только закончив альбом, я сам для себя разложу формально весь текст. А пока барахтаюсь и наверно не раз ошибся. «Глобусный-человечек» так прекрасен, вам нечего безпокоиться. Я уверен, и переписка будет готова, несмотря на все трудности это исполнить.

А. Ремизов

17 IV 1952

Дорогая моя бубяня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Только что послал письмо, пишу о Никитине. Я хотел ему прочесть о Египте. Без рукописи, переписывается, мне трудно было спрашивать. Но и из моего рассказа о Египте как он оживился! Всей сказки я и не собираюсь читать кому-то-ни было, а Н. Гр. в церкви. Когда она придет, я дам ей и она про себя прочитает.

Сувчинского спрошу о оркестре, мне самому любопытно, что такое «двойной» корнет.

Сейчас будет перерыв в моей альбомной рукописи, последние страницы. Как только получил рукопись, я сейчас же принялся за альбом, подготовлен еще когда приезжал Ися в Париж. (Забыл написать в том письме: фокусник может быть в чалме).

Я очень напуган, меня никогда не покидает, что а вдруг не в состоянии буду списывать, а только под

диктовку. Кроме того, переписывая, я вхожу и иду по словесной дороге. Так могу судить о всем «слове».

Я переписал, иллюминируя, половину. И что я заметил, как чем дальше, тем рука тверже, смотрите, как мало замечаний. В начале чувствуется приспособление под перевод, потом все меньше. В начале какое-то вжевывание слов с постоянным вопросом: «это понятно?», потом пишется как выговаривается по русски безогляда.

Исе передам три экземпляра.

Дорогая моя кукуня! скажу вам по себе: вот я сколько трудился над «Чичиковым», но разве кто-нибудь полюбопытствовал послушать? Все заняты своим. Я ведь и Февронии никому не читал – в мае год – да никому ни до кого и ни до чего. Вы единственный.

А. Ремизов

22 IV 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня квакуня
Наталья Владимировна!

Я знаю как вы зорки к словам, я помню ваши поправки моего – Ихнелат, Грудцын, Мелюзина.

Вам надо оживлять вашу словесную память вот почему я повторяю о словаре Даля или как я сейчас читаю о «Петровских повестях» XVIII в.

Мне еще ничего, большой запас слов, но и то я чувствую понижение словесного уровня, а вам – за год в Америке должно быть очень чувствительно.

Стихия языка рассеивается.

Есть город «Невея» читаю, и дальше сабля – по тылу, копье – по пасаду, палица-по-черепью, вы чувствуете: русская земля. Вовсе не для того, чтобы

пустить в оборот эти слова, но без них можно задохнуться.

Чтение русского воздух. «Так танцовали что и сорочки хотя выжми от поту их».

Замечание простой речи о танцах (XVIII в.). Надо входить в самую гущу склада живой речи, иначе будет наше стертое.

Все это я говорю, чтобы вас убедить читать русское, я вам говорил В лесах Печерского.

. . . .

Завтра придет Ися и я передам ему три экземпляра.

А. Ремизов

25 IV 1952

Дорогая бубуня кукуня квакуня
Наталья Владимировна!

За курточку кофтяную спасибо, обряжусь, как вернется теплое время. Каштан весь бело – цветный – Париж осеребрен – но за то и холод, в марте такого не бывало.

... Вы любите «что» махрит фразу, а по мне фраза должна быть вылита. Проверить легко стоит только перевести книжное со «что» на разговорное. Мы говорим лучше, чем пишется.

Я знаю вам холодно	Я знаю, что вам холодно
(так скажете)	(а так напишете)

И даже в сравнении можно опустить «что».

Эти самодовольные верхогляды что разваренные бобы... верхогляды – разваренные бобы...

Всю ночь я воспроизводил ваш текст без оригинала: большие листы, крупные косые буквы.

Я ревниво отношусь к вашему. Когда будете отделывать, забудьте всякие фальшивые образы по которым ничего не стоит, садись и переводи.

Достоевский без словесного полета учился по переводам и учиться по Достоевскому и по Толстому ничего не напишешь. А Гоголь писал от себя.

Вы одарены и чувствуете слово. И я верю, вас не собьет никакой соблазн быть как все, а стало быть, доступной для перевода.

Дорогая моя Кукуня! Если бы вы были, как бы ясно я выговорил все что думаю, и ценю вас, выделяю из всех и жду уверен, не обманусь.

А. Ремизов

14 V 1952

Дорогой Исаак Вениаминович!

Наконец получил от Натальи Владимировны и как обрадовался: с Глобусным человечком уладилось, заглавие остается и новое придумывать не надо. Какая будет чудесная книга. Радуясь, завидую находкам. Когда получите ответ Гончаровой, вы мне скажите.

В Н.Р.С. начали печатать мой запев к Кочевнику. От Манилова и Тройки Вайнбаум отказался. Куда теперь не знаю – в Новый Жур. к Марье Самойловне – не примут.

С вашего отъезда, год тому назад, осень и зиму занимался Мертвыми Душами.

Вчера была девятая годовщина (1943) памяти Серафимы Павловны. Начинаю десятый год моего затвора.

«Репарационная Комиссия» старается с блеском и не знаю когда кончат пылесосывать и натирать. А из приходящих никто ничего не замечает.

Дорогой Исаак Вениаминович, знаю, сколько у вас хлопот и думаю о Вас, и как это вы в одной комнате на тычке?

А. Ремизов

Когда будет возможность, загляните и потом я напишу Наталье Владимировне, которая безпокоится.

15 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
и волкиня Наталья Владимировна!

Жду Исю. Я написал ему: «когда будет возможность». На меня он произвёл впечатление бодрого уверенного – а это самое главное, не растеряться и усомниться, вот как я сейчас. Я ведь и на сказки набросился с последней надеждой что-то откроется. Я вдруг почувствовал, что двери захлопнулись и я остался один.

Да, тысяча нитей – лунные, солнечные и звездные. Звезды – судьба, по ним встреча. И вот почему в музыке я различаю голос и узнаю его. Музыка от звезд. Утром в раскрытое окно из гаража донесет протяжное и сквозь курлыканье расслышу знакомый голос.

Только теперь я понял, почему меня так встряскивает каждый звук извне. Но должно быть, такое только со мной, мое, потому что во мне – в моей душе – полно музыки. Я просил С.Ю. сводить вас послушать Трио Чайковского, узнаете ли вы голос из Подстриженных глаз? Есть ли у вас музыкальное восприятие слова? И человека?

Жила когда-то лиса, а рядом в лесу медведь жил. Часто они встречались, разговаривали, хвостами ме-

рялись. В те времена хвост у медведя пушистый да длинный был.

Лиса учит медведя как ловить рыбу: «уж очень любит она за хвост цепляться».

Сказка известна у нас с волком, а на севере медведь и какие подробности звериные, я их так чувствую «мерились хвостами».

Не знаю, куда мне сунуться с Гоголем. Вайнбаум был прав, много было в Н.Р.С. затасканных *клишэ* о Гоголе, исключение статья Иваска. Спасибо что Ноздрева пропустил. И вам приходится что-то объяснять, защищая меня – это подвиг.

Дорогая моя кукуня! Звук полнее света. Об этом я давно думал, а почувствовал и чувствую теперь до боли.

А. Ремизов

16 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Спасибо: получил «Не наших измерений (№ 3) и 3 дубликата 1, 2, 3. Спасибо.

Отмечать мое рождение – затея французов. Предполагается в L'Art и в Les nouvelles littéraires» и по Радио: Jean Paulhan, потом Armand Robin из Грудцына (Poste National). Они хотят это сделать в русскую ночь под Ивана Купала, в воскресенье 6-го июля. Русского отклика в Париже не ожидается. Для газеты «Русская Мысль» я не существую, а в Русских Новостях я больше не участвую.

Сохраняя «родился в Москве в Купальскую ночь» 24 июня 1877 г. В этом году исполняется 50 лет как печатаюсь:

8 сент. 1902 г.

за 50 лет вышло моих книг 88.

Посылаю две фотографии для печати блестящие, надписывать нельзя.

Если бы вы были в Париже вы пришли бы. Исе я передал 3 экз. «Гл. чел»: два просил послать вам, третий Гончаровой.

А вот еще о мышке, как она едет веселая – весна!

Ореховая скорлупка – лодка моя – тёл-тёл
Лопатка – весёлко мое пол-пол

По берегу все ее встречают, зовут к себе: всякий ей свою еду ставит: кто щучью, кто утиную.

И вот тут что-то случилось это вы выдумаете (в оригинале объелась осетровой икрой).

Мышка шатаясь, пошла к своей скорлупке, села и грустная поехала дальше. И только лодочка ее поет – «тёл-тёл».

Сегодня как летом. Я в первый раз в вашей вишневой паутинке такой легкой, вот подымет и я выйду на улицу и на мороженное я люблю, все съем. Как я жду вас.

А. Ремизов

17 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна

....

Последнее время меня обличают: литературно, что пишу не так, как нужно и по человечески, судя мою душу. Если кто вздумает написать обо мне рассказы – воспоминания, сколько там будет не моего, не с меня, снижающего меня по мерке автора – обличителя.



Последняя прогулка 1956

Во времена Достоевского возникла даже литературная форма рассказы обличителя.

Ися привез для Н.Гр. коробку. Если она зайдет ото всеночной, сегодня же передам ей: обрадуется.*

Дорогая моя кукуня! Как я жду вас.

* Передал, счастлива!

20 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Ися обещал, заедет в субботу, привезет деньги: надо отдать долг Верховой, а в 3 ч. сговорился с Чижовым на кладбище (если не будет дождя).

Продолжаю дорогу по сказкам. Встретил прием похоже на «Небесный камень». Приговоренный (обреченный, о чем открывает ему Мырак, дух судьбы. Пробует побороть Мырака и в ужасе выбежал из дома. Но все равно, судьба (Мырак) его настигает.

У вас очень хорошо сделано, что нигде не говорится «дорога на небо». Передо мной все больше раскрывается ваш дар и я вас так высоко ценю и для меня вы – «живая вода».

Очень трогательная сказка о глухаре, почему у глухаря над глазами красно – это слезы окрасили перышки. Глухарь не хотел улетать в теплые края, а гусь и утка, схватя его под зоб, тащили за собой лететь.

Еще о зайцах, почему кончики ушей у зайца черные. Вспоминается всеми забытое – год, когда на горах, в чаще леса, в россыпях и во впадинах напал мор на зверей. Зайцы от зверей пришли к шаману «делега-

цией» и когда шаман начал свое камлание (заклятие) зайцы рассмеялись, глядя на его прыжки, шаман ударил палкой по ушам.

И еще о лисе, почему у лисы на груди белая шерсть. Это белое перышко птички – лиса лежит, мордку положила себе на лапы: очень просто задумала приманя поймать птичку, не удалось – и лишь белое перышко пристало к груди.

Есть одна легенда о разорванном человеке. Половина с сердцем – солнце: солнце нянчит и светит, а другая половина месяц только светит, добавлю светит мечтой.

Дорогая моя кукуня! Мое солнце и месяц, сколько вы мне дали жизни.

А. Ремизов

В Париже был Карпович, я его ждал, хотел попросить не морить мое «В сырых туманах», должна войти в мою книгу «Иверень», ее место за Кочевником.

25 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Теперь я понял, как все это произошло – иду по берегу Ледовитого Океана – вцарапаюсь на гору и качусь вниз или расталкивая ельник, пробираюсь чащей. Это ваш Глобусный человечек внушил мне такое рискованное для моих глаз путешествие.

Не мало современных записей – бормотня, но попадаются образы глубокой памяти, когда люди и звери жили вместе. Дошел и иду слушаю тунгусов. Третий альбом кончаю – рисую с подписью для памяти.

Вот видете какое ваше влияние, не напиши вы

Гл. чл. может быть я продолжал бы следить путь «Тристана».

По моим снам вижу вы где-то очень далеко и даже на оклик мой не обернулись.

Вчера (суббота) ждал Исю. Может сегодня. Вчера меня возили на кладбище. Первый мой на свет Божий: деревья в цвету и не майская зелень – ранняя весна. Я собирал глазами всю пестроту цветов с нарядных могил. И сегодня я поднялся по будильнику, не как обычно.

А Ремизов

26 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Спасибо, получил окончание «Начала слов» (Философия, Наука, В каменщиках). Спасибо.

Из «Розовых лягушек» видно, что прошло 50 лет, как в первый раз меня напечатали. И в этом главное, а не в моем метрическом возрасте. Объясните это Вайнбауму. И через 50 лет я также волнуюсь, когда отдаю свое в печать. Посылаю «Повара». ...

Ися ни в субботу ни в воскресение не был. Я напишу ему о Гончаровой. Она теперь в раже: 29 мая ее тетральная выставка за 40 лет, а с 10-го июня ее и Ларионова, стало быть, будут выставлены ее иллюстрации к вашим «Сказки». Мне кажется моей карточкой для «Глоб. чел.» сейчас ее не бередить: будет и смотреть и слушать невнимательно. Я спрошу Исю, и что она ему сказала, если видел ее.

Ее обошли на нашем музыкальном мае: искусство XX века. До вас не доносит ни наше лето, ни раскаленность Парижа и цветущего – триумф Стравинского.

Дорогая моя кукуня-квакуня! Как я жду вас. Все мышки ушли – у пубелей 15 котов вечером на дежурстве, клеенка на столе новая-чистая, стулья без провала – поправил Емельянов, в табуретке гвоздь вбит, а «в кукушкиной» пол блестит и только занавески обезпылены, но вверху, как сеть многолетняя работа зубастой моли. А корсиканка вчера не пришла, жду в четверг и на подмогу придет Никитин: разговор о издательствах, надо умный глаз и ухо.

Сейчас же напишу. Уж очень меня обманывают или неблагоприятное течение планет?

А. Ремизов

30 V 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна

Музыка меня очень взволновала (наконец вчера из Club d'Essaie принесли мне обещенный в конце апреля радио). И сон был жаркий. Когда развешивали Вы сказали: «У нас нет квартиры, мы остаемся ночевать у вас». Я проснулся. И на яву думаю, как вас разместить.

Наконец вчера появилась корсиканка. Говорили о вас. Я верю, она поможет устроить «Сказки». Сейчас она в моде: получила Академическую премию и в издательства дорога открыта.

... Нет, это не судьба вашей книги, а во мне – «течение планет» надо мною. Мудрые говорят: надо верить в свою звезду. Я верю. Но вы-то знаете какое недоверие глубоко во мне. И прорывается отчаянием, когда я говорю, Вы знаете, «все сжигаю». По другому я не могу объяснить мои неудачи.

Дорогая моя кукуня-квакуня! Вам я хочу только радости. А радость – благословение всему миру. Я по судьбе неприкаянный особенно это чувствую.

Продолжаю мой путь по Ледовитому океану. Я дошел до ламут – сказки о лисе. Все ее называют «лисичка», п.ч. ей верят. Одна лисица прикрепила себе на уши рога, она рога сделала из травы-трубка (в роде тростника) и напугала орлицу – еще бы: лиса с рогами.

А. Ремизов

2 VI 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

В субботу (31-го) опять на мгновенье виделся с Исей. Условились в конце недели и чб. Nonne была, к-ая ждет его поговорить. Мое ночное письмо вы получили в письме от Иси.

Вчера никого: Троицын день. Слушал музыку Штейнберга. Штейнберг дальше Стравинского. Новое сочетание звуков и новое звучание. Такое чувство: взрыв и новое небо. Если переводить на словесное, это как раз то, что меня трогает в вас, когда вычитываю неожиданное.

... Продолжаю мой путь по Океану. Вчера была встреча: Море подняло волну и покатила к берегу и в плеске волны я услышал голос, говорило море. Я затаился, вслушиваясь. Оно называло меня по имени. И я обрадовался. Потом слышу, но это не ко мне, море говорит ветру: «Речка тут мелкая, сделай ее поглубже!» И я слышу, ветер сорвался и побежал в устье речки.

Все живет, вы чувствуете. Нет неодушевленных и немых. Вы это лучше (живее) меня видите.

Дорогая моя кукуня квакуня! Когда вы не пишите читайте, но не глазами – убить время. Я не знаю, куда вы сейчас глядите – что вас тянет к себе. Боюсь, зубы заполняют внимание. Записывайте в тетрадь о чем подумалось. Теперь и у вас лето.

А. Ремизов

4 VI 1952

Дорогой мой бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Спасибо за вырезку о Чеховском издательстве. Мало надежды, что возьмут и еще какую-нибудь из моих больших книг: «Учителя музыки», «Иверень». Когда-то выдастся час об этом рассказать вам в кукушкиной. Мое шестое чувство меня пугает и я тороплю дни, я словно в тюрьме жду освобождения. И не забываю что вам надо проверить I-ую часть 39 страниц для русского издания. А как было бы просто: вы мне читаете и слушаете замечания. Вы и одна можете это сделать, на свое и мое вы зорки, и все-таки, по себе сужу, со стороны внятней. А сколько у меня пропадает а за год кануло – что только вы единственная, только вас тронуло бы: слова, образы, мысли.

Сегодня я в полпути в моем путешествии. Иду медленно. Рисую. Но как легко было и рассказать.

И еще я чувствую, я заколдован, и в каком-то подчувствии своем убежден, что только вы можете меня расколдовать: глазом, голосом, прикосновением.

. . . .

Посмотрите, до сих пор не вышла «Мелюзина», да так и все мои затеи. А я ушел далеко. А в кушкиной без меня лощат – «репарационная коммисия, Лурье в ужасе: сколько истрачено денег и без «фактур», а я не могу вспомнить.

Дорогая моя кукуня! Я знаю, я слышу чок-чок-зубы точат. Я чую источник неприязни идет из Парижа. Но так было всегда и только теперь, заступаясь, вы ясно видите.

А. Ремизов

Вчера Ися виделся с Гончаровой.

7 VI 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Ваше определение правильно: СУЖУ СВОЮ ДУШУ. Это мое «я», оно во мне – осматривает меня, допрашивает и судит мою душу.

Так я спросил себя: откуда куда и зачем? На вопрос «откуда» я отвечаю своей исторической памятью: кем я был в прошлом. (Киев XI в.). Москва XVI - XVII - XVIII в. (Пляшущий демон, Воронье перо) Византия с VI-XII и глубже Голгофа (Три серпа, Легенды о Николе.

Мое сердце исхлестано шиповником и боярышником. Всю жизнь я прожил НЕПРИКАЯННЫЙ! Зла ни на кого не помню, никакой обиды и никому не желал зла. В чем же моя вина? Почему от меня уходят (Подстриженные глаза) или отталкивают (Сава Грудцын). Или на мне «Каинова печать» и это чувствуется другими – один святой не благословил, другой святой оплевал (Подстриж. глаза) и опять повторяю то что хотел высказать в Грудцыне мою НЕСТЕРПИМУЮ БОЛЬ РАЗЛУКИ, об этом и в «Милюзине».

Тут, в этой жизни мне не узнать: «за что формально (словесно).

Я не хочу воскрешать какой ни-будь стиль, я следую природному движению русской речи, и как русский с русской земли, создаю свой.

Во ФРАЗЕ важно пространство, как в музыке. Во мне все звучит и рисует, сказанное я перевожу на рисунок (Музыкальное построение).

Дорогая моя кукуня! Мне кажется я столько наговорил комментарий к вашему определению «сужу свою душу». Послал вам «Лит. некролог», старался кратко перечислить названия и отвечаю «зачем жил»?

А. Ремизов

19 VI 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Мне очень тяжело, что вам приходится выслушивать и объясняться за меня. Не могу привыкнуть к мысли, какая эта тина вокруг вас и сколько надо усилий пробраться сквозь.

Мне не только тяжело, но и горько – вы это знаете, кроме радости я ничего не хочу для вас.

В «Роз. ляг» я сделал заглавия.

6) Сумасшедший, 7) Курьер, 8) В Москву. Эти главы не были напечатаны. Можно было бы дать:

Мое вступление в литературу

Когда спадет жара, вы сами взгляните и проверьте по моей рукописи.

Я послал вам «Солнечного цыпленка» – к сезону. Его судьба? На днях пошлю «Кишмиш».

Исю видел два раза с его приезда. Он в Лондоне. Он очень занят. У меня еще есть деньги и на тэрм хватит.

«Репарационная Коммисия» продолжает свою деятельность, хотя Ольга Елисеевна застряла в Брюсселе и вытащиться не может (угораздило проникнуть без визы!).

У «Чукчей», вот уж где я! встретил много любопытного и всякий раз при встрече Вы, с вами разговариваю.

Сегодня, по словам астрологов, мне враждебные планеты мудруют надо мной. В последний раз, завтра наступит освобождение.

Дорогая моя кукуня! Я достал тетрадь буду продолжать переписывать с 39 стр. и рисовать.

А. Ремизов

21 VI 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Вчера днем заезжал Ися. И опять на мгновение. У нас такой холод, я совсем замерз, в 7 шкурках и говорю не по своему. 20 дол. за «Начало слов» получил. У Иси остается моих 250 дол. 50.000 фр. и у вас, «на смертный случай» 80 дол.

За тэрм (16 июня) у меня будет чем заплатить, бережет Лурье.

Ися скоро возвращается к вам. Я начал переписывать, чтобы успеть кончить к его отъезду. Исе я рассказал о «Розовых лягушках»: рукопись 31 страница, напечатано было 9 страниц, стало быть 22 не напеча-

тано, и как можно было говорить Вам, что большая часть напечатана? [...] Только ваше терпение и мое некуда деваться, а то б... В письме я смирно говорю.

Гончарова еще не ответила. Ися обещал заехать еще раз через неделю. Тогда и ответ скажет.

Дорогая моя кукуня! Поймете ли вы? Мне кажется – так я чувствую – меня приговорили на год, как ждал я освобождения! А через год говорят: приговорен еще на год. Так я живу. И разве могу я чему-нибудь радоваться?

А. Ремизов

Неужто я так и уйду из мира с такой неутолённостью, не мирно в пожаре чувств, обреченный за что-то.

6 VII 1952

Дорогая моя бубуня
зыбуня кукуня-жаруня

На русской земле вечер под Ивана Купала. Что-то мне приснится, сегодня воскресенье вчера перебесились: крик стоял до 2-х ночи.

Несчастная Нонн, опять с ней беда. Вчера на нее напали разбойники, какой-то подкрался около ее дома, ухватил сумку (документы, очки и 5000 фр.) и убежал. До 2-х ночи ее держали в коммисариате, допрашивая.

Днем она зашла в иступлении. Пять тысяч я ей конечно дам – конечно отказывается. Но снять испуг этого я не могу. Я знаю, как она любит вас и сказал, что напишу вам.

Юбилейный № Н.Р.С. тут произвел большое впечатление. Из «Русской Мысли», где Зайцев, был П.Е. Ковалевский, хочет написать о 50-и летии, а из «Русских Новостей», где я больше не печатаюсь Хохлов и Савченко, тоже «несмотря на...».

Про это пишу вам не для похвальбы, я знаю, Вы знаете, какая цена этим отзывам, но с точки зрения жандармерии, м.б. про меня нигде отзывов печатать преступно...

Прошла ли у вас жара или все мучаетесь? Сазоновой и Завалишину написал.

Дорогая моя кукуня! Розовым светящееся поле, каменная белая ограда и ни одного деревца. Я знаю, это поле – загубленные человеческие жизни свет неизжитых чувств и желаний.

Высокая фонарем комната темно-красные (мой цвет) драпировки и ковры. Раскрыто окно – в ясный день Станиславский и Мейерхольд, оба нарядные. А разбудила меня сирена: под моим окном две скрипки, знакомый тонкий голос завываясь подымался к окну: Темная ночь....

А. Ремизов

9 VII 1952

Дорогая моя бубуня, зыбуня, кукуня
Наталья Владимировна!

Вчера заезжал Ися (5 раз.) Его любимая погода: пасмурный летний Париж. Я в вашей легкой гранатовой шкурке. Теперь буду ждать, приедет прощаться, и на долго. Всеобщий разъезд. Меня безпокоит, как я буду посылать вам письма. Надо придумать. Вы никогда мне не пишете из «живой жизни», так я вас

напугал. И вот я вас увидел в жизни. Зрение мое было необыкновенно, глазами я проник за океан, сквозь здания к вам. И вижу, вы окружены, как я когда-то мысленно называл, «привеском», все как было в Париже. И с острым чувством «самоунижения»? «отверженности»? (Каинова печать) глаза мои несутся назад – в булочную. Огромная очередь – больше не будут выдавать хлеба, – я проникаю сквозь толпу к прилавку. Хозяйка, лица не вижу, только ее спину, дает мне много хлеба: в обоих руках держу – белый, очень нежный, как воздушный пирог. И с хлебом возвращаюсь. И теперь не глазами спрашиваю, когда? Вы отвечаете раздумчиво: – Через пять лет.

И когда я представил этот срок, я прощаюсь с вами. А вы прощаясь нетерпеливо: «Зачем же так exagérer?

Когда проснулся, было серое утро, тихое «Белый день занялся над Парижем». Вернусь к корякам: у них вороньи и лисичные сказки. До чего на ваше похоже, будто вы сказываете – ваш голос:

«Однажды солнце послало свою сестру на землю за ягодами».

Все сказки я рисую и подписываю когда-нибудь показать вам. Семь альбомов, я отдал в переплет, а то пропадет, как пропало много моих рисунков.

Много времени ушло на проверку книги «Мышкина дудочка», туда входит много такого, что вы знаете – прошло через ваши глаза.

Дорогая моя кукуня! Чуете вы, как мне сейчас одиноко и какая горечь подымается на сердце? У Бодлэра все его творчество борьба со своей судьбой. Я тоже стучу в эту чугунную ограду моей судьбы. Сколько лет вы наблюдали мое исступление. А больше мне говорить не с кем.

А. Ремизов

11 VII 1952

Дорогая моя бубуня, дорогая моя зыбуня
дорогая моя кукуня Наталья Владимировна!

У меня такое чувство: долго держали меня за горло и вот отпустили. Вчера получил Мелюзину и сейчас же в конверт, дал денег послать вам авионом. Будет ли исполнено, не знаю: я ни в ком не уверен и ни на кого не расчитываю.

Зеленой обложки не нашлось: как видите, гороховая. Обложку рисовал поздно вечером в 11 ч., не различая рисунка. Как всегда в таких случаях, торопили. А мне было «все равно» – самое опасное и пропадное состояние: все равно.

Все-таки, прошу вас перечитайте и не глазами, как принято, а как вы можете, когда хотите.

Вайнбауму, Кузнецовой, Марье Самойловне и Софье Юльевне пошлю с Исей. С волнением жду его в последний раз.

У Солнца лучи – его гонцы в блестящих колпачках: они разносят по свету тепло и свет.

Дорогая моя кукуня! Я от моих строгих опекунов (Ися и Лурье) скрыл, что как Ихнелат, Бесноватые и теперь Мелюзина изданы за мой счет. Мелюзина обошлась 75.000 фр. Все обещания оказались призраком. Я пробовал разговаривать и с Якобсоном и с Н.Д. Набоковым и понял, никто не поможет. Но вы, я знаю, все поймете. Остается готовые: Бова Королевич и Повесть о Петре и Февронии, но когда это осуществится и увижу ли?

А. Ремизов

20 VII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня поплывуня Наталья Владимировна!

Необыкновенный сон: мне что дали это пояс, то ли в руку и теперь я могу превращаться в медведя. И я вижу себя медведем.

А сегодня поздно ночью, когда я остался один и сижу у стола в огне моей памяти, осторожный звонок. Я подошел к двери, отворил и вижу мальчик на лестнице, не дозвонился, но увидя меня, обрадовался и вошел в комнату: он останется со мною ночь. Не зажигая свет, я смотрю на него и вдруг понял: когда я засну, он тихонько подойдет и задушит меня. И я делаю усилие не заснуть.

Дорогая моя кукуня! Я не сочиняю, я слежу за моей ночной жизнью.

Вчера был Карпович. Как и всем, я повторял мое о вас, о вашем редчайшем даре видеть скрытое от других и рассказывать. Он слушал насторожившись. Я дал ему ваш адрес, в октябре зайдет к вам. У меня второй экз. о Мертвых Душах – 1) Гоголевская тройка 2) Ноздрев 3) Чичиков 4) Манилов – он заинтересовался и взял для Н.Ж. Я не знаю, что он скажет, я предупредил его, что Чижевский придет в ужас: «откуда я все знаю и по каким неопубликованным источникам?»

С Исей условился: завтра в 6. Я дал денег Nonne, она купит ветчину, которую ветчину по понедельникам ест Набоков Н.Д., с горошком.

Вчера слушал по радио сцены из Бориса Годунова. Вот если бы вам когда-нибудь послушать! Какой русский вихрь, через Мусорского вы почувствовали бы ритм русской речи. А как вам это необходимо.

Дорогая моя кукуня! Как мне хочется всегда передать вам что я нашел – ведь только Вы, Вы одна возьмете и оцените.

А. Ремизов

27 VII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!

Третий день (пятница, суббота, воскресенье) на тычке́: жду Исю. Приготовил серебра и от Nonne воздушное. И отдельно: Arts, № 369 статья Marcel Arland к моей фотографии, у вас есть. В Gazette de Lausanne перепечатана под другим названием. Радиопередача назначена на ноябрь, когда съедутся любители искусств: Paris vous parle – предисловие скажет Jean Paulhan и затем из Грудцына, не знаю какие страницы.

Не Traduction à texte français появится у Gallimard'a.

Если только не произойдет очередного скандала с Armand Robin. (Princesse M. Bassiano, не желая иметь с ним дела, вернула мне Грудцына, предполагалось, появится в Botleghe oscure; что-то произошло и в издательстве Plon).

А. Ремизов

И. В.
Н. В.
Кодрянским
в день
их серебряной
свадьбы

30 июля 1952

Дорогие мои любимые
Наталья Владимировна
Исаак Вениаминович

Пишет вам ваш вечный должник. Добро которое я видел от вас ни с чем несравнимо: вы дали мне жизнь. Примите мои слова — выражение чувств от всего моего измученного сердца и моей мятежной души Верую и исповедаю серебрю ваши грядущие дни. А ни [redacted] бриллиантовой, ни золотой памяти я не дождусь. С какой радостью весной я встречу книгу „Глобусный человечек"!

1 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Дорогая моя лягуня стрекозуня
Наталья Владимировна!

Спасибо получил «Игру вещей». Вчера получил из Чеховского издательства извещение: «В розовом блеске» выйдет 15 августа и кого я укажу получить за меня деньги. Я дал письмо Лурье, он напечатает по-английски, скажет о доверенности Исе.

Кроме того мне надо знать, кому и куда книгоиздательство пошлет книгу для отзыва. (Мне дают всего 6 экз. а сверх со скидкой 40%). От Иси узнал о болезни Александровой, спросите Кузнецову, кому мне писать о книгах по русски подробно: на дом приносят только несколько экземпляров, а большее каличество выдает таможня и надо платить таможенный налог...

В Глобусном человечке меня поразила живость изобразительности: 1) как лезет кот по карнизу и 2) сон в Небесном камушке.

Это такое мастерство, мне до вас не допрыгнуть и вы чувствуете с каким чувством я переписывал эти сцены. Глобусный человечек замечателен своей «реальной суперфантазией»: сказочное как быль, неправдишное, как житейское. Нет, ваша горячность невольный неизбежный щелчок по толоконному лбу.

[...] Получил письмо от Мазуровой, ей прислали «В розовом блеске», стало быть книга вышла и рассылают «для отзыва».

Дорогая моя кукуня, теперь без солнца вы как проснетесь и вспомните ваш сон, не сказанный в духоте последних ночей.

А. Ремизов

3 VIII 1952

Дорогая моя бубуня кукуня зыбуня
Наталья Владимировна!

Вчера (суббота) неожиданно Ися прощаться. Я только и успел показал серебряную елку – она будет храниться до вас; спросил о Гончаровой – она нарисовала одну картинку, Исе не нравится, нет поэзии! Не знаю, не видел.

... Вернулся Никитин и написал мне на моей Мелюзине персидские стихи – две строчки.

Говорил с ним о мїре (вселенная) и «мире» (покое). Как я заметил, в стариных рукописях «і» я не встречал. Смысловое (симантическое) никак не обозначалось: «мир» вселенная созданная Богам и «мир» тишина, неразрывная с представлением «Бог».

Есть еще слова одинакого сочертания, но разной симантики (смысла). Например: воля (желание) и воля (простор, свобода) правда (истина) и правда (справедливость).

[...]

Дорогая моя, дорогая кукуня! Теперь вы вздохнули после дождя. Когда у вас будет моя книга, прочтите, я это с болью писал.

А. Ремизов

6 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня канадуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Пишу вам в Канаду под русские звезды светят вам зяблую осеннюю ночь.

Была С.Ю., принесла мне самоцветный карандаш и три носовых платка: рисуя, зарисовываю себя. Хотела

принести мороженного – моя новая страсть, уж не ореховый пирог! – но по погоде, «осень на дворе», не принесла. Говорила мне о Кутыриной. Одно время она зачастила, спрашивала о ваших сказках для передачи по радио. Без вас я побоялся дать согласие. Но если вы хотите, это можно сделать. При первом нашествии ее, заговорю. Едва ли это по русски, а французская ее исполнительница шепелявит.

Спрашивал у ученых. Да, я не ошибся: разное начертание «міp» (вселенная, народ) и «мир» (покой, согласие) позднейшее явление – 19 века , а раньше писалось «и».

Мне любопытно знать, откуда у нас этот звук МИР, наш ли он природный или с греческого МYPO (мурон) – благовонная мазь (мажут муром).

Достал хрестоматию по древней русской литературе Гудзия, из. 1952. Подрядился мне читать Емельянов да захворал. А Nonne берегу для немецкого: ей очень трудно, но все-таки читает Вагнера о Тристане и Изольде. Я слышал передачу из Германии и меня смутило: совпадения моего с музыкой Вагнера. Надо стало быть по другому строить.

Дорогая моя кукуня, яблочная Канадуня! После С.Ю. вы мне снились: вижу скачет на барьере. Я думаю, передалось, вы часто с ней виделись и ее рассказы о вас из «живой жизни».

А. Ремизов

10 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Где-то вы по холоду скитаетесь? Никого не осталось, все разбрелись. И я вернулся к моей печальной повати. Иду по своим рисункам – мелкие подписи, вчера было тяжело, надорвал глаз.

Мне принесли рукопись: сборник XVIII в. – «цвет сельный» – цветник земной; «сельный» – доселя, говорится. Слова от книг есть о Ихнилате (вот как он преследует меня) и жития, по преимуществу, с бесами, есть и о Петре и Февронии (опять встреча, напоминание о прошлогоднем мае, когда вы бросили Париж).

Приходил Ихтиазавр. Я его расспрашивал о вас. Еще раз обещал с мороженным и персики. Была надежда о издании моей книги о Соломоне, помните С.Ю. так и не отдала мне рукопись. Я отдал переписать с единственного за 2000. И теперь могу показывать. Из разговоров я понял, мне мешает слава о моем богатстве (Чеховское изд.) и никакого сбора на книгу сделать нельзя.

На три недели уехал Лурье, оставил мне 13.000 фр. и 20 пакетов папирос. Я приставал дать больше, а то никак не урвешь на «Мышкину дудочку». Пошлю вам запев к этой книге – «Муаллякат» называю, это я о себе. Боюсь вам сейчас не до меня, подожду.

Дорогая моя кукуня! Как мне холодно и безпросветно.

А. Ремизов

19 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня квакуня и поплывуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Получил от Лягастой льстивое по поводу «Звезды Надзвездной» (книга вышла в 1928 – 24 года тому назад). Сразу не понял в чем дело или чего ей от меня. И сбоку приписка: «Читаю сказки Кодрянской, обоятельная сказочница!» И мне понятно почему письмо и причем «Звезда надзвездная». Я ей напишу, чб. пришла подумать, какие сказки читать по радио. La présentation я попрошу Шклявера он составит из моего о вас с прибавлением, конечно, какая вы чудесная.

Заходила С.Ю. Поил ее чаем с душистым мёдом, а на воле дождик и онемел радио. Мне оставалось пять эскимосских сказок, она прочитала три. А какое удовольствие и польза было б для вас, будь вы не на Океане, а тут среди конструкций в кукушкиной.

Записывая всякое утро сон, я все больше убеждаюсь в зависимости моих снов от мысли других. По крайней мере так у меня, а про других ничего не знаю. Последнее время мне много снится. Сначала я говорил себе: «мне все равно» и это было не безразличие, а отчаяние, а теперь мне вдруг чего-то страшно – сорвался и лечу в пропасть, или я опешенная птица, сломаны крылья.

А что я узнал, оказывается, первые птицы были с зубами и тело без перьев, длинный хвост это д.б. были драконы.

«Маулляхат» который вы получите написан после Грудцына. Готовлю послать еще и все веселое.

Дорогая моя кукуня! Неужто никогда не вернется тепло?

А. Ремизов

Белый посох и на нем бубенчик. (Из сказки).

22 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

По дождю с осенним гулом – скоро и нам, улетаем! – забрел в кукушкину старый музыкант сириец (Шэмьэ). Говорит по русски и все понимает. Разговор до полночи о звуках. И я подумал: если русские для вселенной усвоили греческое слово-освященный благоухающий елей «муро» надо найти русское слово, по французски sonore и выразить звучное благоухание вселенной.

Изобретен аппарат – увеличение слуха и оказывается все живое звонко: бабочка летит, слышите, сухой шелест ее крыльев, переходит при быстроте и слёта в пилку. А какой голос в муравьиной кйши, да это скрипка. А всего удивительнее песня летучей мыши печаль и пугало. На неживое и на вещи нет аппарата, но я уверен поют камни – журчание рвущихся песчинок. Когда начинает свою песню моя рука, я делаю не глядя цветную конструкцию и потом разве она немо смотрит со стены или где-нибудь у вас и у Лифаря под тяжестью бумаги и картона в «подполье».

Жалуются не помню сна, еще бы! – ведь пробуждение – выплыть под колокола – звон я́ви, отобьет какую память.

Сириец мне открылся с восточной грустью, что его музыкальные произведения никто никогда не исполнял и перед тем как уходить попросил дать ему письменное разрешение сочинить музыку на мои слова.

«Если я напишу музыку на ваши слова и если мою музыку будут исполнять, вы получите с каждого исполнения авторские 4%».

Я проводил сирийца, он хорошо видит, но ноги у него шышыгом на 4%.

Дорогая моя кукуня! Жду человека, фамилия Мусин, помешался на «русских богах», о которых никто ничего не знает. К сожалению его миф стихами. Попрошу прочесть страницу, голос послушать.

Жду вашу карточку. Ися снимет.

А. Ремизов

26 VIII 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня, дорогая моя кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

В субботу (сегодня вторник) С.Ю. читала вашу телеграмму, очень меня обрадовала и по девочке, вы правы что-то есть от глаз моей руки, я себе представил и почувствовал вас, ваш любимый лес.

В следующий раз С.Ю. засажу читать мне «В Лесах» написано не по моему, но такая русская земля в образах и словах немудрено, что из них вышел Горький, Андрей Белый.

Тот что пытается возсоздать русских богов был, читал мне «Лешаго», к богам это мало идет, к «мифологии», но это лучшее его. У него есть слова и природа, написано стихами припевшимися – мне не звучит. А сам он что-то мне чужое: его уверенная гордость, человек без надлома, меня он должен презирать.

С.Ю. читала мне долганскую сказку: шаманская испорченная грамотеем-переводчиком, тема – Христов крестник. Я ее нарисую, сниму искусственность. А из эскимосской я узнал о двух танцах: пляшет горностай и пляс совы, движение плечами. Нарисую.

В сборнике XVII в. называя Лопухинский по имени владетеля, 1044 страницы. Вернется Nonne, заставлю читать: для души полезно, хотя и соблазн. Несчастная эта Nonne, наконец поехала вздохнуть, но какой дождь и пишет, не мне, а своей приятельнице Либшыц: «проводим дни под деревом, с первого дня расстроились». Теперь понемногу и расстроенные и удачные будут возвращаться в Париж.

Вышла по-испански какая-то моя книга и я подумал, не Лисица ли (помните с вами был) тут постарался.

Дорогая моя кукуня! Не до моих вам строк сейчас, вы полны природы, хотя пишу вам при открытом окне и с неизменной горькой памятью и стало быть, полной жизни.

А. Ремизов

28 VIII 1952

Дорогая моя бубуня, зыбуня кукуня
Наталья Владимировна

Спасибо, получил Сумасшедшего. Получил от Lilian (Чехов. изд.) копию письма Исе о 500 дол. А книгу еще не получил.

Как вы меня обрадовали. Я теперь твердо знаю, что во сне меня предупреждают и все-таки не верю.

Последнее время наброжие, все ведь разъехались, меня обличают и что странно, ссылаясь на Подстриженные глаза, где я обнаружил всю мою грубую природу. Я дал себе зарок выслушивать терпеливо, но каждый раз начинаю оправдываться. После таких обличений я чувствую себя особенно «покинутым», и вдруг ваше письмо. И я загордился им. Т. не на высоте современных требований литературной критики: в Мелюзине нет никаких «отступлений» – это не

отступления, а ХОРЫ – форма повествования впервые в литературе; Мелюзина – не «адоптация» старинного текста, не «пересказ» (не «реставрация»), а творчество. Трагедия Мелюзины – трагедия Прометея – разлука. Критика не пересказ (всегда скучный) содержания, а разбор самой души произведения: конструкция слов, мыслей и чувств.

... Дорогая моя кукуня! Начинается осень вы это чувствуете, запоет ветер и мне все будет слышится, я различу в его разлучной весть о весне. Как хорошо, что вы много увидели и коснулись земли.

Жду вашу карточку лесную и домашнюю за работой.

А. Ремизов

1 IX 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Во сне Ися. Думал, будет письмо. Нет, только газета. Сегодня Симеона Летопроводца – роковой день для Грудцына.

Вижу себя зверком; не во сне, а вдруг среди раздумья. Ему обещали выпустить, а время идет, клетка заперта. И еще раз как уверяли и он поверил. Но все по прежнему, замок. И теперь я его вижу, отбил себе лапы, выбивался и отошел в угол, сидит. О чем и что он там думает – и разве он может покориться, хотя бы осужденный – «без срока».

Сегодня по московской старине новый год (до татар было 1 марта) – последний месяц каникул, пойдут возвращаться. Сегодня вернется Лурье – готовлю ему

отчет куда за 3 недели ухлопал 13.000? Я расходы не записываю и только помню: Емельянов покупал самый дорогой виноград – черный – мускат.

Начал из сборника XVII в. византийское житие о двух молодых сирийцах, по 20 лет, влюбились друг в друга и один оставил жену другой мать и монахами поселились в пустыне за Иорданом. Что-то будет – один «юродивый», другой «постник». Их взаимная любовь описана очень ярко: постоянное безпокойство и тревога за другого: изменит. Конечно надо иметь мой мучительный слух чб. расслышать: ведь они посвятили себя Богу и все их слова Богу, но сквозь самое небесное я слышу их земные слезы.

Если бы Чеховское изд. было деловое, они непременно послали бы мне все свои книги – попасть в «кукушкину» лучшая реклама.

Догадались Ю. Елагин и Гл. Струве и я получил их книги. Мне любопытно предисловие Набокова к Гоголю, но он конечно не пришлет мне.

Дорогая моя кукуня! Как хорошо в Божьем мире – «золотая осень» – ваша.

А. Ремизов

8 IX 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
сегодняшная именинница
Наталья Владимировна!
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо, получил «Курьер». И кланяюсь, вы сняли с меня камень – Розовых лягушек и помирили.

Nonne принесла мне просвирку, подавала за вас и служила молебен. Сегодня понедельник – день постный

(для меня) и я вашу просвирку – с горячим чаем. Нестерпимо холодно – зажег радиатор.

Да продолжайте Глобусного человечка: это будет II-ая часть. Самое явление Гл. чел. необычайно и повесть его разнообразно, а в заключение – жизнь «Гл. чел.», его судьба (об этом когда-нибудь напишите).

По судьбе, не злой волей (хотя, я думаю, безсознательно действует и человеческая воля) он разлучен, отняли самое дорогое, и вот он бродит (путешествует) выбирая себе странных спутников-обездоленных и непохожих, как Дикси. Можно не понимать, но «не хотеть понять» – такого в природе нет, это только слова. Так и надо смотреть. Это тема многих моих рассказов, а сколько такого в книге «В розовом блеске». Когда пишите не думайте, для кого вы пишите – Глоб. чел., это потом скажется, «чтение для детей». Рассказывайте о чудесах, к-ые вас поразили. Есть ли у вас ваш стол или вы на тычке? Отстаивайте ваш дар Божий, вы самая богатая из всех, кого я встречал в жизни.

Дорогая моя кукуня! Я все жду и всегда думаю: вы говорите не из книг, как я часто, а из души – голосом своей души.

А. Ремизов

12 IX 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

И у вас теперь зуб-на-зуб. Радиатор день и вечер. Сегодня была С.Ю. Я думал я один извожусь, особенно холодно на кухне, а вот как принялась за «Леса» я зажег и теплом окружил слова.

Мне снятся сложные запутанные сны – кончил детство Тристана, никому не читаю, и все думал, как бы вы мне помогли, чувствую, перегорйл и надо ваш глаз и слух, на вас ведь Божья благодать, я всегда это помню.

А как я обрадовался! Вышел я за молоком, перешел улицу и попал в дом – таких у нас нет – и вошел. Серая мраморная лестница и вдруг вижу вас – вы сбегаете по мраморным ступенькам.

До сих пор не могу забыть. Помните, как вы мне помогли и в Ихнелате и в Грудцыне и в Мелюзине.

Дорогая моя кукуня! Думаю о вас – сколько забот. И чувствую чтобы «понять» надо сперва «почувствовать». Помните как не понимали вашу «Деревянную палку», а потом – «самое лучшее» говорят. И та же судьба Гоголя, ведь только смеялись, а потом уж. Достаньте у Вайнбаума книгу А.В. Тырковой-Вильямс, «На путях к свободе», прочтите ему на 103 стр. – как меня печатали (1902-1903). В этой книге есть о Гернгросах, я выпишу вам страницы. Я вам писал, как последнее время, меня обличают, и это хорошие люди, и я понимаю, они меня не в главном не чувствуют.

А. Ремизов

25 IX 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Думал будет от вас письмо. Или вы сейчас в большой суете и мелькает мысль о другом, пишите.

Приехал Яновский, как изменился – и к лучшему: нет ни «гениальности» и не обижается. Я поправил



ему его произношение и его слово невпопад – и это при вас! – и ничего, он принял добродушно. Вы очень волновались.

А на самом деле, ведь он умный, как он живет, пишет, конечно, и как он принял ваши Сказки. Понимает ли он ваш дар, ваш глаз – все «творчество». А творчество в именах – определении вещей. И кто из ваших знакомых – есть ли такие, кто понимает и ценит вас? Или всем некогда.

В сборнике XVII в., скоро его отберут, особенно любопытно о Египетских подвижниках: они не только читали мысли и видели на растоянии, а и передвигались по воздуху, как Тибетские ламы. И многого достигали они через молчание и уединение. И я думаю, это самое главное, а вовсе не пост. В оккупацию как постились, но разве этот пост поднял ли кого духовно?

В пятницу открывается Парижский сезон: читает Адамович о Терапиано – о стихах. Никто не пишет прозой. Д.б., некогда. В самом деле, нельзя же думать что все эти «поэты» влюблены и на прозу не хватает духа. А у вас тоже стихи пишут?

Дорогая моя кукуня! Я никогда не забываю и не забуду ваше. «И свеча бы не угасла» – вспоминайте, пишите.

А. Ремизов

29 IX 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня квакуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович!

Спасибо, Муалякат и Завалишина получил. Я всегда безпокоюсь, когда нет долго писем, на шорох подхожу к двери и возвращаюсь пустенно в кукушкину, опять

запыленную, запепленную. Все лето не прибиралось. Обещает Кедрова, вы представляете, вымыть окно, а Nonne щетку возьмет и «опадает». Но я ничего не замечаю, я далеко в V веке, когда мир был прозрачней и то, что называется сказкой виделось простым, не вооруженным фантазией глазом. Я подумал, почему и Дикси не найти способ входить в глобус после того, как она каблуком прорвала полюс. Не может быть чтобы она так, навсегда и рассталась с Глобусным человечком!

И разве он может когда-нибудь покинуть Дикси? И разве Дикси, для которой однажды раскрылся глобус может его забыть?

Завтра октябрь. Понемногу возвращаются в Париж. ... Дорогая моя кукуня? А может быть, временно прекратить посылать вам рукописи для Н.Р.С. мучить Вайнбаума. Меня пугают ваши черные дни. И это после жаркого лета и моря, когда я думал наступят задумчивые, что выпадает мне, когда вдруг несмотря ни на что меня уносит и душа полна. Дорогая моя кукуня, как я хочу вам от всего сердца этого трепетного затишья и легкого взлёта.

А. Ремизов

1 X 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня дорогая моя
кукуня цветуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович!

После долгого пропада появилась Ольга Елисеевна и Ихтиназавр прощаться. Вот была оказия послать вам забытый Исей сверток-альбомы!

Я расспрашивал о писателях. есть ли среди них, кто понимает, что такое искусство слова. Конечно, надо иметь что-то за душой глаза и слух. И еще: излучение души. Есть пустые души, есть деревянные, или как у вас светящаяся. По одной фразе можно сказать о душе человека.

Дорогая моя кукуня! Думаю о вас как идут и проходят ваши дни. Скажу о себе, как мне вдруг я точно схвачусь: канул и еще день. Не успею. Или не увижу чего-то самое главное, чего жду. Сегодня 1 октябрь, три месяца – свету все меньше и за окном ветер, ему простор. Два года исполнится вашим Сказкам. Вы и не знаете, какую создали вы драгоценную книгу. Как не знаете какой свет исходит из вашей фразы. Я говорю это вам в тысячный раз. Как однажды и вот – два года прошло.

Дорогая моя кукуня! Вы мне верите. И в самые черные дни, вспомните.

А. Ремизов

5 X 1952

Дорогая моя бубуня, зыбу́ня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Думаю о вас – как проходят ваши дни. И ночь. И как собираются ваши мысли. И что выбивается сквозь суету и сон. Думаю по себе.

13-го у меня отберут сборник XVII в. Прочитать осталось немного. И тогда скажу что это за человек собиратель чудесного: Антоний Римлянин приплыл из Рима в Новгород на камне, приплыла и бочка с драгоценностями.

После путешествия по берегу Ледовитого океана я прошел по сказочной земле Египта и Византии. И все это мне нужно для Тристана и Изоты. Заострить глаз в мир скрытый историей к источнику легенды о любви и смерти. Делю повесть по женским именам: Елиабелла (Blanchefleur) – Белоснежка – мать Тристана; Седония – приемная мать – тетка Тристана; Белинда-дочь короля Фарамонда. Над этой главой мучаюсь. А перед Белиндой Глорианда, жена Апомона – рассказ как интермедия. Все эти образы проходят перед Тристаном до встречи с Изотой. Сумею ли выразить?

Я никому не читаю. Да и кому? Может так и лучше.

Ю.Б. Елагин музыкант мне пишет, что Чеховское изд. готово издать мою вторую книгу, но не раньше, как через год. Ничего не говорит о времени, когда я должен представить матерьял. И я не знаю, с кем мне начать переговоры.

Дорогая моя кукуня! Мне как-то неловко, все о себе и о своем. Я так понимаю затурканность, когда нет минуты подумать и горячее вдруг – стынет, и потом не вернешь.

А. Ремизов

22 X 1952

Дорогая моя бубуня зыбуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Достаньте у Вайнбаума книгу Тырковой-Вильямс На путях к освобождению. В этой книге есть о Гернгроссах стр. 252-253. А на стр. 103 в 1902 г. (50 лет тому назад) не в Н.Р.С. (New York) а в Северном Крае (Ярославль) не Вайнбаум, а Фальк посылал в типографию мою «тарабарщину».

«Не ради Ремизова, а ради Вас». И я подумал, стало быть за 50 лет ничего не изменилось и если я появляюсь в русской литературе, то никак не по себе а «ради Вас».

Гонорара конечно я в Северном Крае не получил, начинающим авторам не полагается; Фальк печатал меня три месяца по воскресеньям, а когда А.В. Тыркова уехала из Ярославля я продолжал посылать рукописи, но больше меня не печатали.

Продолжаю Тристана 7 гл. Встреча с Изотой.

Дорогая моя кукуня! У меня так много неудач – до боли. И осенние туманы, я люблю их, но они слепят мои глаза.

А. Ремизов

1 XI 1952

Моя серебряная ветка – белые цветы:
алмазные реснички
кристалы бровки
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Обоих видел вас во сне: Ися то покажется, то пропадет, а Бубуня волчком – все видит и слышит, а подойти к ней нельзя. И падают сухие листья с шумом, цвет их белая бронза. На душе тихо – задумчивая осень.

Дорогая моя зыбуня-кукуня спосибо за «Вечного гостя». ...

Сборник XVII в. «Полевые цветы» прочитал 1044 стр., его поймет кто имеет «разумное ухо» весь он сказочный. Продолжаю рисовать Ирландские саги. Когда читаете про Египет, рисуйте с рисунком лучше (крепче) запоминается. Дорогая моя квакуня, сколько есть сокровищ открыть.

А. Ремизов

22 XI 1952

Дорогая моя мяуня и лисуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Спасибо за Лешего.

15 дек. по н./с. рождение Бубуни, не забудьте. Весь день за воззванием – «день» в ковычках.

Вот уже несколько дней падает снег то тихо, то слышу: шумит, электричество – встаю и ложусь.

[...] У Иси 1000 дол. про это Лурье знает, а про ваши ничего. Он не может до сих пор помириться, как я мог истратить первые 500 дол. Он все безпокоится чем в будущем я буду платить за квартиру, электр. газ, стрику. Теперь успокоился и держит в ежовых рукавицах. А мне бы хоть немножко развернуться. Да вы понимаете. Но благоразумно ли трогать ваши деньги – «на смертный случай»? Ведь вы тоже мой опекун. Без вас мне не жить было на белом свете. Вот и подумайте сами, а мне бы хотелось так 40.000 фр. или это черезчур?

Дорогая моя кукуня! Скоро ваше рожденье. Нарисую вам картинку: 9 орешек пурпурных, ключ – 5 потоков. Если прислушаться, музыка ручья – я слышу.

А. Ремизов

6 XII 1952

Дорогая моя медведуня пыхуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Спасибо. За Акробата и воззвание. Чек – 50.000 получил, отдам 10.000 Nonne, как только она появится.

Посылаю «Дягилевские вечера» и Рожественский (по русски надо писать без «д») разсказ «Камушек». (Я думаю, справедливо: отдайте гонорар в типографию). [...]

У меня неудача: отказались от издания Sur les corniches. Три четверга по 2 часа слушал я разговоры и следил за выбором рисунков, очень волновался. И вдруг pneu: проект заменить Sur les cornisches изданием «Оли». Но тут я в зависимости от армянки, а она в Риме, и без нее ничего решить не могу.

Сегодня (суббота) никого не будет, буду думать по русски. Поставлю на место альбомы-рисунки. И займусь Тристаном. У меня нет слов. Или сокровенное совершится без слов. Что может сказать Тристан Изоте во вторую и последнюю (по моей рукописи) встречу? На меня нападает уныние, не справлюсь. Во француз. тексте приключения, но для меня незвучны.

Опять со светом, а ночью «плачу». Туманы. В Калифорнии вы встретите весну.

Да, какая опечатка: я говорю «Словом сковать воздух» (мысль), а напечатано «сковать воздухом». Впрочем, не важно, читая, не разбираются в словах.

Дорогая моя кукуня! Я так люблю слова и жду ваших.

А. Ремизов

31 XII 1952

Дорогая моя яблонь алая заря весенних вечеров
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениминович

Я обернулся сырой непромокаемой бумагой-завертывают белье в лавуаре – вижу на спинке стула два листа пожелтели прошлогодние, а в углу белая бумага та, что ровняя с себя срезал – в запас подумал.

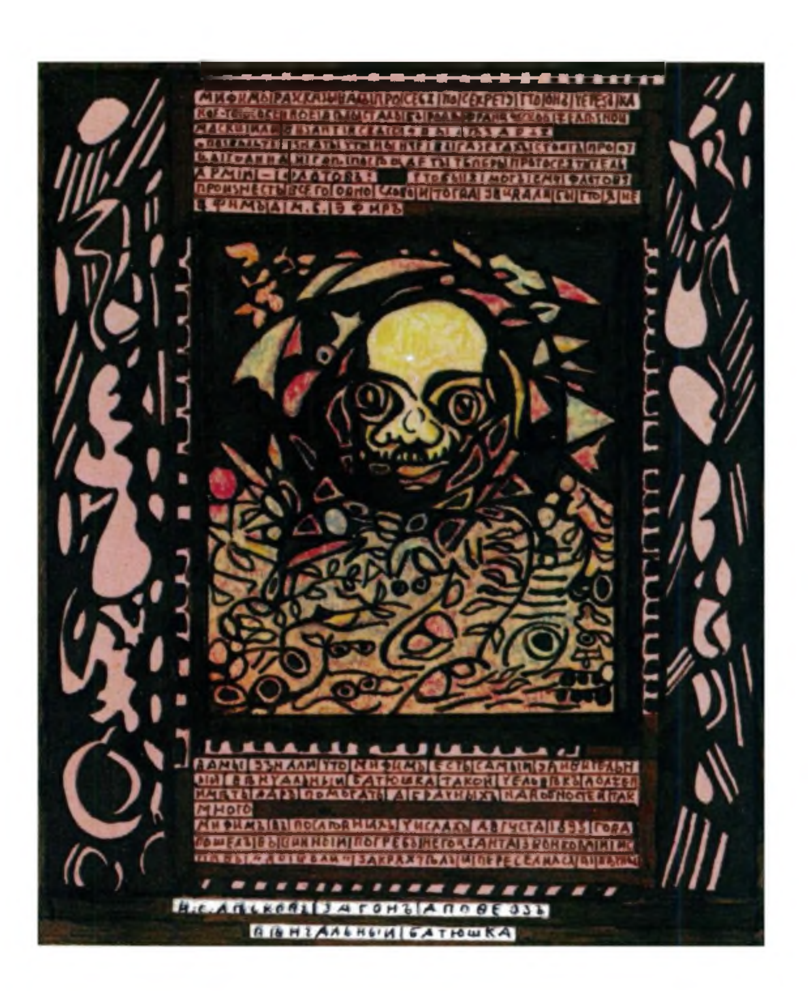
Завтра новый год. Встречу его с моим озабоченным Feurmänchen'ом. Зима студеные вечера кому забрести в кукушкину? Все лампочки горят, на вешалке в прихожей крепко повис зонтик С.Ю. а у дверей в кукушкину на гвозде щетка, всякое утро подмету и повешу, а вовсе никуда не летаю, разметая себе дорогу Ночи.

Ваших писем за 1952 – 44 (а всего с 1946-7 – 164) в 4-х альбомах. Бережно храню.

Никогда не забываю осуществить мою мечту – французское издание ваших Сказок. К новому году было о них в русских магазинах в Доме Книги, в YMCA (у Крутикова) и в Возрождении. О моих книгах нигде. Ваши Сказки останутся навсегда, а мое – пройдет и только для «свихнувшихся» любопытных или для тех, кто (так редко!) полюбит слово – музыку выпархивающих звуков.

Дорогая моя кукуня! Открыла ли вам Калифорния весну, встретили ли первоцвет. Или все, как сейчас у нас – туманы?

А. Ремизов


ЗАГОНЪ
БАТЮШКА



1953

17 I 1953

Дорогая моя далеко-залётная
Наталья Владимировна,

Париж в вихре горячих прыгунков (форма гриппа) и от Лурье грозное объявление, не ходили б ко мне ни итальянки, ни корсиканки, ни курки, ни «зяблики», – исключение для О.Е. Черновой, С.Ю. и Н. Резниковой: им можно. И ко мне приходят: «жив ли?»

Мучаюсь над Тристаном: всё мне не так. И очень трудно – разбираю свою рукопись. И тут мне никто не может помочь: отделка только и может быть без посторонних.

В четверг, по Лурье, никто не явился, один Никитин, кашляя ломаным железом. И от Pascal'я нет известий – захворал? Моё предисловие обещает перевести Шклявер, придёт в среду. Верю, всё наладится. Немного потеплело и вчера заходил Б.К. Зайцев с зонтиком (забыл, конечно).

Год начался катастрофами, я писал вам, в газетах меня снисходительно бранят, а за спиной лютуют. А тут, как на грех, дважды протекла – и – подтекла грелка. Я не могу понять упрёки и за что так немилостива грелка?

Хочу вас просить, передайте мою рукопись «Дягилевские вечера» Марье Самойловне для «Опытов», разберутся. Если вы этого сделать не можете, напишите. У меня один экземпляр, придётся отдать переписать.

Дорогая моя кукуня! Мне очень холодно и всё не так, как хочу для вас. От Терентьевой получил извещение: Мой Иверень в дирекции.

А. Ремизов

23 I 1953

Дорогая моя голубуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Вчера, наконец, пришла корсиканка со своей секретаршей, но от Pascal'я – я ему дважды писал – нет ответа (или болен, или мои письма пропали). Был и Шклявер – к следующему четвергу обещал принести перевод моего предисловия (книгу дала ему О.Е.).

Пока без предисловия и письма Pascal'я, пойдёт Benielli и Ed. Kastermann. 30-го в пятницу уезжает Ольга Елисеевна. Она вам расскажет как всё делается, чтоб пробить непреступную стену издательств. Имя и деньги – и тогда всё можно.

О себе скажу: с армянкой, кажется, дело моё кончено и я перейду в другие руки – в издании Оли (Ольги) принимает большое участие итальянка, в «Грудцыне» Marcel Arban (первый сейчас французский критик) и Armand Robin, – сам он называет себя «демоном» (анархист), но ко мне обернулся «ангелом». И об этом О.Е. вам расскажет.

По моим делам ходит Н. Резникова, кашляет – так загонялась, как на утро после 9-й ночи моей «горячки» три года тому назад. Пишу ещё на случай, могут сказать вам. В журнале «Возрождение» напечатана очень внимательная статья А.В. Тырковой о «Подстриженных глазах», к этой статье примечание редакции, – между прочим говорится, что я «украшаю своим именем Русские Новости». Это неправда, я больше не участвую, как уже писал Вам, и своё слово Вам не нарушил и не нарушаю.

Дорогая моя кукуня! Не понимаю, чего от меня хотят все эти летучие мыши!

А. Ремизов

29 I 1953

Дорогая моя цвет-и-вей весенние
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Весна оживит и развеет хмурь. Верю, будем вспоминать в «Кукушкиной» за рассказами о пустыне, о пальме, о кактусах.

Спасибо: получил «Камушек» и «В сиянии голубом». А что с рукописью «Три волхва», она следовала за «Золотыми туманами». Спасибо за все хлопоты с Гринбергом. У них неорганизовано: мне в ноябре написал Иваск, от которого ответ надо выколачивать, просил меня о Розанове. Я ему послал, как он просил, не всё, а частями. У Гринберга были две первые части. Я напишу ему, чтобы он взял у них. Не всё, конечно, а некоторые главы можно было бы напечатать в Н.Р.С. «как издавали мои первые книги», (литературный быт Петербурга после 1905 года).

Завтра (30-го) уезжает О.Е. Чернова. С ней белый пёсик Альбе – собачка Изотты, и я выбрал зеленый, прошитый золотыми нитями, платок (от С.Ю.) – цвет плаща Феи Сан (под её глазами) Тристан. Я просил её спросить вас о «дягилевских вечерах», теперь этот вопрос не надобен, вы мне написали. Она вам расскажет, как идут дела с изданием ваших сказок. Конечно, подписывать без вас я ничего не могу.

Кругом все хворают и боятся заходить ко мне. Стало светлее, глазам внятней. Мне легче читать с белого, а цветная бумага – для розовой надо китайской тушью писать, а наш водянистый Waterman впитывается в краску.

От Турчина ваших книг не получил. А вы так и не получили мои альбомы с «Глобусным Человечком»?

Дорогая моя кукуня!

А. Ремизов

5 II 1953

Дорогая моя голубо-белый плащ – алый щит
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Над Парижем дикие голуби, вестники весны. А мороз крещенский. С воскресенья масленица, не заметишь – и Пасха пришла.

Перевод моего предисловия Шклявер обещает 12-го II-го. А письмо от Pascal'я вчера, копию вам, а подлинник в дело пойдёт. Спасибо за «Вологду», получил. (Рукопись «Три волхва» после «Золотых туманов» – три страницы на тонкой бумаге). Читаю и чувствую, как вы расстроены. Верю весна поправит – Париж. Ведь вы там чужие, другая земля и воздух не этот. Тут тысячелетняя культура, а там без году неделя.

Не слыхали ли чего о «Новом Журнале», в чём дело: до сих пор не вышла 21 книга, обещали в 1952 году. В этой книге Т.М. Карпович обещал мне моё «В сырых туманах».

Дорогая моя кукуня! Как бы я хотел вам помочь, обрадовать и успокоить. Ваша квартира убрана, всё чисто. А о книгах не знаю. С.Ю. не вижу вечность.

А. Ремизов

15 II 1953

Дорогая моя залетуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Очень безпокоюсь, нет от вас вестей. Жду всякий день и засыпая, вижу. Корсиканка отдала ваше в три издательства, верит в успех. Обыкновенно по четвергам собираются с новостями, что-то будет в этот? …

... Получили ли вы собачку? Заглянула весна и скрылась. Буря, снег. Такое было в XVI веке. Продолжаю отделывать «Тристана». Половину сделал. Проверяю своё о Гоголе – моя следующая книга. А «Мышкина дудочка» – она должна выйти к Пасхе – была корректура, делает А.Т. Савченко. Была С.Ю. – её книга у Резникова, в типографии. Сегодня праздник – Сретение – «сретенские морозы» канун весны, так было в России.

Сделал новую редакцию моей петербургской памяти: «Моя литературная карьера», показывал благочестивым людям и повесть не вызвала никакого «соблазна». Я дал форму неоконченного рассказа около какой-то таинственной вещи, взбаламутившей Петербург своей таинственностью.

Дорогая моя кукуня! Но ведь, наше явление в мир не менее таинственно. Я часто думаю, думая о вас.

А. Ремизов

16 II 1953

Дорогая моя голубуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо, получил продолжение «Вологды». Я писал вам, я сделал новую редакцию того розоновского рассказа (рассказ этот Иваск не должен был посылать Гринбергу).

В новой редакции называю «Моя литературная карьера» (как меня печатали и издевались – мои первые книги). Форма рассказа – неоконченная повесть, так у Гоголя написана повесть о Иване Фёдоровиче Шпоньке. У Гоголя центральное – СОН, а у меня

какая-то таинственная статуэтка, которая таинственностью своей, перелетая под секретом, с языка на язык, взбаламутила весь Петербург и переметнула в Москву. Я бросаю рассказ, описав «Канун» и заканчиваю будто бы о другом, а на самом деле о своей литературной карьере. Центральное – «статуэтка», которая так и остаётся загадкой – явление всякой и нелитературной карьеры. Всё раскроется потом, когда мне не надо будет просить вас: «Поговорите с Вайнбаумом». Как я писал вам, я показывал рассказ благочестивым людям и никто не нашёл ничего предосудительного.

Хорошо было бы, Ися принёс бы мне мою посылку, мы вместе развернули бы свёрток и я показал бы что послать вам и что подождёт вас. «Новый Журнал» я получил, вместо меня («В сырых туманах»), напечатали Гозданова «Дневник художника». А жаль: 5 лет жду.

Дорогая моя кукуня, я всю жизнь жду – судьба!

А. Ремизов

18 II 1953

Дорогая моя иверюня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

В Иверне есть вр, даёт искру – выблеск. Дайте Исе что у вас осталось из французских переводов и, если есть, по английски. Всё это поможет работе: корсиканка знает по английски.

... Завтра четверг, придут с новостями, будет ваше имя повторяться. Жду ещё одного учёного Караима, любит ваши сказки, поговорю с ним о переводе моего предисловия (Шклявер не отказывается, а откладывает, а нужно сейчас). Посылаю «великопостное». Написано по матерьялам ещё в Петербурге. Я собрал в мою книгу

полевые цветы, ряд таких завитушек. Книга лежит в YMCA PRESS, надежды мало. Надо уметь читать не только по буквам, а и по духу. Пример: «Покровенный». Откуда у человека радость и рвение, если покажется, что другой в чём-нибудь ошибся? Впрочем, так всегда было. Моё – не нравоучение, а всё тот же court-metrage: посмотрите, что бывает! Вы чувствуете, как я с «конём» (Конь и лев) горюю.

Дорогая моя кукуня, я знаю, вы всё поймёте, а от «Ученика» на сердце заиграет.

А. Ремизов

22 II 1953

Дорогая моя обрадуня и светуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

...В прошлое воскресение (15-II) состоялась передача по радио сцен из «Саввы Грудцына». «Une langue russe nouvelle». Я не слушал, а меня не предупредили, хотя в программе значилось. Говорят, что Т. Балашова очень мелодрамила. Но меня это никак, пускай. «Мышкина дудочка» выйдет к Пасхе, отдана в верстку. Будет возня с обложкой: в прошлом году я сделал по мерке формат «Пляшущего демона» и перерисовывать не могу, не вижу – мое поле зрения и вправду мышиное.

Хочу спросить Вас: вы взяли с собой свои и мои альбомные рисунки или покинули в Париже? Если они у вас, посмотрите большой альбом «Оккупация», там есть портрет Мейерхольда. Напишите, нашли ли его? Не забегаю, а ну как альбом в Париже, и тогда будет просто сфотографировать.

Дорогая моя кукуня, что я заметил – моя Изотта не сказала ни одного слова и в текстах она молчит. А у Вагнера в опере она много поёт. Как мне трудно говорить за Исольду, я вижу и чувствую Тристана.

А. Ремизов

25 II 1953

Дорогая моя скованная певунья
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

... Да, вы правы: вещи-люди и люди – вещи могут задушить человека. Или сделать из человека деревяшку. Я люблю писать, когда душа раскрыта. И по другому только литература. Исольда не говорит. И вдруг у меня сжалось горло – Исольда рыдает. – Потом всю ночь я не спал. Но, ведь, это счастье, передо мной простор.

Дорогая моя кукуня! Напишу, как только придёт Н. Гр. и я передам ей ваше письмо. Вы видели Ольгу Елисеевну, передала вам собачку? Пусть она вам прочтёт своё.

А. Ремизов

4 III 1953

Дорогой мой светлячок-вспышка
Наталья Владимировна!

Сегодня прилетел Ися, вечером был сказаться: приехал. Обещает на-днях привезти, чего не привёз (кроме игрушек, что он ещё привёз). Если бы вы

получив **что-то** мне тогда написали, было б легче разобраться. Альбомы он пошлёт, я вас извещу. Я предлагал хоть часть денег, знаю, будет дорого стоить, а срезать нехорошо, разрушится книга. Я очень взволновался: всё, что хотел бы спросить о вас, разбежалось. Как-то вы одна подадите прошение? Будете соваться не туда, отвечать не то. Ведь это ваше достоинство и как переделаться.

Альбомы, которые пошлёт Ися, непременно привезите. По ним я вам буду рассказывать о словесной науке, о которой русские не хотят знать. «Инверсию» вы помните? И что такое «видеть и слышать» – «рисовать словесно». За эти два года я много узнал и, узнавая, всегда думал о вас – вот кому скажу – и поймёт. Дорогая моя кукуня, а когда вы приедете, сразу у меня и слов не будет передать вам всё, что за эти годы передумал и перечувствовал, во сне снилось и слышал, слушая музыку – из недр жизни.

А. Ремизов

Во сне видел вас – вашу душу: сотканная из тонких облаков нежных и чистых – поле, цветы, свет, тишина. С какой любовью во взгляде и любовью в словах, в молчании.

10 III 1953

Дорогой умный мой зайчик-горностайчик
Наталья Владимировна,

В воскресенье и вчера ждал Исю – нету. Верно, дорвался и попал в круг дел. И холодно очень. Такое бывает в марте – вдруг зима. Я в семи шкурках. Но и у вас не веселее, будьте осторожны, на улице не говорите.

СТРАННИК



Из церкви зашла Н.Г. Я все-таки уговорил прочесть мне ирландскую сагу. Был Лёва Савинков и Мамченко. О вас расспрашивают, всем хочется на вас посмотреть и послушать. Оба, я знаю, не игра, а доброе чувство. Им я сказал, что вы написали чудесную сказку и книга выйдет.

Ждать – жить. Но я измучился ожидая. Я подымаюсь с 6-ти утра: я всё жду. И так всякий день. Я вам послал, от безнадёжности: 1) Сны в русской литературе (Предисловие и Послесловие моей неизданной книги «Сто снов»). И ещё от безнадёжности – 2) «Моя литературная карьера». Я хорошо знаю и не обольщяюсь – такое у Вайбаума не пройдёт. Есть журнал «Грани», им нужно как раз такое, несмотря на то, что все против моего. Попробую дать после того, как получу от вас ваш отзыв: прав я или нет. Сейчас у вас есть минута прочесть «Тристана» – 4-ю редакцию – кончил. Буду ещё и ещё раз отделывать центральные сцены – музыкальные. А, может, продолжать. Мое горе, мне так трудно читать, а книги напечатаны бледно, ведь всё дело не в величине букв, а в яркости. Если бы у меня были глаза, сейчас я бы читал.

Дорогая моя кукуня – баюня, буду ждать, вы мне поможете. Больше всего я боюсь внешнего, только описание, без чувства – протокол.

А. Ремизов

14 III 1953

Дорогой мой озабоченный,
но мудрый ёжик – розовые лапки,
яблоновое рыльце Наталья Владимировна,

Думаю не о себе – моя доля мучительное терпенье – а о вас: плыть вам по морю, а не лететь. Плыть любопытней – тут и рассеяние мыслей, и сосредоточенность: время обдумать. А на авионе – для «деловых», – не заметил, как очутился в Париже, или, как Ися, всю ночь не спал и ему показалась эта ночь за 5 дней плаванья.

Кроме того, столько дел. С.Ю. права: заниматься? да не будет времени, хотя вы и писали о «свободном» времени. Возьмите билет на пароход. Так будет для вас лучше, дорогая моя кукуня. Спасибо, получил о Савинкове. И фотографию Мейерхольда. Хочу просить вас, пошлите Ю. Елагину, но если вас что-нибудь затруднит, пришлите мне и я пошлю снимок из Парижа. Боюсь вас затруднит. Лучше пришлите мне. Как я писал вам, мои «Сны в русской литературе» и «Моя литературная карьера» посланы вам от моей безнадёжности: Вайнбауму не подойдёт. Да и не хочу тормошить вас, когда голова у вас летит.

Дорогая моя кукуня, терпеливо жду вас и думаю, как будем заниматься. Вы знаете, как я ценю вас.

А. Ремизов

17 III 1953

Дорогая моя впопыхуня, пламень ресниц – зрачёк ваш из глуби веков, а его вспышка – слеза – Наталья Владимировна,

Наши письма разошлись. Писали ли вы Исе не посылать альбомов? Ведь, было решено послать. А если альбомы у вас, непременно привезите их в Париж, по ним и начнём проверять текст. Переписанное на машине храню в папке. Как я жду. Ваше меня выпрямляет. Каждое слово, каждую фразу читаю с вашего голоса – следить глазами не увижу. Вижу, как вы сейчас растерянно – то одно, то другое – не успеть. С.Ю. была права, когда говорила «нет» на моё, с ваших слов: «у меня будет много свободного времени».

Ничего не привозите, одно желание. А как я жду. Может быть, не нужно мне писать вам. Какие ещё там письма! Но вы уезжаете в Париж на краткий срок, вы вернётесь «домой» – в Нью Иорк. И потому не надрывайтесь, не уставайте. Почки надулись, вас встретит белое каштанов и вы запомните, после двух лет.

Craziness? no — Ися больше не приезжал. Поехал встречать племянницу.

Дорогая моя Кукуня! Будьте мудрой.

А. Ремизов

20 III 1953

Дорогая моя копуня – кипуня Наталья Владимировна,

Ваше письмо очень меня забеспокоило. Ваша растерянность, но, ведь, это ваше – я так это чувствую и вижу вас среди «дел» безпомощной, а попросить помочь

неловко. Всякая просьба унижает того, к кому обращаются. Просьбой говорят: слепец и тупица. Неужо нет у вас никого, кто бы помог вам без ваших слов? Взять билет, усадить на пароход? Я готов написать этим увальням – позаботиться о вас в житейском, ведь, каждому всё это просто – сложное для вас, а простое ваше непосильно. Дорогая моя кукуня: я сам никуда в жизни. Я только вынужден был представляться, а сколько сделал ошибок. Я так вижу вас ясно сквозь.

Напишите мне, какая у вас моя рукопись: две вы отдали Вайнбауму, а третья – заглавие? Посылал вам от безнадёжности и забыл порядок.

Приезжал из Рима историк русской литературы, знаменитый Ettora La Gatto. Я ему дал ваши сказки, он написал о них в La Fiera Letterara (литературная ярмарка), как парижское Les nouvelles Littéraires. Его статья двинет издание по итальянски. После двухлетнего в клетке меня обещают показать. Сам я не просил, хотя окружён автомобилями.

Были неприятные для меня происшествия с переводом предисловия к вашим «Сказкам». Дорогая моя кукуня, как мне хочется помочь вам без ваших слов.

А. Ремизов

22 III 1953

Дорогая моя ясень, так мне приснилось,
Наталья Владимировна,

Вчера в первый раз после двухлетнего заключения вывезли в Булонский лес. Сегодня в Россию прилетали грачи (9-III). Возйли меня Резниковы. И случилось, как это бывает со мной, какие-то силы живут во мне

«кикиморные»: в лес въехали хорошо, а выехать – запутались дороги: два часа плутали. Я думал придется заночевать под деревом. И как это странно – Резников поехал на-авось, и машина остановилась около дому в Булони, где мы жили 25 лет тому на́зад. И я подумал, я мог бы вообразить и выразить чувства того ведуна, который «крадёт дорогу». А о времени – путать часы – не знаю, или только для себя: «время летит», или тащится черепахой.

Можно ли брать тему, не имея в душе созвучия?

Я очень безпокоюсь за вас. Я всё представляю, вижу и чувствую. Всё жду Исю, но наверное вы ему написали о вашей покинутости. Если вы все-таки приедете, это будет чудо. Заходила Н.Г., с весной она ожила, и Великий пост – ходит в церковь.

Дорогая моя кукуня, как хотел бы вас встретить со цветами моих слов.

А. Ремизов

24 III 1953

Дорогая моя лисуня Наталья Владимировна,

Спасибо за Великопостное. У вас остаётся «Сны в русской литературе», не бросайте, привезите (я бы сказал – покажите Гринбергу, но Опыты завалены мною, я им послал для их «Критического отдела» из «Огня вещей» Короткие главы о Гоголе – для № 2). Серая обложка, а какой формат книги?

Вы думаете, что когда-нибудь будете «опытной» и тогда все дела пойдут гладко, – нет, я всю жизнь мечтал сделаться человеком, быть, как Сёма и Бася, или Наумычем, а видите, и вы знаете в пустяках запутаюсь, когда доходит дело до дела. Фотогр. Мейерхольда пришлите

мне и я сам пошлю её Елагину. (Этот Елагин не писатель, а скрипач, служит в оркестре,а летом живёт у Карповича, откуда я и знаю его, а написал он книгу о искусстве в России – одобряет сам Сувчинский.

О Гончаровой всё скажу. Тут были бы полезны ваши слова. Мне кажется, надо б другой характер рисунков.

О перелёте соблазнительнее плаванья, как решится, так и выбирайте.

Дорогая моя кукуня! Почему-то я думаю или вижу, думая, как вы выходите и на кухню, а потом в кукушкину – голубой плащ. Пасмурный день. Из моего сна и долго смотрим – до белых глаз.

А. Ремизов

29 III 1953

Дорогая моя веснуня, Наталья Владимировна,

Весна переменчивая и я в зимней куртке, а на ночь грелка. Весенний свет слепит. Два раза вывозили меня в Булонский лес показаться и показать весну. Я охмелел. И вот опять окно – я его вымыл, но разве мне только смотреть? Заезжал Ися по дороге к Гончаровой. Я дал ему свой экземпляр «Гл. Ч.», переписанный на машинке. У меня остался – ваша рукопись. Не забудьте привезти экземпляр переписанный на машинке. Мой экземпляр Ися оставит у Гончаровой. Обещал заехать сказать мне, что сказала Гончарова.

Подсчитал сколько у вас моих – 295 дол. Жалко, пяти не хватает, было бы триста. Но об этих деньгах вы не безпокойтесь. Попросите Вайнбаума – если до вашего отъезда моё не пройдёт, прислать вам в Париж вырезки.

Ися понял, по банкам ходить не ваше. И никогда вы не научитесь. Иначе вы не писали бы сказки. Всё

это я по себе говорю: я так и не научился, и только иногда представляюсь, будто умею что-то рассчитывать. Дорогая моя кукуня! Как я сейчас вижу всё ярко и как хотел бы помочь вам, взять за руку, усадить – плывите тихо, переговаривая свои мысли – те – не эти, стучащие в пароходах и в очередях – не опоздать, добиться.

А. Ремизов

30 III 1953

Дорогая моя запыхуня и побегуня
Наталья Владимировна,

Думаю о вас, как вы сейчас волнуетесь и не знай за что взяться. Не берите с собой ненужного. Привезите английские переводы. Ваше французское на верной дороге и я верю в успех. Четверговые часы вам посвящены. Это я хочу для вас сделать и сделаю. Вы познакомитесь с корсиканкой – это не какая-нибудь фитюлька – сколько за это время прошло с глазами на моё без всякого знания и без культуры. По четвергам от 5-7-и Никитин: уму-разуму поучиться. «Кукушкина» – кипь слов. Теперь пишут: глаза на затылок, а надо глядеть вперёд. Только тогда что-то и выйдет. Когда вы крепко почувствуете всё ничтожество «Летучих мышей», тогда вам будет писать просторней. Я боюсь, за два года вам внушили боязнь меня – эти люди с глазами на затылке.

Я всё думаю, как мы будем заниматься. Ведь вы ни на кого не похожи и ваше слово должно быть без оглядки – а только вперёд! Каштан еще не в белых свечах, но въедете вы в Париж на весеннюю елку. Чтобы не потерять ремесло, пока Унбегаун переписывает Тристана, я отделываю легенду, помните, как пляшет «по часикам, по ложкам, по лавкам, по вверх по потолку».

А. Ремизов

3 IV 1953

Дорогой мой зайчик-иваныч Наталья Владимировна,

Видите, как по-домашнему прозвучало ваше имя. Видел во сне Исю очень ярко, принёс мне розовое в белом, и я подумал, новорожденный ваш Глобусный человечек. Сегодня Великая Пятница, все заняты куличами и пасхами. И все-таки жду, придёт M. Pidoux – занимается рус. литературой и начальник всех назначений по всей Франции на места учителей и учительниц, и все его боятся. Любопытно взглянуть мне – меня никто не боится. Последние дни много поднялось человеческой мелочности, комариной музыки, на которую никакой глуши – изводит. И, как всегда, как защита, возникает другое, – я подумал о вас, о вашем существе. Вы когда-то сказали – «я простая». И я вам отвечу – да, но эта простота не внешнее, ограниченное, а форма глубины. В глубине не может быть ни перегородок, ни углов. Если бы у вас не было этой простоты, не возникли б непростые образы чистой мысли – сказки высшей формы творчества.

Я буду вам рассказывать о вас. Святая неделя пройдёт в суете: приезжайте и с.б. осмотр. Я это всегда чувствую и теряюсь. Жду от вас, когда же?

Дорогая моя кукуня! Я всё чувствую и представляю себе, сколько волнений и чего-то ненужного – а, ведь, только два года вы просидели за морем.

А. Ремизов

5 IV 1953

Дорогой мой лесная певунья, полевой колокольчик
Наталья Владимировна,

Сколько вы в моей жизни сделали добра. Вашим даром вы вызвали (пробудили) память. Я всегда это чувствовал, а теперь особенно. После «Грудцына», после «Бовы», после «Тристана» я, как в пустыне. Я знаю, ваше сердце – воображение будет мне воскресение. Я подымусь. И верю – взблеснёт.

Очень суетно. Я попал с Гоголем в «La Parisienne» – самое сейчас кричащее. Много разговоров. А это приплюскивает. Ещё три месяца – парижский сезон. Пройдёт по радио «Грудцын», я не буду слушать, всё не так, как я хотел.

Ждал вчера (Великая Суббота) Исю узнать о вас. Был Сувчинский – он всегда приносит пасху и кулич. Вы приедете на краткий срок, надо использовать это время для русского и французского. Для вас собираются по четвергам. Вы увидите. Как это странно: я слушаю по радио пасхальную мессу – не говорится «Христос Воскрес», а повторяется «Аллилуия».

Дорогая моя кукуня, из вашего чистого сердца я слышу русские слова за этим «Аллилуйя».

А. Ремизов

I IX 1953

Мой дорогой, неизменно любимый навсегда
памятный единственный, мой апельсиновый
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Будь, были б вы в Париже, я сопровождал бы вас к доктору и терпеливо часами высиживал в приёмной, как вы со мной, читая и перечитывая газету. Последнее моё письмо от 5-го апреля – я рассказываю вам о вас, о ваших дарах и какое сокровище я получил от вас – такого вам никто не напишет. Вы уехали и все двери закрылись, ни почты, ни метро, как в оккупацию. Вся улица от почты до Суханова была завалена мешками – не песок, как в войну, а с письмами. Так прошло три недели, считайте после 13-го. По словам Емельянова, дверью в лавку было не пробиться, лазили через подвальное окно.

Очень одиноко и собаконыльно были мне вечера и ночи. Ещё при вас приготовленные рукописи (1. Салтыков, 2. Пан Халявский, 3. Щурум-бурум) случайно были посланы Вайбауму из Лондона – наша почта была закрыта. Пишу, как я вышел на широкую дорогу литературы (к моей «Литературной карьере»). Но как я буду отделывать мою рукопись?

Пишу, как видите отчётливо, а читаю с кавардыком, перегибая строчки.

Дорогая моя кукуня!

А. Ремизов

8 сент. – ваши именины

20 IX 1953

Дорогая моя лебединая Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Посылаю вам, получите через 10 дней: 1. Грани № 18 – напечатано моё «Величание» (Дар сказывать). 2. La Parisienne – предисловие к «Сказкам». Жду Armand'a: надо устроить так, чтоб моё «Величанье» и ваши две сказки напечатали бы в октябре или ноябре. Французам, я слышу от многих, по душе моё предисловие. А один «авангардный» – Francis Ponge (его рассказы в Disque vert, где мой Муалякат), подписывая в мою золотую книгу, обратил внимание на ваш рисунок. Вы сейчас вместе со мной входите в литературу последнего слова искусства. Как это меня радует.

Видите, как я пишу – я расставляю буквы. К Л.А. Бронштейн в октрябре для проверки. Вы отдохнули, не смущайтесь, тема придёт и слова заговорят. «Салтыкова» получил, спасибо. До «Салтыкова» был напечатан «Царский конь». На это был отклик дирижера Мариинского театра Малько. Письмо ваше мои глаза взяли. Пишите. Была С.Ю. Спрашиваю о вашей книге, ничего не знает. 1-ю редакцию «Выхожу на широкую дорогу литературы» кончил. Отделаю и пошлю вам. Рисую. Очень мне трудно было – август. Осень – вечерами зажигаю радиатор, кукует кукушка. И я вспоминаю: кукуня!

А. Ремизов

25 IX 1953

Дорогая моя бубуня – моя осенняя звезда
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Посылаю вам мою «благодарность и объяснения» дирижеру Мариинского театра Н. Малько. 30-го августа в Н.Р.С. его рассказ «Звери на оперной сцене». Буду благодарен Вайнбауму, прошу его напечатать, как письмо – как отклик. За это гонорар не полагается.

Наконец вернулась Н. Резникова и принесла мои тетради, теперь кто-нибудь мне продиктует из них и я сделаю дополнение к написанному «Выхожу на широкую дорогу литературы». Затеял и напишу о двух рабах (Дулах – по гречески). Один взял на себя чужую вину и в наказание был замучен. На 3-й день он воскрес – этим словом не говорится, но это так – его тело не нашли в гробу. Другой – разбойник, человекообразный зверь – и вот, человеческой волей своей – раскаянием – он из зверя превратился в домашнюю скотину, на четвереньках пас стадо, у него выросли рога и хвост, а тело покрылось финиковыми косточками. Проезжие купцы, заметив странного зверя, убили его. Тело его оказалось нетленным.

Была С.Ю., начала читать мне Чехова «Черный монах». Рисую. Так все дни, все часы, всё медленно, но я всё делаю, чтобы успеть. И всегда мне представляется – вы внимательно слушаете и у вас возникает и идёт (проходит) своя мысль.

Дорогая моя кукуня, пишите мне, что в голову придет.

А. Ремизов

28 IX 1953

Дорогая моя плывуня-глобуня,
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Прилагаю копию исследования из госпиталя – что скажет Ися. Лидия Абр. Бронштейн говорит «jeune homme», но почему я всегда зяб и зябну. (Посмотрите у Даля «Этимологию»; происхождение этого слова «зябнуть» – «зяблик» – (озноб?).

Эта неделя – мне на размышление, никто мне не читал, и написанное лежит на столе. А эта неделя именинная, все заняты. Если бы вы жили в Париже, я знаю, раз в неделю вы приходили бы читать моё, а я записывая бы исправлял. Не знаю, что придумать.

В рассказе «Черный монах» музыка: серенада Брага (скрипка, сопрано и контральто) – в нашей жизни есть, или возможно, что-то из другого мира. Явление Черн. мон. – из другого мира. Но слова Чер. мон. не откровение, не «клочки другого мира», а ходульные истины и безсильные пожелания, как обойти (нарушить) закон жизни. А закон жизни: что рождено погибнет. Таня – деревцо сада. Сад гибнет – ее проклятие (письмо) этого гибнущего сада, листки разорванной бумаги, разлетаются белыми весенними лепестками. В этом мудрость. Так рисую и пытаюсь говорить – если бы это вам я говорил…

… Дорогая моя кукуня, музыка может резнуть и тогда открывается.

А. Ремизов

4 X 1953

Дорогая моя невечерняя Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

«Лебединая» означает также «прощальная». Вы и есть мое прощальное с белым светом – любимой землей. Ваш запев (о появлении за городом странной заброжей с ея непростыми песнями московскими, чарующими) так великолепен по ладу, образу и сказочной задушевности, я перепишу в вашу тетрадь. И вы заведите себе тетрадь – для будущей сказки. А «Мачеху» не трогайте. И какое сердце вам подсказало о какой-то несовременности понятия и образа «мачехи». Отец, мать, мачеха вечны, как любовь и пожар любви ревность. Подумайте, в «мачехе» воплощение лютой ревности. Так было всегда и будет навсегда.

То, что вы проверяете себя по «Гл. Ч.-ку» прекрасно, но умоляю вас – послушайтесь меня – никаких больше поправок. Всякой исправленной запятой вы спутаете Снегурова. И неужто вы думаете – перелицовка фраз может что-нибудь существенно изменить. Будут варианты, что и так, и сяк можно, и не больше.

Туман, пишу, не разбирая строк. И скоро еще напишу. А сейчас я только хочу сказать всем моим сердцем, как я высоко ценю вас и ваше. Вам надо только усилие обнаружить ваше. Никогда не забывайте об этом. И в унынии – мне это так знакомо – вдруг вспомните меня. Теперь вы научились читать не балабойкой, возьмите Чехова, да подумайте, как я думаю. Короткие сказки пишите. Надо непрерывность. И понемногу присылайте мне.

Посылаю для Вайнбаума мое о Евреинове.

К Бронштейн повезет Thylette Лурье после 15-X. Дорогая моя кукуня, моя невечерняя.

А. Ремизов


Вс.Эм. МЕЙЕРХОЛЬДЪ
20-21 IV
1941

6 X 1953

Дорогая моя лала-туня, Наталья Владимировна,
(лалы – посмотрите у Даля – «лады и яхонты»)
Дорогой Исаак Вениаминович,

Сегодня был доктор Зернов. Он против операции, из за моей чувствительности. Только если будет совсем плохо, можно будет рискнуть. Все равно, терять нечего. Мне кажется, за эти месяцы – август, сентябрь – я хуже стал видеть. Оттого, что много писал, или горько волновался. Или оттого, что мне невыносимо холодно. После 15-го – к Бронштейн. Вы для меня мумизировались 1940-м годом, я и слепой вас узнаю.

Дорогая моя бубуня, я все ждал С.Ю. объяснить ей, почему я против поправок и какая цена «не современно», или «не созвучно». Всю мою жизнь меня упрекали «несозвучностью». Ведь и «Савва Грудцын» и «Сказки» (Märchen) несозвучны. Снегуров, со своим шрифтом, не может ничего исправить, перебрать. Это я хотел сказать С.Ю., чтобы она вам своими словами передала. Мою рукопись о Евреинове просмотрите, есть опечатки. Послал вам N.R.F. октябрь с моим предисловием «Узлы и закруты» к «Les yeux tondus». Пошлю Arts (IX) со статьей Marcel Bisiaux и моим, что говорил по радио.

Горький, Андрей Белый и я, мы вышли из «Лесов» Мельникова-Печерского. Андрей Белый запутался в антропософии и трескотне Заратустры. О русском ладе, при всей его гениальности, он не понял меня – я с ним много разговаривал. Он мечтал стать Гоголем, но его задавили ученые немцы. Я с ним учился в университете: два самых мне близких из современников: Блок (Петербург) и Андрей Белый (Москва).

Дорогая моя кукуня, как бы хотел я вам все рассказать.

А. Ремизов

12 X 1953

Дорогая моя якуня, Наталья Владимировна,
(Якун = яхонт, изумруд по арабски.
Лалы – рубины по персидски)
Дорогой Исаак Вениаминович,

У вас конечно тепло, а в кукушкиной только вчера затопили. И я это чувствую – мне лучше видеть. Посылаю для Вайнбаума мое, когда начнет сбор на Литфонд. Достану и пошлю вам для архива статью корсиканки, она еще появляется в четверг, но, как видно из ея слов, помирилась. Она обвиняла меня, будто я говорил с ней, как с «прислугой».

Что случилось – С.Ю. не показывается, пропал и Armand и из La Parisienne нет мне отклика. На этой неделе жду решений, придет Dominique Arban (Н.В. Гутнер). И опять меня к Бронштейн повезут. А какие любопытные книги я достал, только смотрю на переплет, не решаясь заглянуть в текст. В.Н. Емельянов прочел мне содержание.

Дорогая моя кукуня, как это все грустно – и невозможно поправить. Пишите короткие сказки и понемногу присылайте. Перевертывая строчки – только так могу читать – буду переписывать в вашу тетрадь, куда записана «Кукольница». Не огорчайтесь, что не успели исправить в «Глоб. чел.». Поверьте мне «Гл. Чел.» живет и просится показаться, надо помочь ему выйти на волю. Надо все сделать, чтобы книга вышла в конце октября, в ноябре будет у вас рождественский подарок. Верю в успех.

Дорогая моя кукуня, какой сон я сегодня видел. Только музыкой можно выразить. Записываю словами. Моя тема – разлука.

А. Ремизов

18 X 1953

Дорогая моя, моя любимая Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

На Покров (14-X) вспоминал как три года тому назад (1950) вечером вы привезли Вашу первую книгу «Сказки». Это был мой счастливый вечер. Я думал, что в такой же осенний вечер я получу «Глобусного Человека», – вашу вторую книгу. Всю неделю ждал от вас обещанных поправок. Всю неделю никто не заглянул.

Кругом больные. И С.Ю. потому же не появлялась. И Dominique Arban (Н.В. Гутнер). Все мои французские дела остановились и ваше – Armand исчез. Надо продолжать. Сказание о «воскресшем Дуле» кончил и «Выхожу на широкую дорогу литературы» готово. Отдал переписывать. – Скоро повезут к Л.А. Бронштейн и опять будет встряска, потому и пишу с ожесточением и мои сны пронизаны словами и фразами.

А. Ремизов

. . . .

7 XI 1953

Дорогой мой зайчик-кувыркайчик
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

В воскресенье ваш день рождения. Приду вас поздравить. И вот эти цветы – последние из Резникова сада. В прошлое воскресенье над Парижем крутила метель, подымала на воздух автомобили, хорошо, что ночью, когда все «добрые люди» спали. Рассказывал

мне водопроводчик, возвращался с охоты, и – «замечаю на Champs Elysées автомобили несутся в два ряда: автомобиль над автомобилем». Водопроводчик, рыкая, говорит на каком-то южном диалекте, я ничего не понял и только по догадке.

Огромный успех, для меня неожиданный, La flutte aux souris (La table ronde). И это после русского «мордоворота» – была всего одна рецензия (Н.Р.С.).

La Parisienne № 9 весь разошелся (Предисловие к сказкам). Сейчас «на верхах» словечко: «optique». Это то, что я повторяю, когда меня ругают, обличая: чтобы судить мое, надо иметь перед глазами мои подстриженные глаза. Я нарочно ничего не делал и не делаю.

На будущей неделе Thyllete повезет меня к Л.А. Бронштейн; напишу вам, насколько ухудшилось мое зрение. Газеты не развертываю, а на книги только любуюсь. По вторникам читает мне бабушка Одолеева. И какие чудесные вещи! И всегда я тужу: вас нет – кому рассказать. Вчера слушал о «плетении словес» – образцы XV-го в. – Епифаний Премудрый. Слова располагаются, как цветы в венке – по звуку слов.

5 часов, сумерки – пора домой.

А. Ремизов

25 XI 1953

Дорогая моя Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Нет ли у вас указания, когда разойдутся сырые туманы? Моим глазам – не выдержу. До нового солнца надо закончить с книгой. С.Ю. заходила дважды и все о книге. Верю, желание – сила, подвинет и ускорит.

Послал вам «Рождественский рассказ» – сказание о чужой вине. Дула (Dulas) – воскресший. Предложите Вайнбауму. Пришлю ему для Нового Года – «Варвар – разбойник». Печатать мне негде, потому и заваливаю. (И Дула и Варвар будут по французски в «Esprit»). Потом пошлю вам – проверяет С.Ю. переписанное Унбегаун – «На большую дорогу». Эта «Большая дорога» мой ответ, когда и как вгвоздилось мое имя и меня стали знать (1910 г.). Эта глава «моей литературной карьеры» следует за «Статуэткой». Пошлю вам «Грани» № 19, где напечатано без пропусков. Эта «Большая дорога» займет несколько №№-ов газеты. Придется вам воевать. Но вы, ведь, кукуня, меня не оставите, как я – никогда. Прочтите «Письмо из Рима». Посылаю газету Р.М.

А. Ремизов

27 XI 1953

Дорогая моя заботуня-забытуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Мне дан срок на последнее решение и я не могу не написать вам. Зрение ухудшается. Чтобы приостановить, M-me Schif предлагает что-то сделать с глокомой и мне придется два дня провести в клинике. Д-р Зернов говорит обо мне, что такие могут упасть от легкого дуновения, а выдержать бурю. Так показала вся моя жизнь. И все-таки – чем погасить мою огненную чувствительность?

Жду С.Ю. Кончит проверку и я вам пошлю. Это глава из «Моей литературной карьеры». Покажите Ю.Л. Сазоновой. Если увидите М.Л. Слонима, спро-

сите, нельзя ли купить его книгу со скидкой. Ися мне из нее переводил. Затеваю апокриф о Соломоне.

Но текста еще нет. Это для моей книги о царе Соломоне. Все 6 достал с глазами, а теперь изволь ждать Холмогорову, которая достанет книгу. Моя зависимость – мои оковы.

А. Ремизов

11 XII 1953

Дорогая моя колыбельная Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

15-XII вторник – Коляда – ваше рождение. С этого дня мне станет светлей, я это чувствую. Читаю «Ночь перед рождеством» и вижу вас – как вы слушаете. Кому еще так близки слова этой гоголевской сказки? Вас единственную назову. Купил календарь на 1954. Пасха – 25 апреля, в цвет каштана.

Была С.Ю. Резников все сделал, теперь начнется работа у Снегурова. Буду ждать. «Гл. Ч.у» время выходить из глобуса. Посылаю «На большую дорогу». Общее заглавие, как и «Статуэтка» – «Моя литературная карьера». Это архивный матерьял имеет значение для моей литературной биографии, в которой отражается и все мое житейское «кувырком». Если Вайнбаум не захочет печатать, покажите рукописи Сазоновой. По внешности рукописи судите о моей безпомощности: сколько неумелых рук мудровали, исправляя. А я терял терпенье.

Дорогая моя кукуня, как мне горько все это писать.

А. Ремизов

12 XII 1953

Моя дорогая красуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Сегодня, говорят, самый черный день. Верю, на слово, п.ч. мне и вчера было темно. Как вы меня обрадовали вашим письмом. За Розанова спасибо. Записал и 7 дол. «Опытов». Вчера я отдал письмо опустить, когда получилось ваше. Я только и мог добавить: в 6-й день мая. Продолжайте рисовать. Это будет ваш другой мир – ваше одаренное существо. Какой яркий солнечный без солнца день мне приснился и это после сумерек улицы.

Пикасо пишет на листке загадку – слово – надо подбросить высоко – «в небеса», пускай там разберут «martyre». А вчера коромысло. «Коромысло» – насекомое из отряда стрекоз (по Ушакову). Вижу себя: я коромысло. Не туловищем, а глаза – огромные, налитые, и крылья узорные, тонкие. Я лечу над густой травой. Цвет сырой зелени и уголь моих глаз.

Дорогая моя кукуня, как я вам сочувствую и как бы огородить хотел. Перед Рождеством все пропадают, в четверг один Никитин, я его слушал с закрытыми глазами – замученный электричеством. Фотографию с папиросой послал Сазоновой. Надпись на обороте. Вы ей объясните мою слепоту. Медленно – что для меня ужасно – чтение.

Дорогая моя кукуня, я вдруг почувствовал по-вашему: где-то затаенно я жду – придет Рождество, опять засветит.

А. Ремизов

У Бодлера все его творчество-борьба со своей судьбой. Я тоже стучу в эту чугунную ограду моей судьбы.

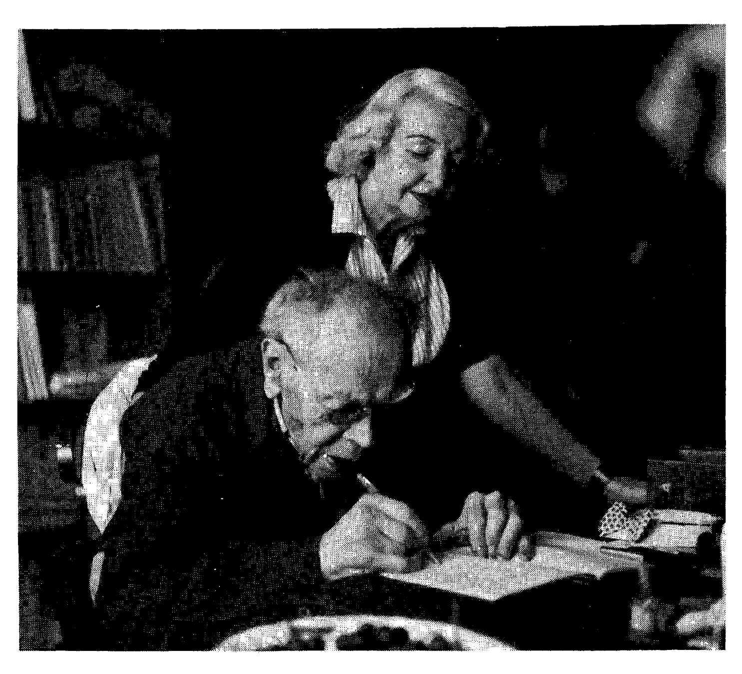
«Веселость духа» и «жгучесть» – под таким двойным знаком прошла моя жизнь. Осталась жгучесть – жгут.

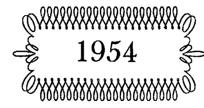
Я готов был принять боль, сколько влезет в мою душу, и меня доконало; и, ведь совсем не так, откуда ждал: удар по глазам. Книга – источник общения, для меня закрылась. Я остался с самим собой.

Все думаю, а душа плачет. Хочу домой, на старое вернуться – и потерял дорогу.

Если не было бы воспоминаний, всякий день мы начинали бы новую жизнь – как бабочки.

Принято говорить: «Как написано просто» а оказывается, что это простое не что иное, как набор штампа.





1 января 1954

Дорогая моя иверюня, ива серебряная
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Первое в этом году начинаю вам. Что-то будет! Сегодняшний сон: суп. Я о нем давно думаю, и вот говорят: несут. И на самом деле по лестнице подымается круглая, на тонких ногах, полная супа, кастрюля.

Вчера зажигал елку, принесли дети Лурье. Елка с первой звездой, Нерпа (Холмогорова), Эмир (Вл. Ни-

китин) и Н. Резникова. Осталась Нерпа (пришла прощаться), читала скоморошью сатиру XVI века и русские лирические стихи XVII в. – напутствие старого года. И, как всегда, я подумал: вам бы это слышать. Русское прошлое пробуждает воспоминания.

Из новых за последнее время французкий критик Эмиль Сигуран, румын Емельян Чуран, что означает колдун: чур – чурать – отчурить. Он написал о Гоголе и среди французов занимает одно из первых. Dominique Arban (вы ее однажды видели) никак не может написать обо мне, а ее статья будет иметь огромное значение для моих литературных дел. Что-то будет, жду.

Дорогая моя кукуня, а как я вас жду и ваше.

А. Ремизов

5 I 1954

Дорогая моя снегуня Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Зима. Темно. Напялил все шкурки. И вечером на кухне слушаю – гудит ветер. В его песне – куда мы все уходим и в свой срок там найду свой угол.

Понемногу мне читают Чехова и потом я рисую. Юмор – словесный – выражение несвязных мыслей, потому и смешных, смехотворных душ. Начните читать с первого тома. Я еще думаю как выразиться, но эти лоскутки жизни значительнее сурьезного Чехова больших рассказов с «истинами» из книг. Первые рассказы веселость духа, они глазатее ума. Жду С.Ю.: она мне расскажет – вчера был Гингер в типографии. Оттого ли, что я думаю о вашей книге, я превратился в тонень-

кого человека в вязаной красной безрукавке и вижу, откуда вышел: кубы и цилиндры – моя шкурка. А вчера мне приснилось: мне подали, как цветы, сверток, но это не цветы, а какая-то еда в сухарях, я не развернул и увидел сквозь – камень узкий чистейший брилльянт. Этот камень у меня и сейчас перед глазами.

В четверг 7-го русское рождество. Буду ждать вас с волхвами и теплой звездой.

Дорогая моя кукуня.

А. Ремизов

9 I 1954

Дорогая моя снегуня Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо за Варвара-разбойника, и воззвание (Лит фонда) получил. Записал 18+7 = 25 и новое 10 (Евреинов, Розанов) и 15 (Дула, Варвар, Завет). То, что я послал «Моя литературная карьера: на большую дорогу». И есть вторая часть «Моей литературной карьеры». Первая – я называю статуэтка. Эта «статуэтка» без сокращения в «Гранях» № 19 – «Грани» я вам послал. Была С.Ю. – корректура «Г.ч.» сделана, ошибки, их мало и незначительные. Ждет телефон от Снегурова. Ваша поправка: «гора снежная», а не «ледяная» хорошо. Но не делайте больше исправлений, тогда пойдет быстро печатание книги.

Сегодня исполнилось 14 лет, помните, вы пришли на елку, а потом принесли барсука. В Париже лютый холод. До Турчина с деньгами обойдется.

Темы напархиваются по родству, как и слова. Мы с вами когда-то одно видели и чувствовали. И теперь не заимствование, а в какой-то срок одинаково думается и выговаривается.

Д-р Зернов против операции даже такой, как глокома. Пока откладываю из-за холода, кроме того от моих огорчений, а часто отчаяния, у меня раздулась печень, как у налима, но не болит. А, может быть, все это от крайней нервности.

Дорогая моя кукуня! Жду вашу сказку. Мне продолжает сниться, но последние сны слуховые: звонки и музыка.

А. Ремизов

10 1 1954

Дорогая моя светуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

В Париже новая газета «Русская правда». Я еще не видел. Из «Возрождения» ушел Тараканомор (Мельгунов), редактором теперь Померанцев. Была А. Горская, она мне все эти новости. Для меня – участвовать я не думаю, но можно устроить отзыв. О «Гл. Чел.» я попрошу С.Ю. Прилагаю о ресторане Dominique. Свое и ваше имя я подчеркнул. Вклейте в тетрадку отзывов.

Дорогая кукуня, это хорошо вы мне приснились. Последнее время на меня наплывает теплое. Часто вечерами, когда я один с книгами, а читать не могу.

А. Ремизов

14 I 1954

Дорогая моя перелетная Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Непременно прочтите, не торопясь, 1-й том Чехова. Вот вам книга – «веселость духа», такое редкое явление среди хмури безулыбных. Жизнь юмористична – единственное оправдание ее безсмысленности. Продолжаю и сурьезные рассказы Чехова, очень мне скучные, все они без пронизи трагическим «обреченным». Нечего рисовать. Была С.Ю., она мне читает: «Язык Уложения 1649 г.» – другие отказываются. Она мне рассказала, как была у Снегурова. Скоро вы получите ваш текст. Подпишите, прошу вас, ведь, скоро прилетят птицы. «Гл. Чел» изождался, просит – на волю!

Вчера мне приснилось: мы живем в землянке, над землей окна – они и освещают комнату – «кукушкину». Наш хозяин Заяц сидит на крыше, опустив ноги к земле. У Зайца одно ухо. Он меня не видит, а я смотрю на него – какая доброта в его глазах. А сегодня поле все в снегу, вдали стеной высокие тополя. Я один и снег.

Дорогая моя кукуня, не могу наладиться и я все хочу проснуться, как раньше. Сейчас получил «Завет». Спасибо.

А. Ремизов

16 I 1954

Дорогая моя мой первый весенний отклик
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Первый весенний день. Мое пробуждение: налим ушел и я, как прежде, никакой боли. И увидел себя в саду – голые ветви, чуть светает и мне видно между деревьев – завтра выглянут первые листочки. Приезжал Д-р Зернов: еще несколько дней и я не буду думать, что можно и чего нельзя мне. Попрошу купить черный хлеб.

Очередное обвинение: письмо управляющаго домом: я обвиняюсь – развожу мышей. Письмо я передал Лурье, там какая-то угроза: должен ли я заплатить за 54 квартиры нашего дома, где порошком вышептывали мышей, или что-то с собой сделать – не привлекать мышей.

Операция глокомы отложена. Д-р Зернов «категорически» против. Меня повезут к Л.А. Бронштейн для проверки только. Как мне надоело возиться с моей слепотой. Вот если бы проснуться и вдруг увидеть строчки.

Для архива я послал вам Альманах 13 (титульный лист и обложка оборвана). Изд. 1910 г. Не торопясь, посмотрите на портреты – иллюстрация к моей «Литературной карьере». Покажите Сазоновой, кое-кого она узнает. Моя карточка 1910 и мои благодетели: Ал. Копылев и А.С. Рославлев.

Дорогая моя кукуня, почему меня всегда обвиняли и обвиняют до сегодня? Для меня это тайна: виноватая судьба.

А. Ремизов

23 I 1954

Дорогая моя забуня и хлопотуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Как это странно слова: жалеть и жалить, заботиться и забыть. Ведь тут целая жизнь – мера чувств. По словам можно представить, как оно было. И вот вы сейчас смотрите на себя – на свое, проверяя «Гл. Ч.». Как я жду вашей подписи: «печатать».

В воскресенье был А.М. Турчин.

Неделя прошла кувырком. Только вчера послал ответ на обвинение «мышиное». Все, как в рассказе Чехова «Мститель»: Лурье затеял обличительный ответ – «поставить на место». А кончилось – вместо револьвера купил сетку для ловли перепелов. Все разрешил Никитин и Société des Gens des Lettres. «Письмо ваше получил и принял к сведению». Я должен сделать ремонт. Начну с полотера. Блеск отведет глаза.

Кроме письма – фотограф из Figaro в 11 ч. утра. Фотографию надо одну, а он мигал – магний – во «всех видах». Посылаю Figaro (через 10 дней дойдет до вас): вы там увидете меня – испуган, взъерошен, концов не собрать, хотя сижу смирно под серебряными конструкциями. Статья Dominique Arban для «большой публики». Как ваше чувство: дает ли представление обо мне? Покажите Сазоновой.

Дорогая моя кукуня, вы себе представляете мое – и ничего удивительного, что жду д-ра Зернова. И сижу с грелкой – для меня необычно. И сны плоские.

А. Ремизов

27 I 1954

Дорогая моя озябуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Вчера зашла Н. Резникова, а я просил сказать Резникову. Он знает, звонил в типографию С.Ю., но ее не было. Я уверен, все исполнится по вашему желанию. Сижу в полутьме. До чего это странно: в кукушкиной натерт пол. Вчера уговорился полотер, но его профессия: в Пастеровском Институте кормит мышей – 60.000. Глаза у него перемигиваются, как от магния, говорит со щелком орехами.

Дорогая моя кукуня, очень трудно писать. И очень мне холодно.

А. Ремизов

30 I 1954

Дорогая моя торопуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Чехов: 1. Смешные рассказы – обличение человеческой жизни. Чепуховаты. 2. Рассказы о обреченных. 3. Резонер, от доброты сердца. Никакой колючести. 4. Лирика – пьесы. С Чайковским с церковным пением – это просвет из 2х2 = 4. После кусающего Достоевского приветливость и деликатность.

Мало чего рисовать. В рассказе «Гусев» морда безглазого быка. Письмо неряшливое и подглагольное и созвучия, но необыкновенно изобретательно и никакой пошлости Теффи. О искусстве слова он думал, но не было слуха и давила грамматика.

Дорогая моя кукуня, как я жду весны.

А. Ремизов

5 II 1954

Дорогая моя озябуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо за вырезку. На обороте нашел Терапьяно. Асонова приплел он не кстати: Асонов мой ученик и, по словам Кашина, он выбирал первоисточник – мое.

Заказное письмо – с апреля мне увеличили цену за loyer (квартира без «шаржей») больше, чем вдвое (50%) – вместо 10.000 (9919) буду платить 16.770 frs. Подумал о деньгах – на какой еще срок хватит мне мучиться на земле?

Иду за Чеховым: Чехов революционер. Только его тихий голос остался без отклика у революционеров. И среди критиков – кто это говорил когда-нибудь: Чехов-революционер?

«Дуэль». «Моя жизнь». «Рассказ неизвестного человека». «Новый Дом». «Дом с мезонином».

Чехов пришелся по душе легким смехом, лирикой-мечтой, пропадом, но как революционер, никого не тронул.

Мне все труднее писать – едва-едва различаю строчки. Вот что меня пугает. А так – я весь переболел и теперь восстанавливаюсь – тянет к еде.

Была С.Ю. Резников передал ваше Снегурову. Пока не оправлюсь – не может быть и разговора о операции. Да и морозы пройдут – Крещенские, а за ним Сретенский (2 февраля).

Дорогая моя кукуня, верю в весну. Ведь, вся, моя боль – это голос моей души.

А. Ремизов

12 II 1954

Дорогая моя скрытуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Темный день закрывает слова. Была С.Ю., ждет ехать к Снегурову и решить печатать. «Гл. Чел.» выйдет раньше «Огня вещей»: набрано, недели через две начнут верстать.

Когда вы затрудняетесь в знаках препинания, не смущайтесь. Помните, расстановка знаков может быть по смыслу – смысловой принцип, а есть еще ритмический, который уничтожает все правила смыслового. Я могу отделить запятой подлежащее от сказуемого. Напр.: на столе лежит, тетрадь замечательная узорью обложки. Уже в XVII в. применялись эти два принципа. Когда увидите Сазонову, расскажите, одна поймет.

Продолжаю Чехова, несмеющегося: тихий голос сквозь мотивы Чайковского, бледные краски. Во сне ничего не снилось. Дважды он говорит о снах – «ей приснился дождь на Волге». Пытается звукоподражанием передать стихийные явления, пустое место! Этим занимается «Экспериментальная музыка», улавливающая гулы, скрипы. А словами не передашь. Сегодня было назначено ехать к Бронштейн, но я не могу, хотя «налим» спрятался под ребра и я сижу без грелки.

Дорогая моя кукуня, как я думаю и жду теплых дней, воли.

А. Ремизов

Есть ли у вас сказки Прибалтики, не помню, послал ли?

12-13 II 1954

Дорогая моя бубуня, Наталья Владимировна,

Читал ваше письмо, как свое адресованное вам. Чувствую свою обездоленность. В моем написанном книга для меня была углублением в природу живых вещей, разве без книги я мог бы написать Тристана Грудцына, Мелюзину? Слово для меня полнозвучно, а я не могу бегло перечесть свою фразу. Мое отчаяние, потому что не вижу, как мне дальше писать.

Ваше – тоска, я знаю, это предгрозье. Темы у нас общие: чудесное, загадочное, непохожее, чуднóе и чýдное. Вам нужен сюжет и материал. Когда у меня не было, я брался за книгу и вдруг какая-нибудь строчка, даже слово, распахнет дверь. Я посылал вам сказки не без цели, я чувствовал ваше – за что приняться. Пусть сейчас у вас будут только отдельные сказки. В какой «жанр» они объединятся, не думайте. В «Гл. Чел.» «жанр путешествий», вы воспользовались раньше написанными сказками, и эти сказки – украшение книги. Вы еще не свободны, подождите, пусть выйдет книга. А пока отделывайте написанное и всякие запевы – помните, есть у вас «Коробочница» – эти коробки волшебные – светят и звучат, как слово.

Дорогая моя кукуня, спасибо за вырезку.

О Никитине: вот уже год, как он больше не печатается в «Русских Новостях». Если будете говорить с Вайнбаумом, предупредите, чтобы не было недоразумений. Если бы вы были тут, как бы я вам все сказал и успокоил бы вашу темную наводь.

А. Ремизов

18-19 II 1954

Дорогая моя снегуня и теплуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Все думаю, чем напархну и в вас пробудится ваше. Глядя в глаза – это не буквы мне отчетливо видно – я нашел бы расключье. От вас не скрыты формы – сказывать, описывать и петь. Вы послали стихи. Конечно, словесно надо так делать, чтобы и самое безсюжетное держалось, как земля в воздухе.

Мысль Флобера никак неосуществимая книжной грамматикой с причастиями и придаточными предложениями. Занимаясь «Гл. Чел.» слух заострился.

Приходила С.Ю. – торжествующая: выступала на Вечере и со Снегуровым закончила, надо сделать на отдельной странице: Того же автора «Сказки», Париж 1950, иллюстрации Н. Гончаровой. Следовало бы сделать оглавление.

Слышал, Сазонова собирается в Париж и остановится у Евреиновой в нашем мышинном доме. Когда?

А Вы нарисуйте меня красками, вы видите скрытое, от других глаз. Спасибо, сейчас получил вырезку IV и V (Берестяный клуб). Напишу вам сегодня же. Жду корректора из типографии от Резникова – придет обличать меня за мою «безграмотность» и я терпеливо буду слушать, а все будет так, как написано.

Дорогая моя кукуня, видел вас – показываю новый несуществующий альбом: «холодильник», а краски горят.

А. Ремизов

20 II 1954

Дорогая моя веснянка Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Обрадовали меня. Мне почуялось распахнутые окна и волной свет. А от меня опять, только теперь не о «налиме», понемногу налаживаюсь, и обжорная страсть возвращается. Другая моя беда: я, как плохо подкованная лошадь – полусижу, левая забинтована: жгучий варис. Как мне надоело возиться с собой и неизбежно обременять других. Или добрые духи-покровители отвернулись, или я должен пройти и еще дорогу испытаний – чтобы... «поумнеть»? Меня покидает веселость духа, вместо благодарности, я ворчу.

Как я жду вашего рассказа. Если удастся вам приехать, вы мне будете читать фразу за фразой, слово за словом. И что меня еще надрывает – возиться с собой и ждать. Корректор не пришел, отложено на вторник.

Из денег: все что я собрал из моих французских гонораров и что предназначено на «Оплешник» – книга о Гоголе, – все ушло на всякие ненужные лекарства.

Дорогая моя кукуня, не по моей скрыти, но мне не хочется показываться вам расплющенным, ведь это не мое, не по мне. Пришлю вам короткий рассказ, предназначаю для моей книги «Петербургский буерак» которая следует за «Ивернем», называется «Космография».

А. Ремизов

28 II 1954

Дорогая моя единственная Наталья Владимировна,

Ися мне все рассказал. И вдруг я почувствовал, как когда-то в канун «Крестовых сестер». Затаенно с последней надеждой я смотрю в ваши глаза.

Отвечаю: Издание «Иверьня» для меня очень важно: я рассказываю, как я стал писать и о своем первом напечатанном, я рассказываю о своих скитаниях, выброшенный, без дома, и о встречах с людьми не нашей породы – «духами» (Кикиморы). «Иверень» продолжение «Подстриженных глаз». Из всех моих книг самая простая, ведь, в нее входят все мои «13 квартир». Если на свиное ухо сверкающее название книги Иверень звучит скрипом и отпугивает, я готов заменить название каштановым бархатом «Кочевник». (Можно, вместо Иверня, сказать «Осколок»). Я согласен на самый маленький гонорар, какой только для «приличия» дают заштатным писателям в канун их последних слов.

Дорогая моя кукуня, другие приготовленные мои книги: 1) Плачужная канава, 2) Петербургский буерак, 3) Учитель музыки – гораздо сложнее Кочевника (Иверьня).

Дорогая моя кукуня, и знаете, в подсловах Иси мне прозвучало – и я приглушил этот голос: да удастся ли вам приехать в июле?

А. Ремизов


PARIS

17 III 1954
Грачи прилетели

Дорогая моя печальная пленница
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо: вырезку получил. Я записываю деньги — за старое было 50 дол. и теперь 30 = 80. Это то, что я называю «на смертный случай». А вы знаете, куда идут эти деньги.* Я не ошибся в счете? Я едва разбираю записанное свое. Теперь вы меня проверяйте.

Если бы я сам посылал книги и журналы, вы бы все получили. Всем я надоел своими «вечными» просьбами.

А коня видеть во сне – к известиям. Так оно и вышло.

Была С.Ю. Говорила о вас. Я знал, что вы не приедете и только боялся сказать себе. Последнее время ночью я проснусь и смотрю сквозь тьму и читаю сквозь это, вещее сна.

Дорогая моя кукуня, с какими же цветами мне ждать вас? Грачи прилетели, потом выпускать на волю пленниц, отцветут каштаны, погаснет майский блеск – а я вас жду.

А. Ремизов

* Главным образом, на издание книг А.М. Ремизова.

Н.К.

25-26 III 1954

Дорогая моя освобожденная птичка
Наталья Владимировна,

Сегодня Благовещенье, по здешнему, 25 марта. Этот день мне памятен. С октября я не выходил на волю, а сегодня в первый раз я за дверями нашего избедованного за зиму дома. Д-р Зернов повез меня к себе на

радиоскопию. По снимку видно: все на месте – и сердце, и легкие и только печень немного больше обыкновенной. Обещал через десять дней проверить и тогда мне будет все можно и о еде не надо думать, выбирая. Я вернулся домой одурелый и потом мне стало скучно: Никитин рассказал о Булонском Лесе: в розовых и белых деревья – первые цветы, и робкие листочки. Так и ко мне показывается весна. Появилась и Н.Гр. с января в первый раз. Была и Горская. И, как всегда, о вас. Я говорю: «приедет», а сам думаю, – а что если нет, как тогда. Была С.Ю. с Гингером. Оба читали. Екатерина Даниловна переписала свое произведение теперь оно у вас: это не реклама и дело не во мне, а в русской литературе.

Дорогая моя кукуня, как я жду Исю узнать о вас и о «спине». Апрель и май будете жить в суете кануна.

Если бы только удалось вам. Боюсь и думать.

А. Ремизов

30-31 III 1954

Дорогая моя незакатная Наталья Владимировна,

Спасибо за Пана Халявского. По дороге булавка выкололась, а разорванное втянулось, прочесть можно без скрепа. Спасибо, это ваша победа – из прежнего отвергнутого у Вайнбаума: 1) Рисунки писателей, 2) Пушкинская речь, Достоескаго и 3) Шурум-бурум. Мне хотелось бы «Пушкинская речь» Достоевского взять подзаголовком, а заглавием будет «Перевернутые слова». (Эта мысль впервые во всемирной литературе о Достоевском – Достоевский перевертывал слова, надо было кому-то перевернуть Достоевского и вос-

становить его мысль. Знаю, трудно это объяснить Вайнбауму, но пусть он вам поверит).

Ися мне рассказывал, как вы рисуете карандашами. Верю, разгляжу и вас узнаю.

Я подсчитал и проверил: кончая «Литературной карьерой» с «Опытами» (7 дол.) = 80 дол. Ися обещал мне дать во франках, а я передам Резникову подтолкнуть книгу о Гоголе («Огонь вещей»). Вы мне ничего не написали, дошел ли до вас № Figaro litteraire со статьей Dominique Arban (Наталья Вениаминовна). Статья для широкой публики и моя ужаснувшаяся фотография (снимали в 11 утра, я еще во сне).

Дорогая моя кукуня, сегодня мне снилось: три камня – серый, мельничный жернов, а на пороге теплый с блеском камень Лермонтова. Я понимаю: роковой.

А. Ремизов

3 IV 1954

Дорогая моя черная пламень – белые тени
Наталья Владимировна,

Спасибо за Царевича Алея. Взялся проверять «Учителя музыки» – черепахой: без посторонней помощи куда мне, а все заняты. А, кроме того, что-то проверять – вы чувствуете, знаете по себе. Жду Исю. А ну, как и «Учитель музыки» не пойдет? М.б. держать наготове «Плачужную канаву» – ее читала Александрова – одобрила, но я заменил «Розовым блеском» и «Пл. канаву» она мне вернула. И почему все так происходит со мной во всем всю жизнь? Каинова печать. Издать самому Иверень безнадежно: книга не «Мышкина дудочка» – стоила 120.000 frs – надо полмиллиона.

Всякое ограниченное словесное пространство, от Гоголя до прейскуранта, ритмично. Песенность ритма – стихи, а вовсе не рифмический защелк. Жду ваши стихи. Слово «белые» (libres) внешнее определение.

Вчера Одарченко принес мне не цветы, как обычно, а черепаху. Я вспомнил «Ящура» и ваш испуг передался мне.

Дорогая моя кукуня, опять мне снился конь – пролетка без седока, без кучера, в упряжке. Конь мимо меня, какая доброта, приветливость, а у меня в руках ведро – сверкает луной. Я не шарахался, а провожал глазами, любуясь. И этот конь, после вчерашних (в сне) серых жерновов и теплого камня с блеском – камень Лермонтова – роковой – на пороге.

А. Ремизов

10 IV 1954

Дорогая моя лягуня Наталья Владимировна,

Спасибо за царя Аггея. Была С.Ю. Она пришла после свидания с Исей. Он примирился, такое у меня чувство. Два часа она провела с ним. Поедет ли он сейчас в Женеву, едва ли. Ему нужно передохнуть, а не мотаться. Дома с ним А.М. Турчин и все у него есть. Заботится консьержка. И вы не безпокойтесь.

Я совсем затих, как поздней осенью звери. Вчера прилетели ласточки, обещают теплые дни. Я чувствую, с теплом будет перемена. На меня опять гонение: требуют за мою третью комнату, на которую я имею право как «ecrivain». Но для этого надо свидетельство из Société des Gens de lettres. Хорошо, что французы меня приняли. От русских я только и слышу, какой я плохой. Отказ Чеховск. изд. принять моего Иверня

встречен в Париже единодушным удовлетворением. (Исключение: Зайцев, Маковский). Я и сам себя не высоко расцениваю. Вы это слышали от меня не раз.

Дорогая моя кукуня, жду вашу сказку. Для меня одно осталось – помочь вам. Песенность есть и в прозе, и в вашей Глаше-кротихе, я слышу. Песенными не делаются, потому и «поэты» беззвучны – прочтешь и не повторяется, не «навязывается», как Некрасовское:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури ль заслушаюсь в пасмурный день,
Друг одинокий, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень.

А. Ремизов

16 IV 1954

Дорогой мой белый волчок Наталья Владимировна,

Обрадовали меня вашими словами, для меня слова, вы знаете, живые существа. Спасибо за «Рысь» и царя Аггея, и Обжор.

Вчера была С.Ю. С ней говорил Ися по телефону, он бодр и деятелен. Хочу попросить вас: теперь, по случаю выхода № 3 «Опытов» вы увидите Гринберга. Я его спрашивал, но он мне не ответил. У них лежит, погребено, моя рукопись: «Повесть о Петре и Февронии». Вижу и чувствую, как это непохоже на их мерку русской прозы. И лучше пусть вернет мне рукопись. Пусть у меня лежит.

Были часы пропада. Как всегда бывает со мной, в последнюю минуту все куда-то скрываются. Всесильная Dominique Arban уехала, а одно слово по телефону из «Figaro» все бы кончило сразу. Я говорю о моих квартирных гонениях.

Неожиданно, на этот раз, все окончилось благополучно. А на будущее помог «окопаться» Armand Robin. По моей «Литературной карьере» вы видели – меня выручали в жизни «бандиты»... Посылаю вам для архива: 1) «La table ronde» апрельский с «В сиянии голубом» (из «Мышкиной дудоочки») и 2) Unframonde с началом моих воспоминаний о Горьком.

Дорогая моя кукуня. Буду терпеливо ждать вас. Сколько за это время я должен был вынести напастей! Верю, поправится и я посмотрю, как прежде. А то – сам замечаю – осуровел.

А. Ремизов

22 IV 1954

(Режет глаза, если бы помазать, а боюсь, это – веки, смотреть не мешает, только чувствительно).

Дорогая моя неуспокоенная Наталья Владимировна,

«Лучше поздно, чем никогда», сказал мудрец, опоздав на поезд. От Александровой – письмо. Пишет, я не попал в список авторов, книги которых будут изданы в Н-е 54, но что в 1955-м – не знает, в котором месяце – зимой ли, по весне, в летний день или поздней осенью – она постарается включить моего «Кочевника» (Иверень) в издательский список. Была С.Ю. «забежала» проститься, уезжает на 2 недели к сестре. Звонила Исе. Он очень занят. Жду его на Пасху. Сувчинский принесет мне пасху, кулич. Обещал и Савинков. Будет, чем угостить. Исе я покажу письмо Александровой, надо ее подогревать. С.Ю. мне сказала, что «Гл. ч.» напечатан. Я очень обрадовался и мне стало легче: должно быть, от всяких происшествий

– ведь, у меня такое чувство, вот возьмут меня за шиворот – в пубель.

В день своего юбилея – 65 лет – заходила от обедни Н.Г. и принесла пестрый платок послать вам. Я передал Исе. Краски яркие.

«Учителя музыки» проверяю, чтение медленное. И надо некоторые главы переписать. К 7-му V не поспею. Достану и пошлю вам «Туркменские сказки». Дорогая моя кукуня, стало теплее, зацвел каштан. Слушая «Уч. музыки», думаю, выговаривая беззвучно свои слова: будет ли вам по душе, 450 страниц, едва ли кто выдержит. Книга набита горестью и балагурьем.

А. Ремизов

27 IV 1954
(III-ий день Пасхи)

Дорогая моя кукуня-воркотуня
Наталья Владимировна,

Спасибо за царевича Алея и Космографию. На 1-й день приезжал Ися с куличем – саженный, едва дотащил. Я, по своей звериной жадности, нет, не набросился, а тоненькими ломтиками режу к кофию. Ися обещал – заедет перед отъездом и повидает Лурье. Унбегаун, если надо, пошлет копию. Появление в Н.Р.С. ее отчета о статье Marcel Brion'a сейчас очень важно. Объясните Вайнбауму. Будет пересмотр решения о моем Иверне («Кочевник»). Главное у меня – французский отклик и оценка (преувеличенная, по моему). Предполагается издать книгу в этом году, не откладывая. Пишу со слов Оли Андреевой. Она узнала от Терентьевой. Письмо покажу Исе.

Думаю Лурье успокоится: ведь, если в этом году контракт, будут и деньги. Каштан весь в цвету. Но еще свежо, и я в кукушкиной. Дорогая моя кукуня, как я жду вас. Ваше Вы мне будете читать и я повторяю за Вашим голосом. Будет тепло. Видите, гадаю, колдуя, ведь я вроде как в тюрьме.

А. Ремизов

2 V 1954

Дорогой мой убегающий Наталья Владимировна,

Жду Исю. Остается 5 дней до его отъезда. Пусть выберет для вас из моховой кошелки пасхальное красное.

Очень меня измучили: вчера принесли «Огонь вещей» сверстанный. При верстке пропустили часть гранок. Моя слепота, вот, когда я почувствовал. Как вам все было бы просто исправить, а я барахтался. И потом всю ночь продолжаю разбирать слова сквозь сон. Книга к 15-му не будет готова, придется переверстывать. И еще задержа – новый корректор, д.б. будет Савченко. С Гингером не сладилось – очень медленный.

С завтрешнего дня начнутся будни. Вернется С.Ю. и час будет мне читать о «согласных». Сколько у меня хороших книг и моя обездоленность только смотреть на переплет. С Н. Резниковой проверяю «Учителя музыки». Для русских не по зубам, это я понял и Бахрак был прав – читать никто не будет. Некоторые главы подошли бы к верхушке французких литературных кругов, но перевод. Дорогая моя кукуня, вы прочтете. Будет тепло. И вы начнете с конца, а я буду следить за вашим голосом. Я слышу его часто – вдруг он подымается из глуби подзвуков – для меня нет теперь немого пространства, в вихре звуков.

А. Ремизов

ПУСТАЯ ПЛОЩАДЬ ПОМЕРКАЮЩАЯ БѢЛАЯ НОЧЬ МѢДНАЯ ЧШАТАЯ ЛУНА СОЛОМОНІЯ ВЫРВАЛАСЬ ИЗЪ РУКЪ И УДАРИЛАСЬ О ЗЕМЛЮ СИНІЕ И БАГРОВЫЕ КАТИЛИСЬ ВОЛНЫ

ЗАКРУЧИВАЛИСЬ ВЪ ТУГІЕ КОЛОВОРОТЫ ЗЕВЛАСТЫЕ КОЛЬЧАТЫЕ ОТВИСЛЫЕ И ПЕРЕТЯНУТЫЕ И ГЛАДКІЕ И МОХНАТЫЕ И СЪ БОРОДАВКАМИ И ВЪ ПЛАМЕННОМЪ ПЫХУ
ВЗДРЫГАЯ САМЪ ЯРЪ ГОЛОВА ЗМѢЯ ОНИ ШАЛИ ЛЯГАЛИ И ОПЛЕВЫВАЛИ ЕЕ И ТУЧА НА ТУЧУ ПЫЛАЛА ГОЛУБАЯ ВОЛНА ЅВѢЗДАМИ МЕЛЬКАЛИ СЕРЕБРЯНЫЯ РИЗЫ И
ХОРУГВИ И ВЪ СВИСТЪ И ВЪ ПРОКЛЯТІЯ ВѢЯ ВАСИЛЬКАМИ «ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ» ПЕРЕЛЕТНО ЅВОНЪ КАНУЛЪ

Рис. 15

4 V 1954

Дорогой мой неугомонный Наталья Владимировна,

Спасибо за «Меха» и Завалишина. Посылаю копию Ек. Д. Унбегаун. От Гринберга получил «О Петре и Февронии». О № 3 Опытов знаю от С.Ю., но до меня книга еще не дошла и ничего не могу ему ответить. Сазонова что-то против меня, иначе не говорила бы такое – к искусству никак.

Думаю, будет ли такое время, чтобы за меня – за мое не надо будет уговаривать. Все с таким трудом.

Дорогая моя кукуня-певунья, Исе остается всего два дня до отъезда, успеет ли заехать. Всякий час жду его, книги приготовил – сказки и платок Н.Г. и на выбор пасхальное. А вы привезете мне тепло – замерзаю – и свет – едва пишу.

А. Ремизов

7 V 1954

Дорогая моя озябшая весенняя
Наталья Владимировна,

Сегодня 7-ое, весь вчерашний день жду Исю, не приехал. Книга «Туркменские сказки» и «Тысяча и одна ночь» (издание для детей) посылаю почтой, через 10 дней будут у Вас. От Иси я получил за напечатанное в Н.Р.С., кончая «Моя литературная карьера», 80 дол. и 20. После «Моя лит. кар.» (авансом – 38.000 frs). Было напечатано: 1) Наши обжоры. 2) Царевич Алей, 3) Царь Агей, 4) Дар рыси, 5) Космография, 6) Меха.

Я думаю, эти шесть покроют мой аванс (20 д.).

О судьбе моего Иверня Зайцев спрашивал Алданова. Зайцев передает ответ обиняками. Дело не в названии – Иверень или Кочевник – в продажном смысле не имеет значения. Одно мое имя пу́гало и, стало быть, всякая моя книга обречена лежать на складе. Но не в этом препятствие – можно было бы издать и заведомо ненужную книгу, как благотворительность.

Благотворительность? Позвольте, но кому?! Обратили ли вы внимание в «Моей лит. карьере» и в «Крестовые сестры», там я говорю о Тараканоморах, я подразумеваю литературных, но, ведь, есть и нелитературные – добровольцы и платные. Дорогая моя кукуня, через какую паутину я гляжу на свет.

А. Ремизов

10 V 1954

Дорогая моя кукуня-непоседуня
Наталья Владимировна,

Вернулась С.Ю. От нее узнал о смерти Наумыча. Вчера (воскресенье) заезжал Ися: он едет в пятницу 14-го. Я передал ему цветной платок от Н.Г. Показывал Исе письмо Александровой и Оли Андреевой – со слов Терентьевой. Ему пригодится.

Себя защищать я никак не могу. Вы знаете мою самооценку. Я «добиваюсь» издания моего «Иверня», как «документа» зарегистрирование явления современника с Каиновой печатью. И не обольщаюсь – читателей найдется человек 40, сужу по «Оплешнику», по количеству проданных книг. Я могу рассчитывать только на благотворительное издание. Об этом я говорю Исе.

Вечером приходила Н.Г. В субботу 5-го панихида – одиннадцатая годовщина, в этом году сложнее – церковь переехала на Bd Exelmence, а новая недостроена. Все очень сложно.

Сегодня Ися будет говорить по телефону с Лурье и успокоит его.

Дорогая моя кукуня, как я хотел бы Вас чем-нибудь обрадовать. По себе знаю, радость жизни – какая это сила. Не вера, а радость двигает горами. Передаю для Вас пасхальное – Синее с серебром. Предложил красное, а он не взял – желток при печени нельзя. Видите, какой он осторожный.

А. Ремизов

22 V 1954
Никола Вешний

Дорогая моя жаркая летуня, Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович

Мечтаю о жарком лете, а наши булонские Wetter-prophet-ы сулят прохладный июль и август. В богатых домах затопили печи, а наш щелкоперый предоставляет свободный самогрев. Пишу о погоде, не потому, что нéчего а потому, что холод меня слепит и, сжавшись, затих зимней квакушкой.

Дал Унбегаун переписывать и пошлю вам два рассказа из стоглавой повести «Учитель музыки». I. Интегралы (сонорная геометрия). Мышеонально (полет на луну). Когда найдете нужным, предложите Вайнбауму. У Вайнбаума находится, кроме Шурум-бурума, из которого напечатаны 1) Меха и 2) Цветник, еще две рукописи: Рисунки писателей и Перевернутые слова (Пушкинская речь Достоевского).

Письмо Александровой от 10 мая получил сегодня 22-го. Пишет, что название «Иверень» больше подходит к книге, чем «Кочевник», она согласна, но о судьбе книги она сказать ничего не может. Лурье я ничего не скажу, он будет беспокоиться: как и чем мне жить. Он знает, что мои французские достижения материально мне ничего не дают. Я думаю сделать так: 100 дол. из Литфонда пусть побережет Ися. У него немного моих осталось. Как-нибудь проживу или, вернее, доживу.

Дорогая моя кукуня, жду вашего тепла, вы мне поможете в самом трудном – в движении слов, чего никто мне не может дать.

А. Ремизов

10 VI 1954

Дорогой мой перволётный Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Под впечатлением находки – «Светлая ночь», Чехов дает образ Епифания Премудрого, монах Троице-Сергиевской Лавры (XIV-XV в.). Чехов ничего не знал о этом монахе – через века с ним перекликается Андрей Белый.

И мне показали ленту, прошита камушками, живые, как слова, гирлянда слов.

И вдруг из-за зеленых деревьев вы смотрите – лицо горит и с таким безпокойством вы держитесь за ветки д.б. путь вам очень трудный. Что с Вами? Или это мое перенесенное на вас – такое бывает во сне.

Потом большой пакет – письмо. Думал, получу от вас, но оказалось, действительно большое письмо, но не Ваше, а из Ed. Plon (Table ronde). Была С.Ю.

Она думает, почему, не знаю, что вы не приедете, а осенью по золотым листьям. Очень безпокоюсь. Дорогая моя кукуня, что у вас и как Ися – ведь, месяц от вас нет вестей.

А. Ремизов

12 VI 1954

Дорогой мой весенний Вей, Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо за Портфель и Мазурову. «Портфель» наклею для книги, а Мазурову передам для Dominique Arban.

Меня никогда не пугала неизвестность. Я боюсь быть в тягость людям. И эта боязнь, с моей слепотой, все чувствительнее. Боязнь смерти – а со «смертью» у меня соединяется «освобождение» – мне трудно себе представить. Вы мне расскажете Ваши мысли. «Расставаться» – это я понимаю, но «тайна» меня не пугает. На словах будет проще, я вам отвечу. (Застит теплый туман – окно раскрыто – путает мне строчки.

Беда мне с моими рукописями, а должен как-то справиться. Я не могу исправлять. И пишу всякий раз, как вновь. Если бы не охота, я бросил бы. Вайнбаму напишу благодарность за 100 дол. Знаю, и тут Вы, а без вас не пришло бы в голову.

Опять этот бандит – Armand Robin пропал. Завтра, если меня повезут к Barbar-e Church, увижу весь санедрион и выясню – в мае была назначена передача по радио из Грудцына.

Дорогая моя кукуня, жду вас. Вы это знаете, и все вам расскажу.

А. Ремизов

18 VI 1954

Дорогая моя бубуня и алатуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

И к нам пришли теплые дни – никто не верит, так напуганы вчерашними холодами. Как глаз Иси? И отчего случилось? У глазных докторов глаза независимы.

Рожанковский известил (не меня, конечно) – в июле будет в Париже. Вайнбауму послал благодарность. В воскресенье возили меня к Barbar-е Church. Видел все французское «святилище». Все знают, что я русский заштатный сочинитель слепец и для меня было «воздвигнуто» средневековое белое кресло, на котором я просидел до фейерверка (приемы у Church – издатель «Mesures», – я описал в Гиппопотамах в «Мышкиной дудочке». Ничего страшного, страх был во вторник: Thylette Лурье возила меня к Бронштейн глаза проверять. Я был спокойнее всегдашнего, но на другой день я подымался на гору без передышки – вот задохнусь, а торопят.

Дорогая моя кукуня, зрение хуже, чем прошлым летом, когда вы меня возили, тогда на что-то надеялся, а теперь покорная безнадежность.

А. Ремизов

23 VI 1954

Дорогая моя бубуня-алатуня,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Ночь на Ивана-Купала (по-здешнему). Какой-то приснится мне сон, когда вся стихийная утроба переворачивается. Мои испытания еще не кончились – сегодня, с утра, чистится кухня и я в загоне. Жду счастливой минуты освобождения. (Затея Лурье привести меня в порядок и «осадить» консьержку).

В воскресенье был А.Г. Савченко, корректор, принес сверстанный «Огонь вещей». Книга должна была выйти 13 мая. Спрашиваю когда же? – Да не раньше конца июля. Стало быть, перед разъездом («ваканс») и кто мне доставит книгу, не знаю – разве что Утенок (из «Мышкиной дудочки»), но она в таком расслаблении, не дотащить и одной книги. Савченко утешает – «на волю Божию» и Огонь меня не минует. Вот вам из «Живой жизни» моих слепых терпеливых дней. И много ль осталось еще прозябать?

Н.Г. – последние дни переезжает в богадельню.

Может быть сфотографируем Ваш закуток с моими абстрактными конструкциями?

Дорогая моя кукуня, удастся ли вам приехать, я только гадаю не по картам – а по чувству. С.Ю. читает биографию Чехова (книга Ермакова). Мне нужно это для проверки моего представления по сочинениям Чехова. Я не ошибся. Пока идет все, как у меня сложилось. Для меня интересно, когда развеялась веселость духа и смех погас. Чехов родился в 1860, а помер в 1904 – сорок четыре лет. Советую вам перечитать с 1-го тома. Чехов – материалист, все чудо: большое «воображение», но он верил в книжную грамматику.

А. Ремизов

25 VI 1954

Дорогая моя кукуня-потягуня и кукуня-лапуня
Наталья Владимировна,

Как я обрадовался вашим конструкциям. Вчера С.Ю. мне читала сказки.

У вас есть контрасты и несообразность. Это хорошо и не бойтесь. Вспомните, как отчетливо у вас Глаша кроту сапоги чинит. Спасибо за луну и Ставрова.

В будущем году (весна 1955) объявлена на экзамене в Сорбонне и всех французских университетах обязательным «Подстриженными глазами». Среди русских это постановление вызвало гнев: наверняка экзаминующийся провалится.

Дорогая моя кукуня, как бы я хотел на словах передать вам все свои замечания. Удастся ли?

А. Ремизов

3 IX 1954

Дорогая моя бубуня-колобуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Обрадовали письмом. (Шуру Лурье зовут Александр Семенович). Видел вас во сне, в ваших руках синяя тетрадь, с тревогой смотрите.

Я все думаю, когда же я проснусь, как прежде. Температура 36,1, а дыхания нет. Затаенно подымаюсь.

Днем мне много читают. С пылающей головой ложусь. На ночь меня нельзя оставлять одного, это меня мучает. Когда же я буду похож на себя?

Глебу Струве я написал и дал ваш адрес. Справляйтесь о вашей копии. С.Ю. давно не была. Потихоньку начните переписывать «Золотой Дар». За это время я ничего не рисовал, хотя и было часто, мне казалось – рисую. Дорогая моя кукуня, всегда я делаю, как вы делаете.

Но я пишу вам показать, что я еще жив и живу в крути мыслей, но с коротким дыханьем, отягощая других.

А. Ремизов

4 IX 1954

Дорогая моя бубуня-катуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо Вчера получил чек – 37.000 frs. Вайнбауму напишу благодарность. Только сейчас я дышу. А было очень плохо с 7 ч. утра и только, когда уехали доктора, в 11 ч. вдруг я, как ничего не бывало, перестал задыхаться (а задох такое состояние, когда последнее желание – задохнуться навсегда).

Мне делали фотографию сердца. Мучился и других мучил. Д-р Зернов привозил специалиста. Из разговоров я понял, что дело не в сердце, а в легких. В субботу д-р Зернов скажет, в чем дело. На неделю дан новый режим. Я не лежал, я сижу за своим столом. Чувствительность моя дошла до вздрога от тени. Н. Резникова не оставляет. Дорогая моя кукуня, как бы хотел я вам написать без всяких описаний болезни. Как вчера вы обрадовали меня китовыми ребрышками.

А. Ремизов

1 XI 1954
(понедельник)

Дорогая моя бубуня-певуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Вчера я слышал необыкновенное пение, какие чистые, полные звуки, думал, проснусь и войду в жизнь. А сегодня – третья неделя – едва поднялся, нет дыхания. Н. Резникова все еще самоотверженно не оставляет меня. Самое тягчайшее утро. Те, кто заходят днем, не представляют себе, на какой тонкой нитке держусь. Много думаю, к вечеру голова пылает.

Ходите ли вы с М.С. слушать историю английской литературы? Обратите вниманье на Стерна (Лоренц Стерн – XVIII в.) с ним у меня много общего.

Переписывайте «Золотой Дар». Верю – я отдышусь. Пишите мне, что попало. Очень мне трудно, не различаю букв. Дорогая моя кукуня, как я всегда думаю о вас.

А. Ремизов

Каждое утро диктую сон, сам не могу написать и все жду, когда это будет моей рукой. Диктовать трудно.

8 XI 1954

Дорогая моя бубуня-квакуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Утром сегодня ваше письмо – свет и тепло. А я не могу подняться: такая слабость, т. 35,8 Пробуждаюсь. Подумал о Опытах. Я писал Иваску: для 4-го мое сказание о Аврааме. Сказание принято Гринбергом

вместо Петра и Февронии. Нельзя тысячу раз менять, никакого терпения не хватит. Я мог бы послать Тристана, если Тристана, не отказывая, можно было бы напечатать до мая 1955. (Тристан набран у Д.Г. Резникова. Набор хранится, но книга будет печататься в другой типографии.) Поговорите с М.С. Новое мне сейчас не написать. За болезнь мне много читали и я много думал. Но я еще не вышел на свет. Чтобы подняться, я зверски курю.

Дорогая моя кукуня, и это письмо, хоть и неотчаянное, но и не мое всегдашнее. Эту ночь ночевала Н. Рез. Завтра д-р Зернов привезет мое сердце. А как мне надоел Утенок.

Всегда думаю о вас, вы знаете – чувствуете – чуете.

А. Ремизов

10 XI 1954

Дорогая моя бубуня-зовуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Вчера д-р Зернов привез изображение (графическое) моего сердца. Но оно показывает не то что есть, а что со мной бывает, когда я жду. Вы это знаете, наблюдали в прошлом году, а так все у меня на месте – пульс 60, давление 15 и не задыхаюсь и только горловой кашель ночью, горло меньше болит, но все еще чувствительно. Я все хочу начать жизнь без всяких посторонних ночевых. Меня это больше волнует, тем более, что это очень дорого стоит.

Послал вам заказной бандеролью Тристана и Изольду. Покажите Вайн. М.6. пригодится для Опытов, только не надо откладывать. Вы читали, но еще раз

прочтите. Это моя лебединая песнь, как мне горько расставаться.

Дорогая моя кукуня, вхожу в жизнь и хочу заняться ся вами – ведь это единственный свет в моей жизни.

А. Ремизов

12 XI 1954

Дорогая моя бубуня-певуня (темная ночь)
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Сейчас я один. Дверь не закрыта. Ночь невеселая: волновался, ожидал нового дозорного ночника.

Мне читают из двух книг: проза XII в. – и проза XVIII в. (христианство). Меня остановило и я все думаю об одном сказании – легенда: основании Отроча монастыря – XIII в. – как судьба открывается во сне и приходит самое неожиданное. Я еще мыслями не захлебнул. Мою мысль я отчетливо не вижу, хотя и чувствую. Это будет темой моего рассказа.

Только бы навыкнуть дышать и ночи оставаться одному. Почему-то боятся меня оставить одного. Или в самом деле я был на краю жизни. П.П. Сувчинский принес мне портвейн.

Дорогая моя кукуня, пошлю вам краткую редакцию моих снов за неделю, когда не мог глотать. Читаю Даля.

А. Ремизов

5 XII 1954

Дорогая моя бубуня-голубуня
Наталия Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Через 10 дней Коляда – ваше рождение. Вы не читали Рабле? Спрашиваю у книжников русское издание. Из России получил хорошие книги по истории древней русской письменности. Я достал. Вчера С.Ю. читала мне исследование о похождении игумена Даниила по Святой Земле – XII в. Была и Н.Г. – Вчера Введение во храм, 52-я годовщина моей прозы.

Я все еще под надзором. Ночует Утенок за 500 франков. Я все делаю, чтобы ночью не безпокоить. Утенок появляется с вечера и читает мне до десяти – одиннадцати часов, а уходит домой к 10 – утром. Иногда мне кажется – во мне что-то хряснуло и мне не наладить дыхания. Не только стук, а самая легкая мысль меня встряхивает, будто я всё бегу куда-то и не могу передохнуть. А как я вам надоел, если даже, затаившись, молчу. Д-р Зернов раз в неделю. Хорошо, что не через день.

Дорогая моя кукуня, когда же я вам напишу: я свободен, или уйду от себя. Октябрь, ноябрь, декабрь. Всякое терпенье потеряешь. И не рисую.

А. Ремизов

7 XII 1954

Дорогая моя кукуня-дыхуня, Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Я в отчаянии: нет от вас известий. Или мои письма до вас не доходят. Получили ли «Тристана» – послал заказным. Иваск, кажется согласился на «Авраама» для № 4 Опытов. А если был бы № 5, я предлагаю из «Тристана». Для Вайнбаума я послал 10 слов из моей книги «Полевые цветы» (три года рукопись лежит в YMCA PRESS). Мое воззвание к сбору на Литфонд в моем письме к вам. Я совсем спутался, что у меня газетное и что для журнала. Хотел бы послать вам «Судьба без судьбы» и не знаю – м.б. лучше Иваску. Там есть о Розанове.

Днем я чувствую себя, как и не хворал, и ночи проходят тихо, но под утро ужасно задыхаюсь. А мои сны хорошего не предвещают – то я в шелковом черном, то вижу свой парчевый из золота наряд.

Дорогая моя кукуня, хватит ли моего дыхания до весны?

А. Ремизов

10 XII 1954

Дорогая моя бубуня-мяуня, мой любимый
единственный, ни на кого не похожий
Наталия Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

С этим письмом придет Коляда – ваш день рождения. Как бы я хотел всей силой моих чувств, чтобы у вас все было хорошо и все напасти развеялись. В оккупацию (1940-44) я повторял «не обращайте внимания».

А теперь, нагруженный лекарствами – все принять чтобы отделаться. Когда я окреп, выяснилось, что мой задох не сердечный. Как я обрадовался вчера вашему письму. И сегодняшняя ночь прошла спокойно. Д-р Зернов теперь приезжает всякий четверг. Одно время казалось – и приезжать незачем. Со среды на четверг ночует Н. Резникова.

Перевод «Les yeux tondus» задержался. Был двухнедельный пропуск, а теперь все наладилось. Верю, я снова примусь писать, слова складываются. «Мартын Задека» – Сонник – задержался. Я получил за «Савву Грудцына» 6.500 frs и отдал в счет бумаги. (Д. Резников в типографии больше не служит). Все 300 экземпляров будут раскрашены Комаровым. Обещают к русскому Рождеству. Иваску пошлю мою «Судьба без судьбы». Вайнбаум ее не примет.

Дорогая моя кукуня и еще, и еще раз повторяю – как я обрадовался вашему письму. Я не знал, что и думать, не получая.

А. Ремизов

13 XII 1954

Дорогая моя бубуня – ходуня – бегуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо за Воззвание. Рукопись «Тристана» поберегите. Послал от отчаяния, вдруг да пригодятся отдельные главы. «Тристан» набран в той типографии, где служил Резников. Книга может выйти, когда соберу денег. Вот я и надумал – вдруг удастся что-нибудь в Опытах и у Вайнбаума.

Плохо пишу – мажу. Ночь была неспокойная. Я не претендую – о «Петлистых ушах» было два отзыва. За рецензию Сазоновой буду благодарен. Но кто же ее переведет на французский? Н. Резникова трудится над «Подстриженными глазами». Холмогорова (Нерпа) захворала. Да и нелегко поместить отзыв о русской книге. Начал писать. Тема опять судьба. Не могу придумать, чем русским заменить греческих фурий.

Дорогая моя кукуня, если бы у меня были глаза самому читать книги. Я все время раздражаюсь, видите как я пишу.

А. Ремизов

24 XII 1954

Дорогая моя бубуня-веселуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Завтра здешнее рождество – 25-XII – и русский Симеон Поворот (12-XII) – свету будет прибавляться, лампе в обиду, моим глазам – надежда. На Москве одно из пожеланий на сон грядуший: «Спите спокойно, сна не засыпайте, весело вставайте». Я об этом вспомнил сегодня, не задохнувшись. Поднялся – и к столу, записать сон. А снился мне волшебный апельсин – и светит. Задох вызывает приход несообразных и бестолковых моего окружения, – и ожидание. Это нервное. Но есть и еще: хочу откашливаться (горловое), а не могу. Потому продолжается ночное дежурство, ночует Утенок за 500 frs, сама кашляя жестяной посудой. Д-р Зернов всякую неделю проверяет, пичкает меня всякими лекарствами.

Иваск получил степень доктора славянской литературы в Нью Йорке, явился со значком. «Авраама», он откладывает на № 5, которого не будет. А для 4-го бережет мою «Судьбу без судьбы», начиная со второй страницы моей рукописи. На то он и доктор. Для Вайнбаума я посылаю рождественский рассказ: «Вещунья».

Дорогая моя кукуня, буду сегодня рисовать для моей повести. Мне все так трудно дается.

А. Ремизов

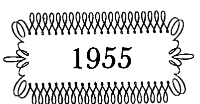
«Подстриженные глаза» это значит: спускающаяся на глаза пелена Майи, прорезана, мир «кувырком», Эвклидовы аксиомы нарушены. Из трех измерений переход к четвертому измерению, в мир сновидений. Эти глаза подняли меня в звездный мир; они открыли мне дорогу в подземную глубь черной завязи жизни.

Мне открыт Астральный Мир сновидений, в другой мир – мир нежити – земляные, подземные, воздушные духи. «Посолонь» – мои встречи с цветной нежитью. Связь с миром «нежити» выражена в «Мелюзине» и в «Кикиморе». («В сырых туманах») – в книге «Иверень».

Когда судьба открывается во сне, открывается самое неожиданное. Я еще мыслями не захлебнул свою мысль, и отчетливо не вижу, хотя и чувствую – это будет темой моего рассказа.

Моя сонная жизнь только отражение суетного дня.

рис. 7



1955

1 январь 1955

Дорогая моя бубуня-рассветуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Пишу новогоднее, замерзая, желаю тепла вам и света, о чем мечтаю. Скажу для науки, о чем не раз говорил вам: есть формулы сказочной обрядности, и не одна. Сказочник не обвиняет другого в заимствовании. И вы

не смущайтесь, а сказывайте, как складывается у вас в вашем рассказе. Сказочные формулы поддерживают образы и сочетания воображения. Ваш дар – воображение. Пример «формулы» – тема: обознание. Думал человек – спасает другого, а этот другой оказывается его гибелью. Старуха оказывается смертью.

Без какого-то напутствия мне не надо было посылать вам мой рождественский рассказ, написанный, без году пол века, в 1906 году. Я должен был предупредить вас. При свидании я вам подробно расскажу.

Дорогая моя кукуня, только-только оживаю и начал писать. Долго не избуду свою невольную вину перед вами: не предупредил.

А. Ремизов

4 I 1955

Дорогая моя красуня-снегуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

После люти снег и весь день обеляло улицы, крыши и остервенелых прохожих. День при электричестве. Пишу из последних глаз.

Пришло мне на мысль, подумайте и рассудите. Есть у вас альбом – когда-то писал для Иси – в альбоме лежит копия на машинке, прочтите. Альбом называется «Круг счастья» – легенды о царе Соломоне. Есть, по размерам, большее: «Царь Соломон и красный царь Пор». А есть и на номере газеты, Сказка, Китоврас. Подумайте, можно ли что-нибудь предложить Вайнбауму. Известите. А если что укажете, я попрошу переписать и пошлю вам. Так я подумал, потому что дела мои с «Оплешником» плохие.

Для Великого поста «божественное». У меня есть, возьму из «Полевых цветов» и пошлю вам в феврале.

Дорогая моя кукуня, не отгоняйте меня, ведь я только хочу вам добра. У нас общее восприятие. У вас – воображение, ценнейший дар, а за мной сотни прочитанных книг.

Теперь ослепшему я прошу читать и десять раз одно и то же, и это заменяет работу.

А. Ремизов

8 I 1955

Душу мою успокоили.

Дорогая моя кукуня – единственная моя колядуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

За все вам благодарный. Из письма Иваска понял, что у вас какое-то торжество. Даниель я помню, она мне рисовала, а что вышло из рисунка, не помню. Отдышавшись, мучаюсь над повестью и все, ведь, по памяти, а не с глаза. Мне перечитывают текст – всем я надоел – одно и то же. По вечерам слушаю историю русской литературы XVIII - го века.

Пишите, ничем не смущаясь, при свидании все исправится. Есть формулы и еще наше общее восприятие: мысленно я поправляю и в то же время вы поправляете, и оказывается одинаково. Вы всегда слово можете у меня в тексте вычеркнуть, я всегда могу заменить.

Дорогая моя кукуня, не огорчайтесь. Буду ждать ваше решение и выбор из рукописи «Легенды о царе Соломоне».

Мой «Сонник» не вышел – так я его ждал. Книга не для чтенья, а для гаданья на Святках.

Совсем задохся. Напишу вам и Исе о своем задохе дыхательных путей.

А. Ремизов

11 I 1955

Дорогая моя бубуня-перечедуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Видите, как трудно разговаривать на расстоянии. Письма приходят с опозданием. Я стал ждать мой напечатанный в Н.Р.Ç. – вырезку от вас, а вы только-только получили мое письмо от 1-го января с моим «не передавать Вайбауму». Чувствую себя виноватым и, не зная, как поправить, я решил тогда, раз все произошло из-за моего рождественского рассказа, отложить этот рассказ и тем и кончить недоразумение. А когда вы написали, что рассказ передан и пойдет в новогоднем №-е, я обрадовался.

Мои «дыхательные пути» меня приводят в отчаяние. Стал я бояться не ночи – ночь спокойна – боюсь утра с 6-ти до 7-ми. Потом кашель успокаивается. Оттого, что мне надо, а трудно откашливаться, я задыхаюсь. Потому за мной присматривает – ночует Утенок.

Оканчиваю первую редакцию моей жестокой повести.

Не мне, а вы меня простите за все огорчения, какие причинил вам за это время.

За корректуру для Иваска спасибо. Я напишу ему, дорогая моя кукуня.

А. Ремизов

14 I 1955

Дорогая моя бубуня-радуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Спасибо за вещицу – Коляду. Посылаю великопостное (пост начнется 28-го февраля). «Дела человеческие» из моей книги, которая четвертый год лежит в YMCA. Прочтите и рассудите, когда можно будет передать Вайнбауму. Хорошо было бы до вашего отъезда – ведь, печатать можно и в канун поста – в феврале. Боюсь, без вас заваляется. Считаю моей бедой мою слепоту.

Первую редакцию повести я кончил, теперь отделывать и тут без чужого глаза не могу. Доктор Зернов приезжает по четвергам. Общее состояние – ни на что не жалуюсь. И одна обуза мои дыхательные пути (трахеит). Оттого и задохи, тут очень много от моей восприимчивости.

Вот и с книгой у меня ничего не выходит. Я не говорю о других, а о «Соннике». Все было готово и вдруг затерял бывший хозяин Резникова и мой рисунок, и клише, и бумаги. Надо все делать сызнова. Конечно, когда мне об этом сообщили, я задохнулся и без всякого трахеита. От таких огорчений редкий день я свободен. Трахеит поправим, но душу мою выпрямить нельзя.

Дорогая моя кукуня, как я обрадовался вашему письму. А у нас зима и в комнате холодно. Весна придет на Благовещение – 25 марта и вы приедете и я отдышусь.

А. Ремизов

17 I 1955

Дорогая бубуня, кукуня Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Что у нас происходит – вы вспомнили бы. Летнее, вешний дождь и наводнение, а в аптеках хвосты.

Начинается самое трудное для меня: переписка моей рукописи. До какого я дошел унижения: сегодня будет переписывать африканский доктор. Не знаю точно названия, пока назову «Святые места». Есть на земле проклятые, гиблые места, есть заколдованные, есть святые. Для создания таких уголков на земле надо задавить какое-нибудь живое существо – без жертвы ничего не сделаешь. Я рассказываю случай-повесть XIV века. Тогда русская земля была развоевана татарами и мудровал над ней татарский царь Неврюй. На Руси беспросветно. Тема – как судьба губит суженное.

Мне много читают. Чтение пробуждает мою память. Жду С.Ю. Скоро вернется из Италии. Она толковее всех бестолковых чтецов.

Кажется, мою книгу «Сонник» освободят, а то посмотрите – завтра крещенский вечер гаданья, а гадать не по чем. Все это расстраивает мне дыхание.

Дорогая моя кукуня, видно, моя судьба – для чего-то жертва. Неужто для создания книг.

А. Ремизов

23 I 1955

Дорогая моя кукуня, золотая бубуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Парижа не узнать. Не на автобусах, на лодках, а вместо автокаров «старинные баржи» ждут появление океанских кораблей. С утра темь и осенний дождик. Наводнение превышает 1924 год, а и тогда было чувствительно. Помню наш первый год в Париже. Впадаю понемногу в отчаяние. Днем еще туда-сюда, но к вечеру – начало ночи и пробуждение для меня ужасно. Наша улица водой не покрыта, наводнение я чувствую кашлем. Всем надоел, да и самому себе. Ведь мне приходится просить африканского доктора разобрать мою рукопись. Слушаю его и не узнаю себя.

Как-то само собой моя повесть-легенда формально близка моей Мелюзине. Надо как-то объяснить загадочность событий. Оттого, что я обречен, длительное размышление выходит рассудочно. А надо – песня. «Мораль» и «рассудочность» в литературе последнее дело: «мораль» ничему не научает, «рассудочность» ничего не объяснит. Моя тема – задавленная жизнь для создания на земле «святого места».

Дорогая моя кукуня, разбираете ли, что я пишу, не разбирая написанных строк.

Мой «Сонник» все еще лежит под запретом. Прочтите в «Новом Журнале» из «Сонника».

А. Ремизов

29 I 1955

Моя дорогая кукуня бубуня пригорюня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Давно от вас не было вестей. Здоровы ли вы? Первый весенний вей, больше свету. Доктор Зернов сулит мне скорое освобождение из-под ночного глаза. А главное – началась переписка моей повести. Я сразу ожил. Вы меня поймете, и мое несчастье – мою слепоту.

Читают мне XVIII век, мало кому известно. Учусь, слушая, стараюсь не раздражаться, хоть и трудно: так плохо читают. С.Ю. читает лучше, но торопится. Ваше меня оживит.

Прошлая неделя прошла под ударами советчиков – как мне жить. Потом я подумал, не завести ли себе намордник.

«Сонник» все еще не освобожден. Обратите внимание на статью Ульянова в «Новом Журнале» о книге Ходасевича. Не так, конечно, все было: я вспоминаю обиду, когда я пытался делать замечания «молодым».

Ваша книга останется в литературе, она написана по-русски, а не русскими буквами на неизвестном языке. И только о вас я мог написать и еще напишу.

А. Ремизов

6 II 1955

Дорогая моя кукуня-вестуня Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Как долго нет от вас вестей. Очень тревожусь. Все спрашиваю себя: опять я чем-нибудь огорчил вас.

Я накануне освобождения от всяких пилюль и снова в тишине и молчании буду встречать белый день и ночь: она не будет мне угрожающей.

Моя повесть приходит к концу – переписка, и тут я накануне освобождения. Разбираете ли вы мои письма, или взглянув, складываете в архив? Нашли ли альбом «Легенды о Соломоне»? Когда выйдет № 4 «Опытов»? Построили ли «Золотой Дар»?

Мне кажется, вчера вы уехали. От октября до февраля моя страда, как один день. На этой неделе обещают выпустить мой «Сонник». Последнее время о моих книгах в газетах не объявляют, надеюсь на «Сонник». Так все под знаком надежды, а как оно будет в действительности – продолжаю строить новые книги внушая себе: надеяться и ждать.

Дорогая кукуня, жду вас.

А. Ремизов

14 II 1955

Дорогая моя кукуня-блескуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

... Крещенские морозы, от окна несет, пересесть на диван под кукушку – тепло. Так я и маюсь. Отделываю мою повесть, да плохо выходит. Надо знать наизусть текст. Все дело в изображении, а не в описании.

Описание только запись. Заметьте себе – отделка не только в словах, а и в наглядности предметов, чувств и движения.

Вышла История русской литературы: Горький, Куприн, Бунин, Брюсов, Блок, Зайцев, Вербицкая и другие – издание Академии Наук. Меня нет. Так я и не попал в историю. Жалеть? Нет, к умолчанию я нечувствителен. И что странно: эмигрантское отношение к моему, или советское – одинаково.

Емельянов обличает меня: я сам закрыл за собой все двери и его это огорчает. Но, ведь, я умышленно ничего не делал.

Дорогая моя кукуня, жду, когда вы будете читать мое. Только вы и можете, а я буду исправлять.

А. Ремизов

8 III 1955

Дорогой мой кукуня-страдуня
Наталья Владимировна,

... Буду ждать, буду думать, что вы еще на пароходе или замедлили в облаках. Вчера была Сазонова, рассказывала мне о вас, и о ваших литературных привязанностях, я спрашивал ее о вас, ваших рисунках и легко ли дается вам писать. Когда она мне представила, как однажды вы побежали, торопясь домой поспеть, я увидел вас всю с головы до ног. Очень хорошо говорила о вас, ценя ваше. Надо будет купить ее «Историю русской литературы» – два тома.

Верю, вернетесь и скоро мы начнем вместе – сначала ваше, потом мое. Приходите с рукописью. Поклон от Иваска. Из «Тристана» напечатают в № 5 только предисловие. Жалею, что послал.

А. Ремизов

16 VIII 1955

Дорогая моя бубуня-кукуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Всякий день жду вас, дверь не закрываю. Все это время писал: вышло 55 моих каракуль, перечесть не могу. С помощью Л.Н. Замятиной перечел и подготовил для Вайнбаума «Царя Соломона». Экземпляр, который у вас, верните. Я заменю исправленным. «Кота Мура» отдал в переплет.

Париж опустел. Двадцать миллионов парижан разъехались на «ваканс». Л.Н. Либшиц (в пятницу) и Л.Н. Замятина (среда) тоже уехали. Одна С.Ю. (по вторникам) читает: «Путешествие послов» (XII-XIII).

На волю гулять не выходил. Африканский доктор праздновал свои именины пять дней, так мне и не пришлось выйти. Раз Лурье взял в лес (Булонский). Чижов меня окарнал под машинку и я в тюбетейке.

А. Ремизов

8 IX 1955

Дорогая моя колыбуня бубуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Сегодня вы именинница, а послать мне вам нечего. Вот когда пригодилась бы моя новая книга, на что у меня все меньше и меньше надежды. Должно быть «Тристаном» и кончится мое «сухопутное плаванье». Не могу принять свой пропад – слепую судьбу-долю.

Вся моя воля – мое упорство держаться – самообман. На каждом шагу я убеждаюсь, судьбу не обойти и, верю, я без улыбки завяз в своей беде... Вернется ли ко мне веселость духа, вернетесь ли вы, или я утону в пасмурье и супи (от «супиться»). Измучил меня разбор моих рукописей и кляксы на моем письме. А остается так мало дней Надо пользоваться каждой минутой.

Выход «Глобусного Человечка» откроет затор – освободит вас. Потом «интервью» и отзыв. Жду чуда. Так легко меня обрадовать и улыбнуть. Или надо так: принять судьбу и покориться. Исю поздравляю с имениницей.

А. Ремизов

25 X 1955

Я никогда не мог понять «Красивость» когда говорят о литературном произведении. Толстой избегал красивых фраз. Но нигде я не читал примера «красивости».

Вот говорят Алданов тоже избегает! В чем дело?

«Красота» – «Красивость» – так мало в этих словах толку. Я понимаю «очарование» и в словах Достоевского в Идиоте: Красота «спасет мир» читаю «очарование».

Избегать «таратора», «напыщенности», «риторики» – да.

Сегодня напутственный день. Как-то вас встретят в Нью-Иорке. Чувствую против меня зуб. В рецензии на Адамовича А. Седых всех помянул, кроме меня. Верю в ваше слово.

Хасан Басри спросил... (неразборчиво) «как ты знаешь Бога?» (а я бы спросил: как ты любишь Бога). И он ответил: – Знаю (люблю) без как, как и люблю без потому что.

А. Ремизов

5 XI 1955

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Мое письмо дойдет до вас к вашему дню рожденья – 10-го.

Ждите меня поздно вечером, прилечу к вам на «помеле». Все хочу представить себе ваш перелет в бурю, напишите самое жуткое.

Видел вас во сне: вы провожали меня на океан. Но я опоздал на поезд, не заявил и билет пропал. Сон сложный, у меня сказалось, «la route sans pilote» (можно ли так сказать, спрошу у французов).

Кашин получил Г.Ч. и написал, но где – в Посеве или в Гранях? Я напишу ему. «Дом книги» печатает объявление, вырываю и наклеиваю.

В. Марков тоже получил. Он филолог. В истории русской литературы девятнадцатого века и до Революции: Горький. Чехов, Андреев, Куприн, Бунин, Зайцев (меня нет) читаю о своих современниках: как трудно было начало. Объясняется очень просто: писатель обнаруживается не сразу, надо годы чтобы его заметить.

Неделя прошла в пустую. Заходил В.П. Никитин, и я не мог спросить его о Суфистах – мне нужно заглавие.

Завтра воскресенье, придет Мамченко и Комаров переписывать мое окончание о Розанове.

А. Ремизов

11 XI 1955

Дорогая моя бубуня кукуня Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Все жду рецензию Адамовича о Г.Ч. Дом Книги и YMCA каждую неделю печатают объявления о ваших «Сказках» и «Глобусном Человечке», вырезаю и наклеиваю в тетрадь. Жду отзыв «Посева» и «Граней»: как только получу, пошлю вам. Каплан передает через Емельянова, что «Глобусного Человечка» купили 100 экземпляров. Такое внимание не встретил ни один эмигрантский писатель. Вас узнают в России теперь, а не когда-нибудь через «50 лет».

Терпеливо слушаю вечером о своих современниках. Я понимаю, почему я не попал в историю русской литературы. Моя тема: слово и человек. А мои современники «обличали». Утилитарной критике со мной делать нечего. Я не существую. Моя «беда» не зависит от «обстановки».

А сегодня пятница – ваш день. С вашего отъезда начинаю новую жизнь – последнюю. У меня такое чувство: с той ночи (18-X-1954), как упал я, проводив ваш аэроплан, мне не подняться. Войти в прежнюю жизнь я не могу. Кончаю одни лекарства, начинаю другое – и так от Зернова до Зернова, приезжает каждые две недели.

Продолжаю персидскую мудрость – Никитин дал еще перевод из жизни «суфиев»: «Хромой толкачик».

Дорогая моя кукуня, холодно и сурово. Буду ждать вашего письма.

А. Ремизов

15 XI 1955

Дорогая моя бубуня горюня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Спасибо, что вы меня не оставляете. Всей моей последней жизнью испытываю ваше терпение.

Такое мое господнее чувство. Потому и пишу – мне все хочется всеми словами, хоть и чувствую, что и без этих слов вы это знаете.

Напишите, как встретили Г.Ч.

Варшавскому передайте мою благодарность. Меня, вы помните, как тронуло упоминание вашего имени. И пусть он вам покажет Н.Р.С. 16 окт. – ответ Яновскому.

Слоним напомнил мне, как я, один из *гонителей* незамеченного поколения участвовал в... (неразборчиво). Это было 30 лет назад, и премировал рассказ Варшавского, о чем он забыл, а я не помню содержание.

Жду отзыв Адамовича.

Видели ли Ульянова? Будет случай познакомтесь с В.Ф. Марковым – большой культуры и вне всякой политики.

Через месяц ваше рожденье. Готовлю вам мою память.

Дорогая моя кукуня, сегодня вторник – ваш день. Дверь не закрыта, а дождусь.

А. Ремизов

4 XII 1955

Дорогая моя бубуня, дорогой мой любимый
и неизменный
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Сегодня 53 года моей первой напечатанной прозе, а, ведь, это только мгновение. Но только теперь я вижу ясно свой путь слова. История русского слова: Епифаний Премудрый – XIV в. – и наше время: Андрей Белый, Хлебников, Маяковский, совершенно неважно, какая тема – жития святых, сатира. Если удастся, я расскажу вам, когда придет весна. К именам можно прибавить: Розанов, Пастернак. Русская речь вывернута – новое восприятие.

Глаза успокаиваются, еще день испытаний. Я вам опишу ночь, утро и мой печальный день.

Дорогая моя кукуня, скоро Коляда и буду ждать весну. С.Ю. в пятницу не пришла. Чествование Даманской. Был Шура Лурье. Сегодня же он напишет Исе подтверждение о получении денег.

А. Ремизов

9 XII 1955

Дорогой мой мудрый зайчик Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Переношусь через дни в день. Сегодня сижу у вас за столом. Волчьими глазами гляжу на блюдо – волчью снедь, тут и языки, и рачьи шейки, и лук, и мозги.

Искусство может сказать о человеке больше, чем всякий сам о себе. Искусство, как сновидение, глубже

сознания. В литературе меня трогает теплота сердца и совестливость. Прочтите рассказ Лескова «Зверь» о медвежонке. Обратите вниманье на рассказ Маркова в «Новом Журнале» – это его первый рассказ – идет по дороге «Взвихренной Руси». Стройка фраз и слов.

А. Ремизов

. . . .

Мне так близко – «Бедные люди» Достоевского. У меня такое, будто я писал о себе, рассказываю-исповедь, и горечь вскипает на сердце. Собакой с перешибленной лапой я прожил жизнь. Чего было больше: обрадования от встречи или огорчения от пинков? Горечь прорезает мою память, моя веселость вдруг переходит в безответную скорбь. Кто мне ответит, зачем все, все было так, как случилось?

. . . .

А. Ремизов

Можно сказать одни родятся под звездой свободы, а другие под знаком необходости.

Я сам себе надоел, хотя знаю, что это очень полезно для познания другого: древний завет – «познай самого себя». Иначе как пробраться к душе другого человека?

Мысль о России никогда не покидала меня.

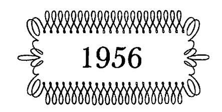
Надо не забывать что «завтра» превращается во «вчера».

Моя жизнь раскололасн. С августа 1921 г. в Европе, прошел через Германию и завековал в Париже. Никогда – а только заграницей, я почувствовал себя, что русский. Я не чужой вам, но я по-своему. А моя память о русском ярче.

Все в мире уходит в неть.



Ремизов, Утенок, Н.К.



27 I 1956

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениамонивич

Спасибо за Китовраса, Волка – вклею. А.С.Лурье передал письмо с чеком. Стараюсь писать медленно, чтобы вас не мучить. Попробуйте исправить – взять Ваше, переговаривая, как будто Вы не книгу читаете, а рассказываете. Печатайте и другие ваши стихи,

помогает навыкнуть (научиться). Упорное и записыванье – запись мыслей. Это, как на инструменте, надо упражняться. Надо что-то обязательное ежедневно. Мне так трудно писать, меня спасает утреннее записыванье снов.

Мучаюсь над моей памятью первых прочитанных книг Достоевского «Хозяйка» и «Кроткая». И почему я помню их до сих пор.

Моя дорогая кукуня. А. Ремизов

10 II 1956

Дорогая бубуня, бегуня, сердуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Плохо вижу от холода. Спасибо за письмо и «мудрость». Дважды видел Вас. Первый сон – человек, второй – вашу душу. Душа человека знает больше человеческого сознания, знает многое, чего мы не подозреваем в себе. Говорю с вами, а вы пересказывали.

Как я буду ждать вас. – Посылаю исповедь Грудцына по-французски. А Тристана, должно быть, печатать не будут. Мучаюсь над Достоевским, написано много, а собрать не по глазам.

.... А. Ремизов

20 III 1956

Дорогая моя бубуня кукуня
любимая неизменно, все жду,
Наталья Владимировна

Какие мне снятся сны и яркие чувства. Когда же придет тепло и вы без стука войдете в «Кукушкину»?

Я затеял: «Достоевский до каторги» – 1845-1849 г. от «Бедных людей» до кануна ареста Неточки Незвановой. Четыре года раскаленных чувств должны были для «жизни» оборваться катастрофой. Обличение человека – что есть человек? Строй жизни, но кого? Человек – посмотрите вот, как я чувствую человека.

Кроме Гоголя, чтение Гофмана о дружбе с Германом «Сверкающая красота» – гоголевское определение. Добро, любовь. Думаю, как вам расположить книгу, как перейти к интонации речи: в интонации души.

Адамович без вас не заходит.

А. Ремизов

5-6 IV 1956

Дорогая моя бубуня, кукуня бело-вишневая
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Утро свежее, я места не нахожу – зябну. Белым зацвела вишня. Надежда – придут теплые дни.

Посылаю бандеролью «Посев», там обо мне и о вас – сочинение африканского доктора. Обратите внимание в «Гранях» на статью Г. Петрова, – исступленный, путанный, но живой.

Продолжаю Достоевского до каторги. Тема: природа, человек, обличение не строя жизни, а души человека. Почти во всех рассказах сны. У Достоевского глаз на случайности. Он придавал им большое значение. Случайностью нарушаются все рассчеты. Очень полезная статья А. Седых «Выписки из документов о Достоевском».

Дорогая моя кукуня, как жду я вас. Март нарушил мой порядок. Я не могу – дневные часы мне необходимы, тишина, молчание, пустыня.

А. Ремизов

13 IV 1956

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна,

Сегодня уже тихий теплый дождик: проснулись лягушки. Скажите Варшавскому: письмо Никитина послал еще на Чеховское издание. Книги сейчас читает С.П. Шершун – я дал ему. Чех. изд. меня спрашивает, в каком № (число) Н.Р.С. был напечатан отчет о вечере, посвященном книге? Я храню газету. На мой взгляд, книга ценная – чем жили-были в эмиграции за 30 лет. Все это на моих глазах. Боюсь, за 30 лет в эмиграции изжито всякое любопытство. В конце апреля выйдет эмигрантская литература. Но в книге ничего не будет? «Чем жили»? во что верили, чего ждали. Новая эмиграция прошла все эти годы в России, оторванная от всякой истории – как, чем жили...

А. Ремизов

26-27 IV 1956

Дорогая моя бубуня кукуня, попрыгуня
Наталья Владимировна

Вчера был Ися. Собирается после Пасхи весну встречать – ехать домой. До 6-го обещает кулич от Суханова и повезти меня в лес. Никогда я не думал «на волю», как последние дни.

Продолжаю думать и слушаю. Записывать некому. Пробую самостоятельно: выходит «по глупому»: исписанные страницы – что и куда и где не разберу. Буду ждать лета. Если приедете, поможете.

Из переплета получу Гофмана после Пасхи.

Надо сойти с ума, чтобы поумнеть. Отойти от навязанных определений взглянуть на мир другими глазами.

. . . .

А. Ремизов

3-4 V 1956

Дорогая моя бубуня весенняя веткуня
(от слова «ветка»)
Наталья Владимировна

Жду Исю из бельгийского путешествия. Обещал кулич. От него узнаю, как Вы и что у вас. Пропала С.Ю. Все готовятся к Пасхе и мало мне читают – часами сижу в темноте.

Понемногу возникает образ души Достоевского до каторги. Горячо чувствовал разлуку, жертвенную любовь. И еще ту сторону любви – мучительство: разлука – любовь – память. Все стороны любви я чувствую. Но мучительство для моего сердца непостижимо.

Зацвел каштан, такая редкость на Пасху. Несколько дней, как я чувствую себя не по-зимнему, ко мне вернулась моя температура, прошел кашель «собачий». Остается вывести меня на волю и я войду в жизнь.

Проверьте свое: каждое действующее лицо рассказа попробуйте переговорить, представляйте, как на театре.

Дорогая моя кукуня, здоровы ли вы, или о чем решительно задумались? Видел вас – беспокойно ходите вокруг «круглого» стола, – то ли ищете чего, или нашли, а не знай, как распорядиться: бросить или сохранить. Меня поразило меняющееся выражение лица.

А. Ремизов

13 V 1956

Дорогая моя бубуня кукуня страдуня
Наталья Владимировна

Издрожался: отопление прекратили, а радиатором не согреешься. Ведь я поправился, а теперь упало «давление». И снова какие- то лекарства (дорогие).

Ися (я писал вам) передал от вас за Н.Р.С. 44 000 фр. из них 4 пошли на лекарства а 40 я передал на издание Тристана.

Эта неделя для меня неудачная: все поздравляют и я не мог приготовить текста. Сегодня придет Мамченко и он поможет, а на той неделе я пошлю вам рукопись.

Жду Исю в канун отъезда.

Чтение Гофмана открывает мне откуда у Достоевского с первых рассказов... (неразборчиво). Это не заимствование, это встреча.

Июнь пройдет у вас обогреванием и приготовлением к отъезду.

Я записал под рисунками значение чудесных трав. Четыре травки – если прикладывать где ноет, боль успокоится.

1. Коптырь трава, корень у нее наверху и цветет под землей.
2. Палисада (?) трава ростет без корня.
3. Лепестан трава – чем больше мокнет тем больше сохнет.
4. Адамова голова – над травами царь. Цветы алые, вроде как синие.

(Я напишу подробнее чудесная трава)

Все эти травы достану для вас и передам вам в Париже. Как бы хотел Дорогая моя внучка облегчить вашу боль.

А. Ремизов

8 VI 1956

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович

Где-то вы теперь жаритесь на солнце. Замерзаю: на мне четыре зимние рваные шкурки, на коленях грелка, а температура 36.

Нашел у Гофмана определение «детское чувство», на знаю как (неразбор) чувство (восприятие) детей и есть наше общее: ваши Сказки и моя Посолонь. Отличие в матерьяле для воображения: в Сказках- живая природа в Посолони – книжная.

Об этом я хочу сказать Глебу Струве который отрицает всякое наше родство и соединяет вас с Пришвиным.

Вы сумеете, конечно, но найдется ли у вас время выписать из статьи (к Повелителю блох) название книг на которые он ссылается. Если вам удастся, то не надо привозить книгу. Привезите тогда только Кота Мура перевод М. Бекетовой.

Мне все хочется освободить вас от всяких «поручений», не загромождать вещами.

Прочтите Герцена о Гофмане (это его первое произведение).

Во сне от вас два письма: одно обыкновенное, а другое несколько строчек голубыми чернилами начинается словами: «*медленность, медленность*».

Дорогая моя кукуня, привезите мне тепла.

А. Ремизов

23 VI 1956

Дорогая моя бубуня – кукуня и бобуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

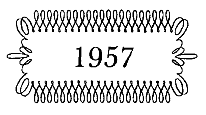
Не могу еще очнуться после моего выхода на волю (19-V): глотнул ледяного шампанского, такое чувство.

Каждый человек создает себе из хаоса свой мир природы – небо со звездами, зверей, лес, поля. Одинаковое восприятие хаоса роднит людей и тут я чувствую ваше восприятие – мне ближе восприятия Пришвина, и в этом источник нашего созвучия – согласия. Природа без моего глаза только жизненный процесс (растительный).

А. Ремизов



Последняя фотография, лето 1957



1957

17 IV 1957

Дорогая моя Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,
Пишет Л.Н. Замятина, я говорю.

Меня-то устраивает, хоть сегодня жду, боюсь за вас – возвращение холодов. Не вышло бы, как в прошлом году: ни писать, ни читать, а борьба с холодом. Если бы можно было вам не ехать в Калифорнию, а просидеть две недели дома в тепле и тишине, и позаниматься своим – это было бы самое лучшее

(увереннее). Но если вы готовы победить внезапный холод – приезжайте. Вы будете мне читать. Верю, что все будет на месте и складно.

1) До сих пор у меня нет колядки о Ремизе.
2) К рукописи Семена Ремезова я написал «Заветы» (тетрадь № 17). Разобрать Вы поможете.

Выписываю статьи Федорова – первый отклик на 80-летие. Возможно, что газета есть у Вайнбаума. Не посылаю свой экземпляр – покажу. Автор – старый учитель, хороший, книжный.

А. Ремизов

Николай Федоров

Тайна Ремизова (к 80-ти-летию)
«За Правду» от 23/III и 30/III 1957 г.

19 IV 1957

Пишет Лидия Николаевна,
а я сказываю.

Дорогая моя кукуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович.

В комнате Серафимы Павловны, на середине стола, пусто. Вы можете разложить Ваши тетради. Приходите, когда угодно и занимайтесь, а захочется отдохнуть, есть диван, можно устроить Вам, положа подушки. Возможно, что там, в молчании, Вы больше сделаете, чем сделаете дома. С 4-х часов до семи Вы мне читаете написанное, не спеша. Уверен, все будет хорошо. На вечер можно покупать ветчину, а днем, поклонясь моему Стражу, попросить сделать суп.

Сейчас возвращается тепло, отопление кончают в конце месяца. Как у Вас на квартире? Думаю, так же, как здесь. Мое неразборчивое. Вы мне поможете разобрать, а Лидия Николаевна перепишет.

Др Зернов каждую неделю по пятницам. Давление с 13-ти поднялось до 14-ти. Пульс с 60 до 66. Все это хороший признак. К Вашему приезду я думаю быть совершенно нормальным.

С Вами я выйду на волю, постою у двери, около окна консьержки и вернусь в Кукушкину. С Вашим приездом разсеется то, неизвестно за что, злое, чем окутана Кукушкина.

Лидия Николаевна Вам шлет сердечный привет.

А. Ремизов

26 IV 1957

Пишет Лидия Николаевна.

Дорогая моя кукуня
Наталья Владимировна,
Дорогой Исаак Вениаминович,

Прошу Н.Р.С. от 7 апреля (воскресенье) – не получил, а любопытна статья Ульянова. Гулю, сейчас же по отъезде Иси, написал, прошу его передать Вам мой гонорар.

Продолжаю итоги: с 1907-1957 г.г. за пятьдесят лет, издана 81 книга.

Думал о слове «отмеченный». Сам про себя каждый из нас может сказать «меченный», и только другой, оценивая, скажет – этот человек «отмеченный» (отличный).

«Новый Журнал» вы увидите раньше, напишите, какое впечатление от этой главы, выдернутой из начала романа.

Разбор моей рукописи «Прочее» медленно подвигается. Мне надо было определить, откуда – 1) Скрытность, 2) Застенчивость, 3) Растерянность, 4) Ненаходчивость, 5) Сверхчувствительность, 6) Горечь. Из под Купальского пламени веду веселость духа. А откуда путаница и недоразумения вокруг меня, не могу придумать. Словно бы на моем существе клеймо-отметка. Духовные люди, антропософы, про меня говорили «темный».

Очень хочется поскорее послушать Ваше и заняться Вашим. Я сам себе надоел, хотя знаю, что это очень полезно для познания другого: древний завет «познай самого себя». Иначе как пробраться к душе другого человека.

Есть надежда – холода уходят. На Пасху я получил один цветок – белый подснежник.

Жду вас, готовлюсь.

А. Ремизов

3 V 1957

Дорогая моя бубуня кукуня
Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович!

Привезите оттиск «Житие прот. Аввакума», находится в архиве, без переплета, моя обложка.

Я написал Гулю о передаче моего гонорара Вам. Должно быть, надо предупредить его о Вашем отъезде, а если он пошлет чек, надо как-то тогда переслать его Вам в Париж.

У Ваших друзей, бывших и не бывших, Ваша книга не может вызвать сочувствия: если бы Вы затеяли исследование о незамеченном поколении, а то – Ремизов?!?!?!

Я верю в Вашу книгу и первый экземпляр пошлю в Пушкинский Дом. А 1-го июля в Сорбонне последний экзамен.

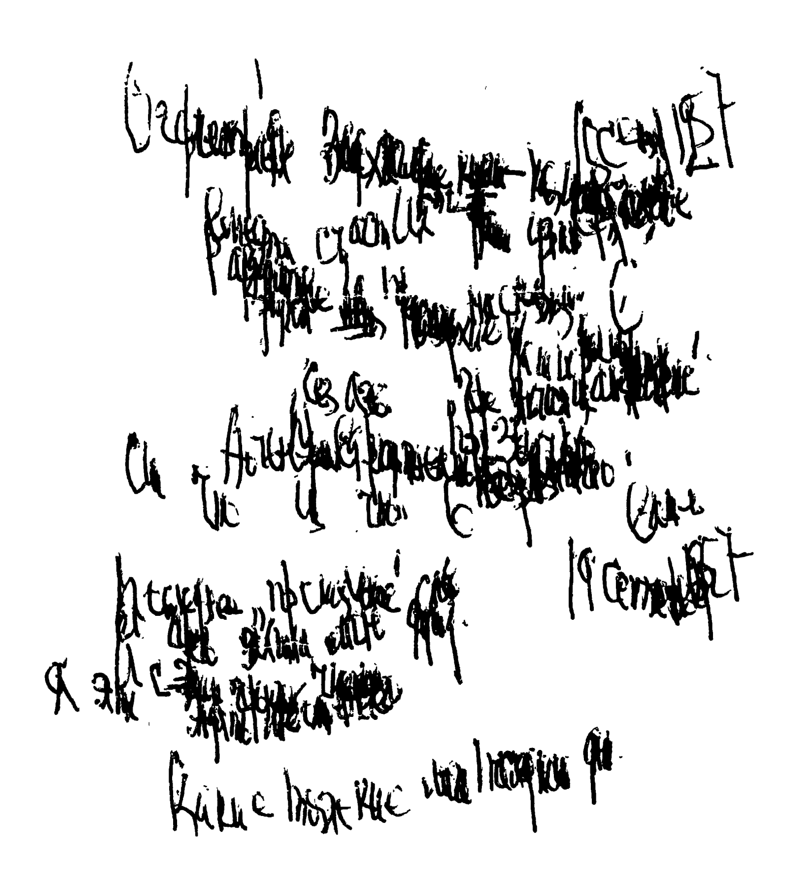
Дополнение к моему ответу о Природе моего существа. Природа существа – Купальская, огненная и вещая. От чистоты огня веселость духа (у меня нет ни злой памяти, ни зависти). От «вещего» – сновидения и мир сказок. Вы вашей книгой сказок вернули мой сказочный мир. Я еще напишу в дополнение.

Пишет Лидия Николаевна. Она кланяется. Спешит сегодня.

А. Ремизов

Все живое вышло из воды, а живо огнем, пламенем души.

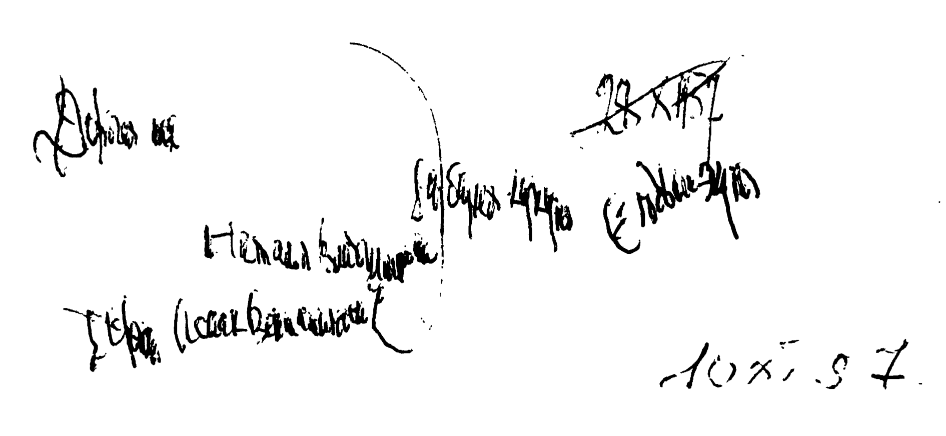
Все написанное мною за полвека – исповедь.



Запись в дневнике 18 и 19 сентября 1957

19 Сентября 1957

Последнее прощальное слово
И горечь залила мою душу.
И с этим горьким чувством
ждать мне больше нечего.
Какие тяжкие мои последние дни.


10 XI 57

10 XI 1957

Дорогой Исаак Вениаминович,
Дорогая моя бубуня кукуня ведьмедуня
Наталья Владимировна

Сегодня ваше рождение, помню а сочинить поздравление не мог. Где-то я понял и обрадовался – мой последний вздох в жизни.

Дышу кислородом, это развлекает. Сделайте распоряжение о доставке мне сказок Н.В. Кодрянской и я немедленно пошлю Маршаку, которому обещал и который получит сказки с моей (моя подпись гарантия). Надо пользоваться случаем.

Всегда и неизменно думаю о вас и это дает мне жизнь.

Примечание: К этому письму в дневнике Алексея Михайловича от 10.XI написано:

«Не оставляйте меня одного. Я только об одном молю: не оставляйте меня одного. И вдруг вижу: Н.В.К. услышала, и прямо из Нью-Йорка! А я вспомнил: сегодня рождение Иси».

Е.В.

[illegible]

17 XI 1957

Дорогая моя бубуня, кукуня, моя мудрая
и любимая Наталья Владимировна
Дорогой Исаак Вениаминович,

Диктую Екатерине Владимировне. Сегодня две недели я в огне. Трудно себе представить – на мне только сорочка. Каждое слово с кислородом. Ко мне никого не пускают и обманывают, но я *все* понимаю и *всех* понимаю.

Не могу забыть своих галлюцинаций, я к ним в своем дневнике все возвращаюсь. Дневник посылаю 26-ую тетрадь. А 27-ую начну сегодня. Мне запрещено даже диктовать. Сны мои яркие и особенно один – о Вавилоне, о котором уже и подробности снятся.

Я в «Подстриженных глазах» разсказал из Тысячи и одной ночи, о приговоренном к последнему вздоху, замурован под землю и с ним его сестра. Еще и еще раз я чувствую и вижу себя, как я поднимаюсь в гору в Вавилон с опахалом, и это восторг мой: моя победа.

Я не один, я чувствую руку, окованную браслетом. Мы подымаемся навстречу грозе и я своим опахалом: воздух, воздух, воздух...

Я вовсе не такой «червяков» как меня представляют. Пишите Екатерине Владимировне, она мне передаст, а от меня она пишет все по правде.

18 XI 1957

Пишет О. Дервис,

А ночью был необыкновенный сон. И вот сегодня упала температура, и такая слабость, не могу не только поднять глаз, но и сказать слово. Зернов бывает всякий день и говорит что это нормально, но для других это неожиданно. Как на грех сегодня нет кислорода,* я очень мучаюсь, но покорно.

* Примечание. Кислород, конечно, очень скоро был доставлен.

Е.В.

Это последнее письмо Алексея Михайловича.

Привожу письмо Екатерины Владимировны Фоминой о последнем дне жизни Алексея Михайловича.

***

26 XI 1957

Этот день – 26 ноября 1957 г. – прошел до самого вечера, не предвещая столь скорого конца. Дня за три до того силы Алексей Михайловича начали падать настолько быстро, что он не мог говорить громко, а лишь шептал все более невнятно, так что уловить смысл не легко.

Однако, по словам доктора Зернова, это могло и скоро кончиться, но могло еще и продлиться неизвестное время. Дух Алексея Михайловича был бодр. Еще накануне вечером я ему читала вслух из «Соборян» Лескова.

И в последний день он, хотя и с трудом, принимал пищу с ложечки. Продолжал водить слабой рукой

по столу, нащупывая мундштук, как всегда настаивая делать все «сам». Дышал кислородом. И курил, курил до конца.

В восьмом часу вечера пришел Мамченко и я вышла к нему в кухню, а Дервис просила остаться с Алексеем Михайловичем, которого, из-за папиросы, нельзя было оставлять одного ни на минуту.

Темная занавеска на окне была задернута. Свет заходил из открытой в коридор двери.

Когда Мамченко ушел, я пошла в ту сторону. В Кукушкиной была полная тишина. Я зашла в комнату Дервис что-то взять оттуда, как вдруг она вышла ко мне и сказала: «Подите, посмотрите: он какой-то чужой. Мне страшно!»

Я вошла, зажгла свет и увидала, что он сидит, откинувшись на подушки, которые за последнее время, из опасения отека легких, вообще клали высоко.

Лицо было спокойное, но строгое. Я бы сказала: с выражением неприступной важности – уже отчужденное от здешнего мира. Глаза были закрыты. Правая рука вытянута – без напряжения – ладонью вверх.

Дервис посмотрела на меня вопросительно, я наклонила голову.

Тотчас же вызвали Резникову. Я ничего не трогала до ее приезда, а затем, при одевании не присутствовала. Единственно только, что Резникова просила меня вставить зубы и я, не отдавая себе отчета, насколько это будет лучше или хуже для вида, взяла себя в руки и сделала это, и мы с сестрой милосердия, которая пришла в половине девятого, крепко подвязали подбородок.

Эта ночная сестра по утрам так тщательно мыла Алексея Михайловича, что он был безукоризненно чистый. Она же теперь, сказав, что «это последний долг» вымыла пол в Кукушкиной.

На Алексея Михайловича надели новую рубашку, галстук, брюки, носки. Затем покрыли до половины груди простыней. Кровать была выдвинута от стены довольно далеко.

Когда все ушли, я отправила усталую Дервис спать, а сама села в комнате против постели, на которой лежал Алексей Михайлович. Потом я тоже легла, оставаться дольше не было сил.

На утро сняли повязку с головы и Алексей Михайлович лежал с выражением полного покоя на лице и умиротворенного, мудрого углубления в себя. Как ангел был прекрасный.

Так жаль, что ни Вы, ни Нина не видали его в этот момент! Нина не смогла приехать раньше, чем после положения во гроб.

Конечно, служились панихиды. Было много народу. Было много цветов. От Вас – очень большой и очень красивый венок.

В сложенные на груди руки Алексея Михайловича я вложила небольшую иконку Божьей матери «Всех скорбящих Радости», которой Нина когда-то благословила меня. Нина приняла это радостно.

Потом, в ночь, когда закрытый гроб стоял в комнате, милый «Сурок» всю напролет читала до утра.

Наконец, вынос – тяжелый момент, когда вдруг стало ясно, что дверь этой квартиры больше никогда не откроется для свиданья, что за ней осталась жуткая пустота.

Потом кладбище, опущенный в могилу гроб.

Возвращение – для немногих *искренних* друзей, странное осознание того, что больше нигде на земле не встретишь, не увидишь того, кого любил, в знакомом, дорогом облике.

Для верующих же, таких как Нина, также и несомненная уверенность в радостной встрече... в должное время.

***

Теперь закончив мою книгу, я вспоминаю тот день в Нью-Иорке, когда под вечер я стояла у окна держа в дрожащих руках телеграмму о смерти Алексея Михайловича.

Гудзон предо мной погружался в сумерки, время дня, которое Алексей Михайлович так любил.

В сумерки погружалась и моя душа.